На правах рукописи

МЕЩЕРЯКОВА НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА

ОСОБЕННОСТИ АНОМИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Диссертация на соискание степени доктора социологических наук

Специальность 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

Научный консультант
доктор социологических наук,
профессор
Ильина Галина Николаевна

2015

Оглавление

Введение 3

Глава I. Теоретико-методологические предпосылки исследования феномена социальной аномии в современном обществе 25

1.1. Теория социальной аномии в сложном обществе 25

1.2. Социологическая экспликация синергетических идей 70

1.3. Социальная аномия в терминах синергетики. Концепция ценностно-нормативных конфигураций 95

Глава II. Российское общество сквозь призму концепции сложной аномии 129

2.1. Теоретико-методологические подходы к изучению аномии в российском обществе 129

2.2. Сложная аномия в российском обществе: факторы, признаки, следствия 149

2.3. Значение стереотипов в представлениях о национальном характере россиян 187

Глава III. Социокультурные аттракторы как параметры порядка 209

3.1 Сложная аномия как социальный процесс 209

3.2 Перспективы социального конструирования в ценностной сфере общественной жизни 226

3.3 Идея национального развития как аттрактор 258

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 274

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК: 288

ПРИЛОЖЕНИЕ 307

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Тема социальной аномии актуальна не только для России – весь мир сейчас стоит на пороге перемен, трансформации структурно-функциональных основ, ускорения и усложнения динамики социальных процессов. Условия изменения элементов социального порядка, обесценивание прежних норм, рождение новых, их наложение друг на друга, согласно Э. Дюркгейму, являются порождающими социальную аномию. Современное общество в трактовках У. Бека, Э. Гидденса является обществом риска не только потому, что риски в нем доминируют, оно принципиально рискогенно, так как они постоянно усложняются. Его характерной особенностью становятся качественные сдвиги в основополагающих ценностях и целях, «превращение нормы в абсурд» (У. Бек), «текучесть морали» (С.А. Кравченко), что ведет не к новой статике, но к дисперсии и турбулентности. Неустойчивость ценностно-нормативных оснований солидарного общественного существования, в свою очередь, угрожает целостности и самодостаточности (Т. Парсонс) самой системы.

Теория социальной аномии как рассогласования ценностно-нормативных оснований общественной жизни изначально была сформулирована Э. Дюркгеймом как теория, объясняющая формы девиантного поведения в обществе. Но ее гносеологический потенциал значительнее и шире: она способна раскрывать тенденции взаимодействия основных социокультурных элементов, скрепляющих социальную жизнь, ценностей и норм в развитии. Вместе с тем теория социальной аномии, в трактовках Э. Дюркгейма и Р. Мертона, недостаточно эффективно отображает такие реалии современного сложного, постоянно становящегося (П. Штомпка) общества, как его нелинейность, способность к самоорганизации, рефлексивность социальных акторов. Необходимо обновление концептуального аппарата социологии для изучения феномена социальной аномии.

Для российского общества проблема социальной аномии имеет особую остроту, поскольку на неразрешенные проблемы переходного периода от одного экономического и общественно-политического устройства к принципиально иному накладываются новые глобальные вызовы, прежде всего в виде увеличивающейся открытости социума, новых мобильностей людей, капиталов, технологий (Дж. Урри[1]), образования невиданных ранее сетевых структур (М. Кастельс[2]). Происходит суммирующий (синергетический) эффект их взаимодействия в направлении хаотизации. Среди видимых проявлений аномичного состояния российского общества исследователи называют парадоксальность и кентавризмы (Ж.Т. Тощенко[3]), правовой нигилизм, апатию, переосмысление и усложнение идентичности. Наряду с «легитимирующей» идентичностью, порожденной гражданским обществом, возникают «резистивная» и «проективная» идентичности. В итоге сегодня наше общество «страдает» опасным для его целостности и самодостаточности отчуждением людей от своих основ.

Социальная аномия ведет к дезорганизации общества, снижает управляемость социальными процессами и эффективность управления. Особенно очевидным тормозящий эффект социальной аномии становится по отношению к взятому курсу на модернизацию страны. В условиях вторичной модернизации социальный капитал является одним из главных источников роста ВВП[4], а ситуация социальной аномии этот социальный капитал, базирующийся на доверии между членами общества[5], разрушает.

Состояние аномии может свидетельствовать о начале распада культуры как таковой, как способа организации и развития человеческой жизнедеятельности. Социологии необходимо установить причины этого

---

[1] *Урри Дж.* Мобильности. М., 2012. 576.
[2] *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture Volume 1: The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Wiley Blackwell, 2010. P. 8.
[3] *Тощенко Ж. Т.* Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М., 2011. 536 с.
[4] *Лапин Н. И.* Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России : сб. материалов VIII Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (22–25 октября 2012 г.) / Ин-т социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан. Уфа, 2012. С. 7.
[5] См.: *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. 730 с.

явления, а также предложить пути оздоровления общества. Это вопрос национальной безопасности. Необходимо еще раз проанализировать ситуацию социальной аномии применительно к российскому обществу, тем более что некоторую «теоретическую растерянность» в этом вопросе отмечают сами исследователи[6].

Вместе с тем, нельзя не признать, что ситуация кризиса ценностно-нормативных оснований общественной жизни – «нормальное» состояние общества перемен. Поскольку мы берем курс на ускоренную модернизацию, то не можем не признавать необходимость и неизбежность перестройки ценностной системы российского общества в соответствии с меняющейся социальной реальностью. Конфликт ценностей сам по себе может быть детерминантом развития. При этом сохранение относительно долгоживущих «ценностей порядка» столь же необходимо, как и поощрение «ценностей развития».

Ценности и нормы – это основные составляющие национальной идеи, поиски которой сегодня осуществляются более на ощупь, из фрагментов общечеловеческих ценностей, библейских заповедей и представлений о традиционной ментальности россиян. Национальная идея, нравственность не сформируются сами собой, их надо взращивать, культивировать, как собственно и понимали термин «культура» еще со времен Античности. Ответить на вопрос – возможно ли социальное конструирование с целью повлиять на сбалансированное развитие в условиях необходимой и желательной трансформации общества так, чтобы не запустить механизмы самораспада, как это было в 80–90-х гг. XX в. в России, – задача актуальная, ее решение имеет большое социокультурное и практическое значение.

Степень разработанности проблемы. В диссертационном исследовании рассматриваются теория социальной аномии, история ее развития, обосновывается необходимость модернизации ее основных

---

[6] *Кривошеев В. В.* Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 93.

положений применительно к изучению современного сложного, становящегося социума. Всесторонне рассматривается аномия российского общества. В центре внимания находятся категории ценностей и норм, их истоки в национальном характере и иерархия в массовом сознании россиян. В соответствии с поставленными в диссертации задачами исследование обращается к различным социологическим школам и направлениям, представленным в научно-исследовательской литературе.

Вопросы аксиологии подробно рассматривались в работах европейцев Р. Лотце, В. Виндельбанда, Г. Риккерта, М. Шелера, Н. Гартмана, Д. Гильдебранда, М. Вебера, Г. Зиммеля, Ж. Бодрийяра, Д. Пантича, П. Штомпки[7]. В американской социологии этим занимались У. Томас, Ф. Знанецкий, Дж. Мид, Т. Парсонс, Н. Смелзер, Р. Инглхарт[8].

Российская научная традиция аксиологии представлена трудами философов А.В. Битуевой, О.Г. Дробницкого, В.П. Тугаринова[9], культурологов А.А. Аверинцева, Ю.М. Лотмана[10], социологов в рамках школы В.А. Ядова[11], работами В.Э. Бойкова, А.П. Вардомацкого, С.И. Григорьева, В.П. Горянова, Т.В. Емельяненко, А.Г. Здравомыслова, В.В. Ильина, Б.Г. Капустина,

---

[7] *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. М., 2006, 199 с.; *Вебер М.* Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М., 1990. 808 с.; *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками : в 2 т. М., 2000; *Гартман Н.* Этика. СПб., 2002. 707 с.; *Гильдебрандт Д.* Этика. СПб., 2001. 569 с.; *Зиммель Г.* Как возможно общество? // Социологический журнал. 1992. № 2. С. 102–114; *Лотце Р. Г.* Микрокосм. Мысли о естественной и бытовой истории человечества. Опыт антропологии: Душа. М., 2012. 162 с.; *Риккерт Г.* О системе ценностей // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. М., 1914. Т. 1, вып. 1. С. 45–79; *Пантич Д.* Конфликты ценностей в странах транзиции // Социс. 1997. № 2. С. 25–36; *Шелер М.* Формы знания и общество: сущность и понятие социологии культуры // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 122–160; *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. 416 с.

[8] *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М., 2011. 464 с.; *Мид Дж. Г.* Избранное : сб. переводов. М., 2009. 290 с.; *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2000. 880 с.; *Смелзер Н.* Социология. М., 1994. 688 с.; *Thomas W. I., Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America. 5 vols. 19l8–20.

[9] *Битуева А. В.* Особенности структурного строения ценностных ориентаций // Credo : теоретический журнал. 2000. № 3 (21); *Дробницкий О. Г.* Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М., 1967, 351 с.; *Тугаринов В. П.* О ценностях жизни и культуре. Л., 1960. 155 с.

[10] *Аверинцев С. С.* Попытки объясниться : беседы о культуре. М., 1988. 48 с.; *Лотман Ю.* Культура и взрыв. М., 1992. 270 с.; *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.

[11] Россия: трансформирующееся общество / В. А. Ядов [и др.]. М., 2001. 640 с.

И.М. Клямкина, Н.И. Лапина, П.С. Писарского, А.А. Сазонова, В.С. Собкина, И.А. Суриной, Л.Г. Юлдашева[12] и др.

Отдельно следует отметить значимость для данной диссертации изучения базовых ценностей россиян по методологии Ш. Шварца, представленного в работах Н.М. Лебедевой[13], а также исследования Ю.А. Левады по программе «Советский человек»[14], где на широком эмпирическом материале и по результатам неоднократных обследований показана трансформация базовых ценностей россиян на переломном историческом этапе. Необходимо отдельно остановиться на коллективной работе А.С. Ахиезера, Н.Н. Козловой, С.Я. Матвеевой «Модернизация в России и конфликт ценностей»[15]. Авторы осуществили одну из первых в российской науке попыток соотнести социокультурную модернизацию с цивилизационными особенностями России. Они проанализировали роль конфликта ценностей в развитии общества и разработали концепцию механизмов культурной детерминации социальных, в частности модернизационных процессов.

Модернизация России не является самостоятельной темой диссертационной работы, но как процесс, на фоне которого разворачивается

---

[12] *Бойков В. Э.* Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 27–34; *Вардомацкий А. П.* Сдвиг в ценностном измерении? // Социологические исследования. 1993. С. 46–55; *Григорьев С. И.* В поисках смысла жизни и справедливости: студенчество России на пороге XXI века. Барнаул, 1995. 188 с.; *Горянов В. П.* Групповая солидарность и ценностные ориентации // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 60–67; *Емельяненко Т.В.* Методы межкультурного исследования ценностей // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1997. № 09. С. 32–54; *Здравомыслов А. Г.* Потребности, интересы, ценности. М., 1986. 221 с.; *Ильин В. В*. Аксиология. М., 2005. 213 с.; *Лапин Н. И.* Социокультурные факторы стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3–17; *Капустин Б. Г., Клямкин И. М.* Либеральные ценности в сознании россиян // Политические исследования. 1994. № 1. С. 68–93; *Сазонов А. А.* Методологические и методические вопросы построения социологической теории ценностей // Социальная политика и социология. 2010. № 12. С. 166–171; *Собкин В. С.* Подросток и политика: изменение ценностных ориентаций // Вопросы образования. 2008. № 4. С. 180–217; *Сурина И. А.* Ценностные ориентации как предмет социологического исследования : учеб.-метод. пособие / Ин-т молодежи, каф. социол. М., 1996. 130 с.; *Юлдашев Л. Г.* Теории ценности в социологии: вчера и сегодня // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 146–151.

[13] *Лебедева Н. М.* Базовые ценности русской культуры на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 3. С. 73–87; *Лебедева Н. М.* Ценностный компонент в характеристике русского национального характера и его влияние на экономическое развитие России // Мир психологии. 2009. № 3. С. 58–68.

[14] *Левада Ю.* Ищем человека : социологические очерки, 2000–2005. М., 2006. 384 с.; *Левада Ю.* От мнений к пониманию : социологические очерки, 1993–2000. М., 2000. 576 с.

[15] *Ахиезер А. С., Козлова Н. Н., Матвеева С. Я.* Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994. 250 с.

явление социальной аномии, тормозящее в свою очередь модернизацию, она не может ни быть упомянута. Мы будем главным образом опираться на материалы масштабного исследования по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», осуществляемого под руководством члена-корреспондента РАН, доктора философских наук Н.И. Лапина[16].

В данном исследовании используются подходы научного направления «культура и личность», а именно положение Маргарет Мид[17] о том, что изменения социальной организации неизбежно ведут к изменению базового типа личности, который воспроизводится через воспитание и определяет судьбу народа. Для этого привлечены материалы работы К. Касьяновой «О русском национальном характере»[18]. Автор рассматривает в ней социальные, этнические и архетипические стороны русского национального характера. Исследование базируется на эмпирических данных, полученных на основе использования методологии Миннесотского многоаспектного личностного опросника. Реконструируется базовая или культурная личность (россиянин русской этничности или определяющий свою национальную идентичность через русскую этничность), продолжением чего и является реконструкция русского национального характера.

Ситуация ценностно-нормативного кризиса рассматривается в рамках концепции «мирового общества риска» У. Бека[19], «общества риска» Э. Гидденса[20] с учетом феномена «времени турбулентности», предложенного О.Н. Яницким[21], идеи З. Баумана об отсутствии четко определенного вектора эволюции личности и общества, высказанной им в концепции «текучей

---

[16] Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России : сб. материалов VIII Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (22–25 октября 2012 г.) / Ин-т социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан. Уфа, 2012. 472 с.

[17] *Мид. М.* Культура и мир детства / сост. и предисл. И. С. Кона. М.: Наука, 1988. 429 с.

[18] *Касьянова К.* О русском национальном характере. Москва ; Екатеринбург, 2003. 560 с.

[19] *Beck U.* Living in and Coping with World Risk Society: the Cosmopolitan Turn // Deutschland Perspektiven. 2012. № 10. P. 1–11.

[20] *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. № 5. С. 107–134; *Гидденс Э.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. 120 с.

[21] *Яницкий О. Н.* «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155–164.

современности»[22], положения М. Арчер о рефлексивности социума и ее ненамеренных последствиях[23] и других подходов, учитывающих неопределенность, непредсказуемость и нестабильность современного общества. Нелинейность социокультурной динамики и порождаемые ею риски, а также современные подходы в социологии к ее изучению раскрывает в своих работах С.А. Кравченко[24].

Проблема социальной аномии, поставленная Э. Дюркгеймом[25], разрабатывалась в дальнейшем Р. Мертоном[26], на постсоветском пространстве С.Г. Кара-Мурзой, В.В. Кривошеевым, А.В. Никоновым, Н.В. Паниной и Е.И. Головахой, Н.Е. Покровским, В.Г. Федотовой, С.А. Шестаковым[27]. В.В. Кривошеев развивает тему аномии как криминализации общества. Аномию в детской и молодежной среде, выражающуюся в индивидуализации жизненных установок, нормативном релятивизме, разрушении групповой солидарности, росте числа суицидов, смертности от травм и отравлений, разрабатывают в своих исследованиях такие авторы, как Ю.А. Александровский, В.П. Бабинцев, С.В. Мошкин, Е.В. Реутов, В.Н. Руденко, В.В. Петухов[28]. Рост удельного веса представителей беднейших слоев населения и «социального дна» в социальной структуре

---

[22] *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008. 240 с.

[23] *Archer M. S.* Structure, Agency and Internal Conversation. Cambridge, 2003.

[24] *Кравченко С. А.* Влияние нелинейной социокультурной динамики на риски: вызовы социологическому знанию // Коммуникология. 2013. Т. 1, № 1. С. 59–72; *Кравченко С. А.* Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М., 2012. 306 с.

[25] *Дюркгейм Э.* Самоубийство : социологический этюд : пер. с фр. / под ред. В. А. Базарова. М., 1994. 399 с.

[26] *Мертон Р. К.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (современные буржуазные теории). М., 1966. С. 299–313.

[27] *Кара-Мурза С. Г.* Аномия в России: причины и проявления. М., 2013. 264 с.; *Кривошеев В. В.* Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 93–97; *Никонов А. В.* Социальная адаптация в условиях аномии общества: : дис. … канд. филос. наук : 09.00.11. М., 1998. 159 с.; *Головаха Е. И., Панина Н. В.* Социальное безумие. История, теория и современная практика. Киев, 1994. 168 с.; *Покровский Н. Е.* Проблема аномии в современном обществе. М., 1995. 139 с.; *Федотова В. Г.* Хорошее общество. М., 2005. 544 с.; *Шестаков С. А.* Социальная аномия в России как базовый фактор возрастания девиации // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (18–19 ноября 2004 г.). Тюмень, 2005. С. 139–144.

[28] *Александровский Ю. А.* Социальные катаклизмы и психическое здоровье // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 99–104; *Бабинцев В. П., Реутов Е. В.* Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 109–115; *Мошкин С. В., Руденко В. Н.* За кулисами свободы: ориентиры нового поколения // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 82–89; *Петухов В. В.* Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. М., 2007. 95 с.

нашего общества – тема исследований Н.М. Давыдовой, Н.М. Римашевской, Н.Н. Седовой[29].

С.Г. Кара-Мурза[30] связывает аномию в российском обществе не только со свершившимся общественным переломом начала 90-х гг. XX в., но видит ее причину в системе оскорбительных действий власти и «элит» времен перестройки. Власть вместе с «бизнесом», с точки зрения исследователя, создали предпосылки для аномии, породив массовый пессимизм в российском обществе. Интересное исследование прикладного характера проведено в Высшей школе экономики К. Сводером и Л. Косалсом[31]. Они предлагают модель, уже опробованную на российском поле в ходе эмпирического исследования, которую они назвали аномия «я-не-знаю» («don't know» anomie. DKA). Авторы рассматривают это явление как составную часть процесса модернизации, осложненную в России эффектом постсоциализма.

В диссертационной работе развивается идея Р. Мертона о причине аномии как рассогласовании, разбалансированности между целями и институциональными средствами их достижения. К ее разработке был применен социосинергетический подход, в результате аномия трактуется как рост энтропии системы, проявляющийся в рассогласованности ценностно-нормативных оснований общественной жизни. Изучением процессов в неравновесных системах впервые начали заниматься представители естественных наук И. Пригожин[32], Г. Хакен[33]. Последний предложил термин «синергетика». В России эти идеи продолжили развивать сотрудники

---

[29] *Давыдова Н. М., Седова Н. Н.* Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 40–50; *Кривошеев В. В.* Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 57–67; *Римашевская Н. М.* Некоторые проблемы социального реформирования в России // Проблемы прогнозирования. 2006. № 2. С. 3–17.

[30] *Кара-Мурза С. Г.* Аномия в России: причины и проявления...

[31] *Swader C. S., Kosals L. Y.* Post-socialist Anomie through the Lens of Economic Modernization and the Formalization of Social Control // Working papers by NRU Higher School of Economics. Sociology. 2013. №. 17. P. 2–32.

[32] *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. 432 с.

[33] *Хакен Г.* Синергетика. М., 1980. 406 с.

Института прикладной математики РАН им. М.В. Келдыша С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий[34]; их коллеги из Института философии РАН: Е.Н. Князева, В.И. Аршинов[35], а также такие исследователи, как В.П. Бранский, М.П. Бузский, В.В. Василькова, К.Х. Делокаров, В.Л. Романов[36]. Плодотворно работает методологический семинар профессорско-преподавательского состава Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, посвященный синергетическому подходу в исследовании глобализационных процессов[37].

Собственно проблему социальной аномии и ценностей как аттрактивных структур рассматривает в своих работах украинский социолог Л.Д. Бевзенко[38]. Синергетические эффекты организации исследовал А.И. Пригожин в рамках концепции оргцивилизации как третьей природы[39]. Связь организационной и самоорганизационных составляющих в управлении сложными системами устанавливают в своих работах А.Л. Андреев и Е.А. Седов[40].

В последние годы в отечественной науке возрос интерес к проблеме социальной аномии, о чем свидетельствует целый ряд защищенных диссертаций[41]. Д.Г. Геращенко, А.В. Плетнев и ряд других авторов пытаются

---

[34] *Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.. 1994. 236 с.; Будущее России в зеркале синергетики / Г. Г. Малинецкий и др. ; Центр «Стратегии динамического развития» им. С. П. Курдюмова. М., 2006. 272 с.

[35] *Аршинов В. И.* Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999. 203 с.

[36] *Бранский В. П.* Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 109–120; *Бузский М. П.* Современные концепции социальной синергетики [Электронный ресурс] // Сайт С. П. Курдюмова. Электрон. дан. М., 2013. URL: http://spkurdyumov.narod.ru/Rags10.htm#Glob21; *Василькова В. В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб., 1999. 480 с.; *Делокаров К. Х.* Глобализация и теория хаоса // Глобализация: синергетический подход. М., 2002. 232 с.; *Романов В. Л.* Социальная самоорганизация и государственность. М., 2000. 140 с.

[37] Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления : материалы Первой Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. Л. Романова. М., 2004. Т. III, ч. 1. 266 с.

[38] *Бевзенко Л. Д.* Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. Киев, 2002. 437 с.

[39] *Пригожин А. И.* Дезорганизация: причины, виды, преодоление. М., 2007. 402 с.

[40] *Андреев А. Л.* Самоорганизация социокультурной среды и трансформация политической системы: российские реформы с точки зрения синергетики // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2000. № 6. С. 77–85; *Седов Е. А.* Информационные критерии упорядоченности и сложности организации структуры систем // Системная концепция информационных процессов. М., 1988. № 3.

[41] *Геращенко Д. Г.* Правовая аномия в российском обществе: структурно-деятельностное измерение : автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.04 / [Юж. федер. ун-т]. Ростов н/Д., 2011. 33 с.; *Жалкиев В. Т.* Проблема аномии в солидаризационной модели социальной реальности : автореф. дис. … канд. филос. наук :

решить проблемы аномии в рамках парадигм, которые уже недостаточно полно отражают реалии современного общества: структурный функционализм, институциональная теория. Не учитываются факт изменения самого современного общества, в котором появились новые риски, и изменение типов социальных акторов.

Последнее как раз пытается осуществить в своей диссертации М.А. Крупский. Он ставит своей целью разработать актуальную модель социальной аномии[42]. Исследователь определяет современное общество как тип социального устройства, основными принципами функционирования и трансформации которого являются: рефлексивность, формальная рациональность, отчужденность индивида. Под нормальным состоянием общества автор подразумевает его естественное, реальное состояние. Им становятся повышенная степень неопределенности социальных отношений, их дегуманизация, нестабильность социальных связей, как на локальном, так и на глобальном уровне, социальная атомизация и хроническая социальная фрустрация. Фундаментальные положения теорий нормального состояния общества Э. Дюркгейма и Р. Мертона находятся в явном противоречии с описанным выше. М.А. Крупский делает на этом основании вывод, что классическое понимание аномии в условиях современности потеряло свою актуальность и требует пересмотра в рамках иной научной парадигмы.

Этой парадигмой для исследователя стала синергетика. Он определяет аномию как «бифуркационное состояние общества»[43]. И в этом заключается основное различие между тем, как в рамках синергетического подхода предлагают переосмыслить феномен социальной аномии М.А. Крупский и автор предлагаемой диссертации. Мы рассматриваем аномию как процесс роста энтропии системы, который при достижении пороговых значений ведет

09.00.11 / [Краснодар. ун-т МВД России]. Краснодар, 2011. 24 с.; *Крупский М. А.* Феномен социальной аномии в условиях современного общества : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.11 / [Моск. гос. техн. ун-т им. Н. Э. Баумана]. М., 2013. 25 с.; *Плетнев А. В.* Динамика выхода современного российского общества из состояния аномии : автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.04 / СПб. гос. ун-т. СПб., 2012. 27 с.

[42] *Крупский М. А.* Феномен социальной аномии в условиях современного общества… С. 5.

[43] Там же. С. 7.

общество к точке бифуркации, системному перелому. С точки зрения синергетики поведение системы в точке бифуркации непредсказуемо и неуправляемо, поэтому когда М.А. Крупский констатирует, что российское общество находится в точке бифуркации, то за этим должен последовать вывод о грозящем ему социальном катаклизме. Понимание же аномии как роста энтропии системы предполагает и некоторый горизонт прогноза в контексте анализа социокультурных аттракторов, и возможность приложения управленческих усилий по недопущению выхода системы на точку бифуркации, что оставляет больше перспектив и в теоретико-познавательном, и в управленческом плане.

Объектом диссертационного исследования является феномен социальной аномии.

Предмет исследования – особенности аномии в становящемся сложном социуме, динамика аномии, характер ее протекания в российском обществе.

Цель – на основе синергетического подхода выявить структурные изменения аномии в сложном социуме, сформулировать концепцию сложной аномии и применить ее инструментарий к изучению российского общества.

В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие исследовательские **задачи**:

1. Дать развернутое определение понятию «социальная аномия» с учетом реалий сложного общества, оценить гносеологический потенциал теории социальной аномии в историческом контексте. Обосновать необходимость развития категориального аппарата теории социальной аномии на фоне изменений, происходящих с обществом, и изменений самих социальных акторов.

2. Раскрыть эвристический потенциал социосинергетики в изучении феномена социальной аномии, обосновать интерпретацию становления сложной аномии как процесса роста энтропии системы.

3. Проанализировать существующие подходы к изучению аномии российского общества, разработанные теоретические модели и методики измерения.

4. Комплексно проанализировать особенности аномии в российском обществе с учетом неравномерности его развития, анклавизации страны; факторы, порождающие аномию, ее проявления в социальной жизни.

5. Выявить, существуют ли какие-то особенности национального характера россиян, которые могут определять их предрасположенность к аномии, проявлениям социальной деструктивности.

6. Предложить и апробировать методический прием исследования сложной аномии российского общества как процесса.

7. Обосновать возможность социального конструирования смыслов, ценностей, идей, которые могли бы стать социокультурными аттракторами, определяющими вектор развития общественной системы в целом.

8. Предложить наиболее общие стратегии формирования аттракторов (притягательных идей, ценностей, целей), предопределяющих «желательные» направления развития российского общества.

Гипотеза

Предполагается, что изменения, происходящие на макроуровне системы, а именно ускорение и усложнение темпов социальной динамики, превращение общества в постоянно становящееся, и на микроуровне – возрастание рефлексивности социальных акторов – ведут к изменению характера феномена социальной аномии. Усложняющаяся динамика дает основание рассматривать аномию не как состояние, а как процесс постоянно меняющегося согласованного-рассогласованного взаимодействия ценностей и норм в рамках единой социокультурной среды. Рост рефлексивности социальных акторов сопровождается возрастанием нелинейности их поведения в ответ на воздействие системы, что в свою очередь оборачивается

увеличением значимости субъективного, единичного для функционирования системы в целом.

Предварительный анализ позволяет предполагать, что проявления аномии в российском обществе носят затяжной и глубокий характер в силу длительного переходного периода и складывающихся особенностей социальной системы. Ситуация усугубляется крайней неравномерностью его социально-экономического развития. Изучение аномии на базе синергетической методологической платформы позволит учесть фактор самоорганизации общества, обнаружить социокультурные аттракторы: ценности, идеи, а так же аттрактивные структуры – социальные общности и группы, – способные притянуть вектор развития системы, восстановить согласованное взаимодействие ценностей и норм, преодолеть негативные проявления социальной аномии.

Методологическая, теоретическая и эмпирическая база исследования

Методы исследования:

– системный подход, в котором изучаемый объект рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов, где свойства целого определяются не только свойствами отдельных элементов, но теми отношениями, которые они образуют;

– причинный анализ как исследование отношений зависимости в системе переменных, установление и проверка соответствия выявленных причинных связей определенным данным;

– проблемно-ситуационный анализ, позволяющий выделить социально значимые проблемы, которые стимулируют поисковую активность членов общества, являются средоточием их внимания и центром приложения усилий;

– вторичный анализ данных, полученных в ходе социологических опросов, методом разработки индикаторов, характеризующих изучаемую предметную область и позволяющих оценить динамику ее развития.

Теоретическая база исследования:

– теория социальной аномии в трактовке Э. Дюркгейма и Р. Мертона;

– концепция Ю.М. Лотмана об антиэнтропийных механизмах культуры;

– концепции «общества риска», «мирового общества риска» (Э. Гидденс, У. Бек и др.);

– концепция становящегося общества (П. Штомпка);

– синергетическая методология в ее социологической экспликации (В.В. Василькова, Л.Д. Бевзенко и др.);

– методологические подходы научного направления «культура и личность» (М. Мид, К. Касьянова);

– концепция «постматериалистических ценностей» (Р. Иглхарт);

– теория базовых ценностей (Ш. Шварц);

– концепция измерения национальных культур Г. Хофстеде.

Эмпирическая база исследования:

Вторичный анализ данных исследований ВЦИОМ и Левада-Центра, проводившихся в разное время на протяжении последних двух десятилетий. Во всероссийских опросах ВЦИОМ опрашиваются по 1 600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. Всероссийские опросы Левада-Центра проводятся на выборке объемом 1 600 человек, статистическая погрешность также не превышает 3,4%.

В работе использованы результаты общенациональных социологических исследований:

– «Готово ли российское общество к модернизации»[44], проведено в марте-апреле 2010 г. и охватило 1 750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представляющих основные социально-профессиональные группы населения. Исследование выполнено рабочей группой ИС РАН;

– «Двадцать лет реформ глазами россиян»[45], проведено в апреле 2011 г. Институтом социологии РАН по репрезентативной выборке во всех территориально-экономических районах страны, а также в городах Москве и Санкт-Петербурге.

Научная новизна результатов исследования:

1. В работе обосновывается необходимость развития категориального аппарата теории социальной аномии для сохранения ее гносеологического потенциала в условиях становящегося сложного общества и современных социальных акторов, которые значительно отличаются по своим характеристикам от общества и акторов, изученных Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном. Дается анализ наиболее значимых изменений, произошедших в обществе в последние десятилетия, изменивших характер аномии. Обоснована авторская трактовка понятий, более адекватно описывающих особенности реагирования социальных акторов на элементы системы, в результате чего возникает ситуация «безнормия»: «структурная аномия», «рефлексивная аномия», «сложная аномия». Сложная аномия – феномен, наиболее выпукло представленный в обществах переходного типа, таких как Россия. В подобных обществах дисфункция социальных институтов порождает проявления структурной аномии, а рост рефлексивности социальных акторов – рефлексивной, что создает кумулятивный эффект сложной аномии.

[44] Готово ли российское общество к модернизации : аналитический доклад / рук. М. К. Горшков. М., 2010. 179 с.

[45] Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) : аналитический доклад / рук. М. К. Горшков. М., 2011. 304 с.

2. На основании синергетической методологии анализа предложено рассматривать социальную аномию не только как состояние, в статике, но и как процесс непрерывного изменения характера взаимодействия между ценностями и нормами в современном социуме, что является следствием ускорения и усложнения социальной динамики в целом. Показано, что данный процесс, определяемый как рост энтропии системы, может привести к ее переструктурированию в случае достижения пороговых значений, точки бифуркации. Определено, что такое аттракторы и аттрактивные структуры в социокультурной среде, и показано, как можно оказывать резонансное влияние на формирование сознательно желаемых аттракторов.

3. Были проанализированы существующие теоретические модели аномии российского общества и методики ее измерения. Отмечены слабая инструментальная база одних теоретических моделей, недоучет характерных особенностей российского общества в других, общие проблемы с операционализацией признаков аномии и определением их индикаторов.

4. Концепция сложной аномии применена к изучению аномии в современном российском обществе, находящемся в состоянии становления. Были выявлены факторы, ее порождающие, специфика протекания, установлена связь с особенностями исторической судьбы российского общества. Показано, что неравномерность его развития на настоящий момент, анклавизация страны определяют характер российской аномии как сложной, составной, где наличие факторов структурной аномии усложняется возникновением феномена рефлексивной аномии.

5. Методические приемы школы «Культура и личность», концепции измерения национальных культур Г. Хофстеде и ряда других подходов были применены к анализу национального характера россиян с целью установить наличие / отсутствие в нем предрасположенности к аномии, различным проявлениям социальной деструктивности. Выявлено, что для постоянного воспроизводства в российской действительности социальных практик

деятельности в обход формализованных норм большее значение имеют не особенности национального характера, а сохраняющиеся в российском обществе структурные дисфункциональные особенности, проявляющиеся на институциональном уровне: коррупция, двойные стандарты, отсутствие правовой защищенности.

6. Предложен методический прием изучения сложной аномии как процесса, который позволяет оценивать динамику развития аномии, роста энтропии системы, возможность ее приближения к точке бифуркации, системного перелома или, напротив, роста негэнтропии.

7. Проанализированы и обобщены социологические подходы, обосновывающие возможность социального конструирования смыслов, ценностей, идей, которые могли бы стать социокультурными аттракторами, определяющими вектор развития общественной системы в целом.

8. Использование синергетической методологической платформы позволило задать некоторый горизонт прогноза и управленческого воздействия на социокультурную сферу с целью «оздоровления» социальной среды. Определено, при каких условиях социокультурные феномены могли бы стать аттракторами развития российского общества.

Положения, выносимые на защиту:

1. В современном нелинейно развивающемся обществе, в котором происходят симметричные изменения, как элементов социальной системы, так и самих социальных акторов, теория социальной аномии требует качественного развития своего категориального аппарата. Аномия становящегося общества – сложная. С одной стороны, в самой системе обнаруживаются факторы, структурирующие условия, при которых она становится «нормальным» ответом на условия социальной среды. Такую аномию предлагается называть «структурная». На нее накладывается аномия «рефлексивная», которую порождает субъективная нелинейная реакция

социальных акторов на внешнее воздействие. Она является следствием процессов самоорганизации, происходящих на микроуровне. Сложная аномия – комплексное явление ускоряющегося и усложняющегося общества.

2. С позиции синергетического подхода сложная аномия представлена как нелинейный процесс роста энтропии социальной системы, который может вывести систему к точке бифуркации, слому сложившегося режима функционирования и переходу к новому.

3. Процесс аномии-энтропии выражается в изменении когерентного взаимодействия ценностей и норм, рассогласованности взаимодействия, который ведет к распаду ценностно-нормативного основания солидарного общественного существования. Обосновывается роль ценностно-нормативных конфигураций как аттракторов, притягательных для векторов развития общественной системы. Доказывается, что когерентное взаимодействие ценностей и норм в рамках «модели мира» людей того или иного общества в конкретный исторический момент обеспечивает динамически-устойчивое развитие всей системы в целом; несогласованное же взаимодействие ценностей и норм препятствует динамичному развитию системы даже при наличии целенаправленных усилий и соответствующих ресурсов.

4. Чтобы аттракторы – идеи, ценности – стали основой нового порядка, должна быть аттрактивная структура, их носитель. Это зона локальной упорядоченности, представленная социальной общностью или группой.

5. Исследование динамических характеристик сложной аномии создает условия для управления данным процессом, оказывая резонансное воздействие на формирование желательных аттракторов ценностно-нормативного характера, органичных социальной среде, притягивающих вектор ее развития.

6. Аномия российского общества, с одной стороны, связана с глобальной трансформацией общественной системы в России в 90-е гг. XX в., с другой стороны, ее провоцируют неразрешенные проблемы общества сложившегося, с третьей – ситуацию в российском обществе осложняют глобальные вызовы современности. Неравномерность развития российского общества приводит к тому, что параллельно наличествуют факторы, провоцирующие структурную аномию: высокий уровень бедности, неэффективность региональных и местных властей, межнациональная напряженность в ряде регионов, ярко выраженная социальная дифференциация, утрата социального капитала, ценностно-нормативный вакуум. И уже сложились анклавы аномии рефлексивной, при которой основным критерием при выборе моделей поведения становится собственная субъективность, что делает социальную ситуацию в России еще более неустойчивой.

7. Сложная аномия российского общества проявляется в высоком уровне отчуждения общества от власти, недовольстве современным состоянием общественной системы по таким параметрам, как необеспеченность законности и правопорядка, коррупция, отсутствие социальной справедливости, высокий уровень поляризации в обществе по доходу. О разрушении капитала социального доверия свидетельствует отсутствие общественных групп, которые воплощали бы в себе нравственный идеал социума. Исторически сложившаяся в обществе практика не столько активно выражать свой протест против сложившегося социального порядка, сколько приспосабливаться к нему, в том числе с помощью неправовых социальных практик, – еще одно проявление аномии. На уровне микромира она выражается в апатии, социальных страхах, тревоге[46], дисперсии социальной идентичности.

[46] Россия на новом переломе: страхи и тревоги. М. 2009. 160 с.

8. Вторичный анализ данных, проведенный в исследовании, показывает, что рост аномии не является необратимым процессом в российском обществе, поскольку россияне в целом понимают и принимают необходимость существования норм и правил, носящих договорной характер, для обеспечения безопасности и благополучия социального существования. Но их отношение к нормам носит консенсусный характер. В первую очередь они ждут наведения правопорядка на всех этажах властной организации.

9. Снижение уровня аномии возможно через воздействие на факторы структурной аномии: обеспечение законности и правопорядка, снижение уровня бедности и т.д., одновременно инициируя аттракторы, такие как ценности, идеи, модернистский проект, привлекательные для общества и аккумулирующие его энергию. Рефлексивность социума может уравновешиваться не только развитой системой формального контроля, но и добровольным консенсусом общественных сил с властными структурами. Исследовательские подходы в современной социологии, особенно микросоциологические, говорят о возможности конструирования ценностей, идей уже потому, что все смыслы, на которые мы опираемся в социальной жизни, так или иначе культурно сконструированы.

10. В диссертационном исследовании значимых связей между ненормативными практиками поведения россиян и особенностями национального сознания эмпирическим путем не обнаружено. На настоящий момент существования российского социума глубина ценностно-нормативного кризиса в первую очередь объясняется особенностями социальной среды, а не характером россиян.

Научно-практическая значимость исследования

Работа вносит теоретический вклад в исследование проблемы социальной аномии в условиях современного сложного общества. С теоретической и практической точек зрения важно было обосновать

необходимость переоткрытия концепта аномии за счет категорий «рефлексивная аномия», «структурная аномия», «сложная аномия», что позволяет глубже проникнуть в сущность нелинейных процессов, происходящих в современном мире и в России. Использование социосинергетической методологической платформы расширяет эпистемологические возможности в познании аномии как процесса, позволяет отследить его динамику.

Обнаружение ценностных нормативных конфигураций, когерентно связанных друг с другом, являющихся аттракторами общественного развития, имеет важное практическое значение, поскольку позволяет выйти на эффективные управленческие проекты, которые помогут не только миновать кризис, связанный с нарастанием энтропии системы, но и придать ускорение процессам развития общества по пути модернизации.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в общих курсах по теории и истории социологии, в спецкурсах для студентов и аспирантов, в консультировании и экспертизе социальных проектов.

Апробация результатов исследований

Материалы исследований использовались для разработки курсов по социологии культуры, общей социологии для студентов технических направлений и специальностей. Основные положения работы были представлены на IV Всероссийском социологическом конгрессе (Уфа, 2012); XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (Томск, 2012); Международной научно-практической конференции «Интернет, власть и политика» (Кемерово, 2013); опубликованы в монографии Н.Н. Мещеряковой «На развилке. Опыт социального конструирования» (Томск : Изд-во ТПУ, 2012) и в 16 статьях в журналах, рекомендованных ВАК для размещения основных результатов исследований соискателей научных степеней.

Структура диссертационной работы

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, включающих 9 параграфов, заключения и библиографического списка.

1. Теоретико-методологические предпосылки исследования феномена социальной аномии в современном обществе

1.1. Теория социальной аномии в сложном обществе

Целью данного параграфа является рассмотрение развития положений теории социальной аномии во времени и обоснование необходимости доработки ее категориального аппарата ввиду изменений, происходящих в последние десятилетия как в обществе в целом, так и с субъектами общественных отношений в частности.

Автором самого понятия аномии как некоторого состояния безнормия в дословном понимании этого термина является Э. Дюркгейм. Впервые оно встречается уже в его работе 1893 г. «О разделении общественного труда»[47] в сочетании «аномичное разделение труда», противостоящее нормальному, а следовательно, ненормальное. Если правильное разделение труда ведет к установлению общественной солидарности, то аномичное – в обратном направлении. Аномичное разделение труда в трактовке автора – не организованное и не регламентированное. То есть уже в этой работе понятие аномии тесным образом увязывается с фактом наличия / отсутствия норм, определяющих организованный образ жизни.

Более полную трактовку эта категория социологического анализа получила в работе Э. Дюркгейма «Самоубийство: социологический этюд» 1897 г.[48]. В ней он подчеркнул, что аномия – это состояние дезорганизации, которое наступает в эпоху кризиса, это могут быть войны, революции, но может дезорганизация наступить и в эпоху «счастливого кризиса», т.е. на фоне экономического и общего подъема. «Поскольку изменяются взаимоотношения различных частей общества, постольку и выражающие эти

[47] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. М., 1996. С. 256–309.
[48] *Дюркгейм Э.* Самоубийство: социологический этюд. М., 1994. 399 с.

отношения идеи не могут остаться непоколебленными»[49]. Кризис – это «потрясение коллективного строя». В стабильное время люди в большей своей части склонны соблюдать дисциплину, которая строится на взаимных уступках и жертвах во имя общего блага. Регламентация общественной жизни эффективней осуществляется тогда, когда люди считают ее справедливой и подчиняются ей из уважения, а не из страха. Но в годы кризиса, когда происходит сотрясение коллективного строя, люди более не желают мириться с теми рамками, которые им навязывает «ныне ослабевший авторитет традиции». Конечно, аномичное поведение может быть свойственно отдельным личностям и в стабильный период, поскольку общество не всегда может подчинить себе индивидуальные страсти, но отдельные преступники не могут поколебать общественный строй в целом, что происходит, когда в кризисном состоянии безнормие охватывает большую часть населения.

Итак, в трактовке Э. Дюркгейма аномия – это прежде всего следствие переходного этапа в развитии общества, когда прежние нормы уже не действенны для регуляции социальных взаимодействий и отношений, устарели, а новые еще не превратились в традицию. Аномичное поведение отдельных граждан характерно и для стабильных периодов в жизни системы, но обществу оно серьезно не угрожает, пока не охватывает широкие ее слои, хотя требует постоянного контроля.

Наиболее плодотворное развитие теория социальной аномии получила благодаря Р. Мертону (1938). Продолжая традицию, заложенную Э. Дюркгеймом, он исследовал, как социальная структура порождает обстоятельства, при которых «нарушение социального кодекса представляет собой «нормальный» ответ на возникающую ситуацию»[50]. В его трактовке аномия не обязательно следствие чрезвычайных обстоятельств, кризисных или счастливых, но может быть вполне дежурным состоянием социальной

[49] *Дюркгейм Э.* Самоубийство: С. 234.
[50] *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (современные буржуазные теории). М., 1966. С. 301.

системы при определенных условиях, когда наблюдается расхождение в значении, придаваемом целям и нормам, регулирующим их достижение. Главной причиной аномии в американском обществе он называл, например, «чрезвычайное значение, придаваемое в нашем обществе накоплению богатства в качестве символа успеха»[51]. Цели, по Р. Мертону, обуславливаются основными ценностями культуры. Богатство как символ успеха рассматривается как желательное для всех. Но институционализированных средств достижения богатства **всеми** не существует. Добавим от себя, что богатство есть проявление крайних статусных позиций в социальной системе, так же как и бедность. Если все элементы системы будут стремиться занять в ней крайние позиции, это будет равносильно тому, что в системе действуют центробежные силы. Преувеличение значения, которое придается цели, умаляет значимость средств. С одной стороны, «обман, коррупция, аморальность, преступность, короче говоря, весь набор запрещенных средств становится все более обычным», – это для тех, кто не отказывается от цели. С другой, «пораженчество, квиетизм и самоустранение проявляют себя в психологических механизмах бегства от действительности», – это удел тех, кто разочаровывается в возможностях достичь желаемого законными способами и не способен прибегнуть к незаконным[52]. Мертон пишет, что наличие групп и индивидуумов, не участвующих в гонке по достижению денежного успеха, подрывает идеологию равенства, на которой зиждется американское общество.

Не все исследователи согласны с тем, что взгляды Р. Мертона есть развитие теории аномии в историческом времени. А.Б. Гофман полагает, что использование понятия аномии у Р. Мертона неуместно, что есть принципиальная разница между вакуумом в нормативной системе (у Э. Дюркгейма), и отклонением от нее (у Р. Мертона)[53]. Объектом анализа у

[51] *Мертон Р.* Социальная структура и аномия С. 303.
[52] Там же. С. 303.
[53] *Гофман А.Б.* Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012 : сб. научных трудов / ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М., 2013. С. 127.

Р. Мертона является не аномия, т.е. безнормное состояние, а ситуация гетерономии, т.е. разнообразия, разнородности и противоречивости нормативных систем[54].

Не выступая против такого принципиального уточнения, обратим лишь внимание, что существует status quo в науке; Р. Мертон – признанный специалист по социальной аномии, и существует уже целый пласт исследовательской литературы, в которой аномия трактуется в функционалистском духе как рассогласованность в системе. В совсем недавней работе (2013 г.) на соискание докторской степени социолог Юка Миногава[55] проводит различение использования в исследовательских целях этих двух вариантов теории социальной аномии. В то время как Э. Дюркгейм сосредотачивался на непосредственных последствиях резких структурных изменений, Р. Мертон предполагал, что неблагоприятные последствия социальной аномии могут быть длительными, и утверждал, что структурная дезориентация способствует девиантности, включая коррупцию, мошенничество и преступления. Социальная структура может оказывать разрушительное воздействие в случае неисправности социальных механизмов[56]. То есть Ю. Миногава считает необходимым обращаться именно к трактовке Р. Мертона при изучении латентных кризисных состояний общественной системы.

То, что некоторые авторы считают недостатком (Е.И. Лыткина, например, полагает, что в самой теоретической концепции Р. Мертона есть значительные несоответствия, например, невозможность наличия универсальных для всех целей или ценностей в плюралистическом обществе[57]), может рассматриваться как достоинство. Р. Мертон модифицирует теорию под плюралистическое общество, он не ностальгирует

[54] *Гофман А.Б.* Солидарность или правила. С. 129.
[55] *Minagawa Y.* The Social Consequences of the Fall of Communism: A Sociological Analysis of the Health Crisis in Eastern Europe / The University of Texas at Austin, 2013. 127 p.
[56] Ibid. P. 73.
[57] *Лыткина Е.И.* Аномия: новый подход к операционализации классического понятия // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4 кн. / отв. ред.: Е.Г. Ясин. М., 2014. Кн. 4. С. 153.

по единой системе ценностей, напротив, считает, что не может быть единых ценностей для всех, но обращает внимание на проблему рассогласованности культурных элементов.

Э. Дюркгейм и Р. Мертон разрабатывали социологическую концепцию аномии (anomie). Лео Сроул развил психологическую концепцию аномии (anomia)[58] как состояния индивидуальной депривации, связанную с anomie социальной системы в целом и выражающуюся прежде всего в чувстве отчуждения. Так отчуждение прочно вошло в качестве одного из признаков аномии при операционализации этого понятия в мировую социологию. И даже, по мнению российской исследовательницы Е. Лыткиной, аномию сегодня зачастую не отличают от отчуждения и смешивают два этих понятия[59].

Благодаря вышеобозначенным исследованиям аномию можно трактовать как объективное состояние социума (anomie), связанное прежде всего с кризисом ценностно-нормативных оснований социального порядка. В то же время ее можно изучать как субъективное переживание своего отчуждения (anomia) от элементов этого порядка или общества в целом. В данном исследовании упор делается на первый вариант трактовки. Со времен его главных разработчиков Э. Дюркгейма, а затем Р. Мертона два подхода к поиску причин аномии и, как следствие, различных форм девиантности господствуют в исследовательской литературе.

1. Аномия – это следствие переходного этапа в развитии общества, когда прежние нормы уже не действенны для регуляции социальных взаимодействий и отношений, а новые еще не прошли институционализацию (Э. Дюркгейм).

2. В самой социальной структуре есть сбой (вирус), который провоцирует различные формы девиантного поведения как адаптивные реакции на этот сбой (Р. Мертон).

---

[58] *Srole L.* Social Integration and Certain Corollaries // American Sociological Review. 1956. № 21. P. 709–716.

[59] *Lutkina E.* Anomie and Anomia: an Approach towards the Measurement of Social Well-Being and Deviance : доклад [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. Электрон. текст. дан. М., 2010. URL: http://publications.hse.ru/chapters/96832132.

При этом подход Э. Дюркгейма остается господствующим. Если посмотреть материалы двух последних Всемирных социологических конгрессов в 2010 г. в Гётеборге и в 2014 г. в Йокогаме, то представленные на них доклады, поднимающие проблему социальной аномии (немногочисленные, надо признать – Н.М.), трактуют ее вполне в его духе. Иранские исследовательницы Ghasemi Zahra и Habibi Maryam связывают аномию в иранском обществе, проявляющуюся через антагонизм и дезорганизацию, с трансформацией традиционных социальных институтов[60]; исландские авторы Ragnarsdóttir Berglind Hólm и Bernburg Jón Gunnar полагают, что состояние аномии в исландском обществе связано с кризисом, начавшимся в 2008 г. и затронувшим Исландию, как мы помним, особенно остро[61]. Они анализируют такие проявления социальной аномии как нестабильность в обществе и безнормие (normlessness). Автор из Пакистана Aslam Rabbia полагает, что аномия в его обществе связана с тяжелейшим внутренним кризисом, который провоцируется как тем, что Пакистан является «жертвой» крупных держав, так и изменениями во внутренних социальных структурах[62]. Аномия на Тайване, полагает Lin Yuchi, объясняется внутренним конфликтом между ориентацией на коллективное и личностное[63], что также связано с трансформацией традиционных институтов.

Линию, берущую начало от Р. Мертона, развивают главным образом американские социологи применительно к американскому же обществу. Так, это утверждение справедливо относительно институциональной теории аномии (Месснер и Розенфельд 2006[64]; Месснер, Том и Розенфельд 2008[65];

---

[60] *Ghasemi Z., Habibi M.* Study of Changing Level of Participation & Type of Members in Iranian's NGOs // XVII ISA World Congress of Sociology. Gothenburg, Sweden. 11–17 July, 2010 : Book of Abstracts. San Diego, 2010. P. 167.

[61] *Ragnarsdóttir B.H., Bernburg J.G.* Subjective Injustice and Well-Being During the Icelandic Recession // XVII ISA World Congress of Sociology… P. 387.

[62] *Aslam R.* Sociological Analysis of the War on Terror: the Role of Media and Education // XVII ISA World Congress of Sociology… P. 27.

[63] *Lin Y.* Rigidity, Culture-Related Conflict and Depression // XVIII ISA World Congress of Sociology. Yokohama, Japan. 13–19 July, 2014. San Diego, 2014. P. 578-579.

[64] *Messner S.F., Rosenfeld R.* The Present and Future of Institutional Anomie Theory // Taking Stock: the Status of Criminological Theory, vol. 15. / ed. F.T. Cullen, J.P. Wright, K.R. Blevins. New Brunswick, 2006. P. 127–148.

[65] *Messner S.F., Thome H., Rosenfeld R.* Institutions, Anomie, and Violent Crime: Clarifying and Elaborating Institutional-Anomie Theory // International Journal of Conflict and Violence. 2008. Vol. 2, № 2. P. 163–181.

Бьеррегаард и Кокран 2008[66]; Буркатски 2008[67]). Основой концепции объяснения аномии является чрезмерный акцент на экономических целях, связанных с «американской мечтой», в сочетании с девальвацией неэкономических институтов общества (семья, образование, государственное устройство). Высокие показатели преступности являются результатом этого противоречия.

Теория социальной аномия изначально, в трактовке Э. Дюркгейма, затем Р. Мертона[68], объясняет, какие особенности социальной действительности и каким образом структурируют условия, провоцирующие различные формы девиантного поведения. Она изначально была сформулирована Э. Дюркгеймом для объяснения сложностей, которые возникают при сломе традиционных институтов в процессе перехода к индустриальному обществу. Не случайно в таком «чистом» виде ее применяют для интерпретации социальных явлений, происходящих в странах третьего мира, где переход к современному типу общества и слом традиционных институтов происходят и в настоящее время, также к ней обращаются исследователи на постсоветском пространстве, где в силу исторической судьбы строительство капиталистического общества, а следовательно, его ценностно-нормативной основы подзадержалось. Об этом круге исследований мы поговорим ниже.

Исследователи стран «старого мира», где переходный этап давно завершен, если и ссылаются на теорию социальной аномии, то не для характеристики состояния системы на макроуровне или происходящих здесь процессов, а для анализа таких «частных» вопросов, например, как связь состояния аномии и прием наркотиков в студенческой среде[69], что ближе к описанию индивидуальной депривации, хотя португальский автор и использует термин аномия как anomie. Или итальянская исследовательница

[66] *Bjerregaard B., Cochran J.K.* Want Amid Plenty: Developing and Testing a Cross-National Measure of Anomie // International Journal of Conflict and Violence. 2008. Vol. 2, № 2. P. 182–193.
[67] *Burkatzki E.* Is the Market Eroding Moral Norms? A Micro-Analytical Validation of Some Ideas of Anomie Theory // International Journal of Conflict and Violence. 2008. Vol. 2, № 2. P. 268–287.
[68] *Мертон Р.К.* Социальная структура и аномия… С. 299–313.
[69] *Mourao M.V.* Pleasure and Anomie as metaphors of Drug // XVII ISA World Congress of Sociology. P. 326–327.

находит проявления состояние аномии в различных нетрадиционных вариантах семейных отношений, связанные с отсутствием официальной институционализацией таких отношений[70]. Значит ли это, что в странах со сложившейся социальной структурой, устоявшимися кодексами и законодательствами, налаженными механизмами социального контроля нет почвы для формирования состояния аномии на макроуровне, и только Соединенные Штаты Америки испытывают амбивалентные последствия «американской мечты»? Значит ли это, что теория социальной аномии должна остаться только в учебниках по истории социологии?

Думается, что спешить списывать ее со счетов не стоит. Теория социальной аномии способна широко и глубоко объяснить, как социальная система создает условия, индивидуальным или групповым ответом на которые становятся различные варианты девиантности. Она не просто выстраивает модели микрообществ, в которых человек вынужденно или по выбору ведет себя с точки зрения девиантного или даже криминального поведения, или считается, что так себя ведет; эта теория в широком смысле способна диагностировать состояние современного общества. Но для того, чтобы она справилась с такой задачей, необходима модернизация ее теоретического и методологического инструментария адекватная изменениям, происходящим в самом обществе, тогда теория сохранит свой гносеологический потенциал.

Современное нам общество называют «поздней современностью» (Э. Гидденс), «послесовременностью» (З. Бауман), «второй современностью» (У. Бек). В данной работе мы будем определять современное общество прежде всего как «сложное общество»[71]. Мы не только дадим характеристику этой сложности, но и используем это определение для противопоставления современного сложного общества относительно

[70] *Bosisio R.* Different, Marginal or Discriminated? Representation of the Family and Practices of Parental Responsibility in the Opinion of Same-Sex Parents and Their Children // XVIII ISA World Congress of Sociology… P. 110.
[71] См.: *Кравченко С.А.* Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М., 2012. 306 с.

простому, которое изучал Э. Дюркгейм, а затем Р. Мертон. В нашем случае простое будет означать не слабую дифференциацию социальной структуры, как это традиционно трактуется в социологии, а общество, в котором еще не сформировались признаки, характерные для современного сложного. Мы вводим это понятие как вспомогательное для того, чтобы более выпукло обозначить различия между прошлым и современностью.

Теория социальной аномии в трактовке Э. Дюркгейма соответствует относительно простому обществу (традиционное – раннее индустриальное), совокупность положений теории Р. Мертона обществу – переходному от простого к сложному (середина двадцатого века). Чтобы она сохранила свой познавательный потенциал и соответствовала современному сложному обществу XXI века, необходима корректировка ее основных положений.

Относительная простота общества, которое характеризовал Э. Дюркгейм, очевидна только на сравнительном фоне с современным сложным. Оно функционирует под влиянием внешнего принудительного воздействия, в нем причины порождают пропорциональные причинности следствия, социальная жизнь развивается через ее усложнение в целом эволюционно-линейно, соответственно, можно пытаться познать и реконструировать объективно-исторические законы этого развития. Такому линейному видению социального процесса соответствует и теория социальной аномии. Есть последовательное развитие социального процесса, прежние формы жизни отживают для того, чтобы новые заняли свое признанное место, необходимо время, люди теряются в обстоятельствах, каким правилам следовать, кого слушать. Но время пройдет, новые правила жизнедеятельности пройдут легитимацию, механизмы контроля будут отлажены и до следующего кризиса аномия приобретет не угрожающие обществу как целому пределы.

Социальные взаимодействия, социальные отношения развиваются в таком «простом» обществе на основе существующих в нем и разделяемых

большинством общества ценностей и норм, которые, взаимодействуя, составляют основу солидарного общественного существования. С. Кравченко называет нравственные основания относительно простого общества «арочной моралью», отмечая постоянство и определенность ее принципов, четкие границы между «хорошо» и «плохо», «можно» и «нельзя», специфические нормы и ценности, «которые эффективно контролировали отношения в обществе, направляя поведение людей в этически «правильное» русло»[72]

Э. Дюркгейм разрабатывал теорию социальной аномии применительно именно к такому обществу. «Поскольку изменяются взаимоотношения различных частей общества, постольку и выражающие эти отношения идеи не могут остаться непоколебленными»[73] Социальная структура в данном случае рассматривается как совокупность составляющих ее частей, изменение функциональных отношений между элементами ведет (причина порождает следствие) к слому норм, по которым эти взаимодействия осуществлялись до сих пор.

Теория аномии, как ее трактовал Р. Мертон, характеризует переходное усложняющееся общество, плюрализм ценностных систем в нем, что мы уже отметили выше. Нéчто не рождается из ничего – социальная жизнь развивается через ее усложнение. На пути от простого общества к сложному мы вправе ожидать общество переходного типа. Аномия здесь возникает потому, что социально одобренными средствами (нормальными) нельзя добиться социально признаваемых целей (в данном случае богатства как одной из ценностей, входящей в концепт «американской мечты»). Это рассогласование провоцирует различные формы девиантного поведения, в основании которых принятие / отторжение целей / средств: инновация – принятие целей, но допущение нарушения нормативных средств их достижения; ритуализм – разочарование в достижимости целей при сохранении верности нормативным основаниям общественной жизни;

[72] *Кравченко С.А.* Становление сложного общества… С. 150.
[73] *Дюркгейм Э.* Самоубийство… С. 234.

ретреатизм – непринятие ни целей, ни средств без предложения чего-то нового; бунт – отторжение принятых целей и средств с одновременным предложением новых.

Трактовка аномии Р. Мертоном кажется нам более перспективной для развития применительно к современному обществу, поскольку она допускает, что аномия может возникнуть не только при потрясении всех основ социальной жизни, что достаточно точечного сбоя внутри социальной структуры, проблемного места в его узловом элементе, и могут возникнуть лавинообразные последствия. Такая точка зрения соответствует современному принципу мышления: «малым вызовешь большое».

Аномию в формулировках Э. Дюркгейма и Р. Мертона можно назвать **структурной,** поскольку в самой социальной системе обнаруживаются факторы, структурирующие условия, в которых аномичное поведение становится «нормальным» ответом на социальную ситуацию. Но если во времена Э. Дюркгейма эти условия актуализировались только в кризисный период жизни общества, то Р. Мертон обнаружил признаки «болезни» в наиболее стабильный период существования американского общества, когда, казалось бы, система способна была воздействовать на любые отклонения в своей среде, возвращаясь к своему стационарному существованию. Сегодня не только общество изменилось принципиально, но и характер того явления, которое мы называем социальной аномией, тоже.

В чем особенности современного этапа общественного развития по сравнению с обществом, которое изучали Э. Дюркгейм и Р. Мертон? К каким изменениям в факторах, провоцирующих аномию, привело усложнение современного общества? И как изменился сам социальный актор?

Рассматривая поставленные вопросы, мы особое внимание будем уделять двум принципиальным для данного исследования положениям:

1. В современном обществе возрастает значение деятельности субъекта для макросистемы в целом.
2. Сам субъект значительно меняется.

Для того нам и понадобилось введение в рамках данной работы понятие относительно простого общества, чтобы показать на сопоставлении принципиальные отличия его современного. Эти отличия меняют картину реальности. Если в относительно простом обществе причина порождала следствие, и ответ на воздействие был пропорционален его силе, то современное общество реагирует на воздействие нелинейным и непропорциональным образом. Если в первом типе общества изменения в системе накапливались постепенно, со временем переходя в новое качество, предоставляя социальным акторам какой-то временной ресурс для адаптации к этим изменениям, то сегодня они могут следовать лавинообразно, порождая шок от «преждевременно наступающего будущего»[74].

Современная социология предлагает несколько концептов, плодотворно интерпретирующих особенности и сложности современного мира. Один из них попадает под еще не совсем утвердившееся в социологии определение «деятельностные теории»[75], это теория становящегося общества (becoming society) Петра Штомпки[76]. Базовыми положениями ее являются[77]: общество – непрерывный процесс изменений; источник которых находится внутри него самого, изменения – это прежде всего самотрансформация; источник изменений – активность людей и групп, проявляющаяся в их деятельности; результат этой деятельности – всегда равнодействующая столкновений, борьбы мнений, споров; всякое действие совершается в контексте сложившихся к моменту действия структур и так или иначе преобразует эти структуры. Это определяет двойственность как агентов, так и структур, они определяют и являются определяемыми в одно и то же время. Все это происходит во времени, образуя непрерывный процесс.

Отметим для себя несколько узловых моментов, к которым будем постоянно возвращаться в данном исследовании. Становящееся общество

---

[74] *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2002. С. 114.
[75] См.: *Ядов В.А.* Современное состояние мировой социологии : лекция [Электронный ресурс] // Полит.ру. Электрон. дан. М., 2007. URL: http://polit.ru/article/2007/10/26/sociolog.
[76] *Sztompka P.* Society in Action: the Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991.
[77] См.: *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М., 2005. С. 548–549.

пребывает в перманентном движении как изменении себя самого, постоянной трансформации. Активное начало в этом процессе остается за социальными акторами, деятельность которых, с одной стороны детерминируется структурными элементами, а с другой постоянно преодолевает устанавливаемые социумом рамки, отодвигая, видоизменяя или отбрасывая их. Структуры и социальных акторов сегодня можно изучать только как единое целое; искусственно разделенные для аналитического анализа, они теряют качество социальности, рождаемое в процессе деятельности в условиях конкретного места и времени. П. Штомпка называет этот феномен индивидуально-структурным полем[78]. Теория становящегося общества исходит из следующей онтологической предпосылки, то, что существует в каждый конкретно-исторический момент, является конечным конструктом социальной жизни. Это не отдельные люди и не стоящие над людьми структуры или системы, а своеобразное индивидуально-структурное социальное поле. Каждый социологический факт неизбежно является неразделимым сплавом индивидуального и структурного фактора, частицей индивидуально-структурного поля, пребывающего в непрерывном движении. Его невозможно представить в статическом состоянии, это непрерывный процесс.

Дж. Александер, доказывая преимущество «сильной программы» в культурсоциологии, укореняет причинность событий в самих акторах и способах их действий[79]. Герменевтическая точка зрения подразумевает, что мир основан на интерпретациях. Но такое раскрепощение субъекта, внимание к смыслам, которыми он руководствуется в своей деятельности, позволяет, говоря словами Дж. Александера, установить «новые смысловые и причинные связи между ранее не связываемыми событиями, структурами»[80]. В.А. Ядов полагает, что сила деятельностных теорий как раз в том, что они нашли «правильную» точку зрения на мир. Внимание, считает исследователь,

[78] *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. С. 550.
[79] *Александер Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Изд. Консалтинговая группа «Праксис», 2013. С. 64.
[80] *Александер Дж.* Смыслы социальной жизни. С. 255.

надо обращать не столько на структуры, сколько на тех субъектов, которые их изменяют. Поэтому особо пристальный акцент следует сделать на тех сильно- или слаборесурсных структурах, которые могут влиять на целое[81].

Особенностью позиции сторонников такого деятельностного подхода является утверждение, что социальный актор никогда не вырывается из социального поля. Весь мир значений, которыми он руководствуется, укоренен в этом поле и имеет смысл только в соединении с этим полем. Изменчивость, которую обеспечивает деятельность субъектов, является продолжением того, что было, считает П. Штомпка[82]. Сохранение идентичности социума требует прочности и продолжительности определенных его атрибутов. Каждое общественное явление, каждый социальный факт поэтому одновременно и исторически длительный, и неустанно изменчивый – в этом, собственно, и суть нашего общества, которое П. Штомпка называет «becoming society». В этом моменте его теория в своих положениях соединяется с теорией структурации Э. Гидденса, который полагает результатом социальной жизни непрерывно развивающиеся «социальные практики», которые, с одной стороны, поддерживают его постоянство, а с другой – обеспечивают развитие[83].

Таким образом, повышение меры объективной значимости субъективно полагаемой деятельности коллективных акторов и даже отдельных агентов для макроуровня системы – один из моментов, признанных современной социологией. Второй момент: меняется сам субъект. Сам принцип мышления современного социолога – «комплексность»[84] – заставляет нас предполагать, что процессы изменения сущностных характеристик действующего субъекта и изменение требовательности системы к компетенциям субъекта взаимосвязаны и развиваются параллельно, стимулируя друг друга. Если принять за основу

---

[81] *Ядов В.А.* Современное состояние мировой социологии…
[82] *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества… С. 550.
[83] *Giddens A.* Central problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London, 1979.; *Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1984.
[84] См.: *Урри Дж.* Мобильности. М., 2012. С. 61.

идею о том, что современное общество становящееся, в нем постоянно происходят движения, изменения, эти движения и изменения происходят не столько последовательным образом, сколько симметрично. Современное общество и субъект в нем движутся в потоке времени и трансформируются симметрично друг другу.

Что значит **симметричное движение**?

Во-первых, в обществах простых и относительно простых, как мы их условно назвали, движения общества и субъектов во времени и относительно друг друга совершались главным образом последовательно. Накапливались количественные изменения, порождающие новое качество, которое, в свою очередь, заставляло адаптироваться к новому раскладу вещей. Количественно росли новые слои общества – буржуазия и пролетариат, чей рост в какой-то момент потребовал перестройки политической системы, к которой пришлось адаптироваться иным элементам системного целого. Сегодня темп социальных изменений настолько высок, что они происходят не последовательно и даже не параллельно друг другу, а симметрично. Соотношения между характеристиками системы и социальных акторов или определенные изменения этих характеристик во времени происходят зависимо и симметрично друг другу.

Человек изменяется под действием внутренних факторов (целей, ценностей, установок) либо по причине воздействия на него факторов внешней действительности (необходимости приспособления, принуждения). Оба комплекса факторов существуют одновременно и взаимозависимо. Так, субъекты черпают информацию из внешней действительности, меняясь внутренне, а произошедшая трансформация влияет, в свою очередь, на фактор устремлений субъектов относительно внешней действительности. И наоборот, необходимость приспособления к внешнему воздействию меняет внутренние структуры личности. Поэтому за **симметричное движение** в современном обществе мы будем принимать взаимозависимые и

взаимообусловленные изменения системы и социального актора, происходящие одновременно.

Одним из наиболее плодотворных определений нашей эпохи стало «общество риска», предложенное У. Беком[85] Впервые ученый заговорил о современной стадии развития модерна как «обществе риска» в середине 80-х гг. XX в. и не сразу нашел поддержку в научном сообществе. Чернобыльская катастрофа 1986 г., кажется, подтвердила его пессимистический прогноз, о чем он и пишет во введении к своей работе «Общество риска. На пути к другому модерну», вышедшей на немецком языке в том же году. У. Бек – убежденный неодетерминист, он полагает, что риски современного общества не уходят корнями в прошлое, а продуцируются настоящим и будущим, причем дальнейшее наращивание производства благ, на что нацелено современное общество, ведет к увеличению рисков[86]. Таким образом, риски современного общества – это риски «произведенные»[87], вторичные, возникшие в ходе цивилизационного и технологического развития. Сегодня автор пишет о мировом обществе риска, основы которого сотрясаются предчувствием глобальных катастроф (изменение климата, финансовый кризис)[88]. Одновременно У. Бек обращает внимание, что риск не означает катастрофы. Риск означает предощущение, осознание катастрофы. Находясь в ситуации риска, мы в нашем настоящем проигрываем варианты будущего, но при этом истинное будущее грядущих катастроф остается принципиально неведомым[89].

Концепция риска развивается сегодня и в западной социологии (Н. Луман, Э. Гидденс), и в отечественной. Принципиальным сторонником точки зрения, что мир-система находится в стадии всеобщего риска, является

[85] *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 384 с.
[86] Там же. С. 14.
[87] См.: *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества… С. 599.
[88] *Beck U.* Living in and Coping with World Risk Society: the Cosmopolitan Turn // Deutschland Perspektiven. 2012. № 10. P. 4.
[89] Ibid. P. 4.

О. Яницкий[90], который дает интерпретацию феномена «время турбулентности» в рамках концепции «общества всеобщего риска». Турбулентным время является потому, что в нем действуют разнонаправленные силы и осуществляются разнонаправленные действия. Так в обществе было всегда, проблема в том, что противоречия современности – борьба за новый передел мира и его ресурсов, конфликтность в сосуществовании культур, военные конфликты – набрали «критическую массу», что означает высокий уровень нестабильности мировой политической и экономической систем, когда вероятность достижения точки бифуркации и изменения режима функционирования крайне велика. Взрывные протестные движения масс способны изменить баланс сил в еще недавно «стабильных» регионах, как это продемонстрировала Северная Африка – один из вариантов развития событий.

Современное общество, генерирующее риски, «ходит по краю». Именно это определение – «идти по краю» (*edgework*) – предложил Stephen Lyng[91] для характеристики современного типа личности. Осознанное принятие на себя риска (risk-taking) становится составной частью саморазвития. Ускорение социального процесса требует и большей скорости перестройки внутриличностных структур, которые тяготеют к консерватизму. Прохождение через кризисы ускоряет саморазвитие, способность принятия на себя риска, ответственность за этот выбор становятся необходимым качеством личности. В этом проявляется симметричное движение общества и субъекта в нем.

Какие еще изменения произошли на настоящий момент в характеристиках социальных акторов, рефлексия которых особенно значима для целей нашего исследования? Западная цивилизация, среди плодов

[90] *Яницкий О.Н.* «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155-164.
[91] *Lyng S.* Edgework: the Sociology of Risk-Taking. New York, 2005.

которой в том числе и социология как наука, столетиями развивалась по пути приращения рационализма и индивидуализма в культуре. Американский социальный психолог Алекс Инкелес в 70-е гг. XX в. на основе проведенного исследования в разных странах сформулировал черты личности, которые выработались в результате развития западной культуры[92]: открытость инновациям и изменениям, новому опыту, стремление к саморазвитию и совершенствованию, готовность озвучивать и защищать собственное мнение при уважении к мнению других, толерантность, ориентированность на будущее в большей степени, чем прошлое, планирование будущего на основе рационального предвидения развития событий, уверенность в возможности справляться с возникающими проблемами индивидуальными или коллективными усилиями. Для такой личности характерно доверие к вырабатываемому в процессе политического развития социальному порядку, признание неизбежности существования неравенства и готовность мириться с ним, если в его основе будет лежать эквивалентное вознаграждение за индивидуальные усилия и талант, а также демократизм – уважение к тем, кто находится на социальной лестнице ниже его.

Можно заметить, что перечисленные личностные черты свидетельствуют либо об установке на индивидуализм, значимость отдельного человека, его индивидуального мнения, усилий; либо на рационализм, признающий разум основой познания и поведения людей. Но столь долговременная ориентация в культуре на рационализм и доверие к разуму по необходимости породили еще одно свойство современного актора, которое Инкелес еще не учитывал – рефлексивность.

Рефлексивность – способность социальных акторов (индивидов, групп индивидов) на основе имеющегося знания интерпретировать собственные действия, действия других людей или общественные события, что влияет на принимаемые ими решения, способ действия и характер общества, в котором они действуют.

[92] *Inkeles A., Smith D.H.* Becoming Modern. Cambridge, 1974.

Формирование этой способности у субъектов социальных действий отмечают ведущие мировые социологи[93]. Она позволяет обществу в лице отдельных акторов, групп, общественного мнения критически переосмысливать опыт своего существования, обнаруживать опасные тенденции общественного развития и сводить до минимума его риски. Ш. Эйзенштадт называет рефлексивность одной из особенностей «осевого времени»[94], которая позволяет критически рассматривать проблему общего блага. Конечно, западноцентристский вариант общественного развития не единственно возможный. Японский исследователь Goto Minoru в родных для себя стенах, на всемирном конгрессе в Иокогаме, подверг критике концепцию рефлексивной модернизации и третьего пути[95]. Он признает позитивность политики третьего пути, направленной на достижение всеобщего благосостояния, эта политика способствовала формированию активного гражданского общества и росту благосостояния, но считает, что это слишком западнический путь, поскольку рефлексивная модернизация предполагает проект политического субъекта как идеальной цели развития; путь, который к тому же ведет к «обществу риска». Целью автора является обоснование реальности общества синергии. Синергия – социальное сотрудничество вне каких-либо границ. Этот проект предполагает поиск социального благополучия через переосмысление современных ценностей. Подъем сферы коммуникации, где консультант, советник, планировщик и религия играют важную роль в расширении возможностей – вот что такое общество синергии. Вместо общественной сферы японцы, по мнению автора концепции, ориентируются на ниши, в которых создаются и циркулируют сети социального резонанса, такие коммуникационные средства как стандарт справедливой торговли или эко-лейбла. Это имеет политический, экономический и культурный смысл одновременно. Синергетическая

[93] См.: *Beck U., Giddens A., Lash S.* Reflexive Modernization. Cambridge, 1994. 304 p.
[94] *Eisenstadt Sh., Schluchter W.* Paths to Early Modernities – A Comparative View // Daedalus. 1998. Vol. 127, № 3. P. 1–18.
[95] *Goto M.* Toward a Synergy Society: Beyond Reflexive Modernization // XVIII ISA World Congress of Sociology… P. 329.

модернизация – не прогрессивный проект, это исследование качественного расширения благополучия без пагубного влияния утилитаризма или чрезмерного индивидуализма. «Контекстная последовательность случайных встреч строит неизбежно социальные отношения, которые имеют потенциал сформировать сети общественного резонанса связанные с прорастанием элементов другой реальности помимо общества риска. Общество синергии способствует социальному разнообразию и благополучию»[96], – полагает автор.

Почему же в рамках данного исследования мы постоянно обращаемся к западному обществу и западному типу личности? Потому что именно на них, как на образец для сравнения, даже когда из ультрапатриотических соображений какие-то общественные группы открещиваются от этого пути, ориентировано российское общество. Уже не десятилетия – столетия мы решаем для себя: выбрать ли нам европейский путь развития или почвеннический. Мы восхищаемся, завидуем, негодуем, ненавидим западную цивилизацию и прочее и прочее. Исходя из культурсоциологических позиций, озвученных Дж. Александером, мир – основан на интерпретации. Объяснение и изменение мира нельзя отделить друг от друга[97]. Когда мы обсуждаем в средствах массовой информации, публицистике, литературе сходства / различия российской и европейской (западной) культур, обдумываем, являются ли россияне и насколько индивидуалистами или нет, наши «группы носителей» репрезентируют смыслы, т.е. осуществляют культурное конструирование реальности. Говоря об индивидуализме столь долго и столь много, мы совершаем речевой акт, который далее участвует в построении социальных реалий. Мы сближаемся в глобализирующемся мире по типу личности с западным образцом, как бы мы к этому ни относились.

Возвращаясь к проблеме, как меняется современный человек, ответим на вопрос, что есть рефлексивность применительно к каждому отдельному

[96] *Goto M.* Toward a Synergy Society… P. 329.
[97] *Александер Дж.* Смыслы социальной жизни… С. 505.

человеку, члену общества. Подробную проработку данного понятия в своих работах делает Маргарет Арчер[98]. Рефлексивность, с ее позиции[99], проявляется как внутренний диалог, включающий мечты, фантазии, повторное переживание событий прошлого, проигрывание будущих встреч, просчитывание грядущих случайностей, уточнение нашего положение на настоящий момент, утверждение нашего понимание ситуации, подведение итогов нашей жизни, т.е. это внутренний разговор с самим собой, а не с другими. М. Арчер считает, что способность к рефлексии, которую воплощает собой внутренний разговор, является связующим звеном между структурой и агентством. В процессе внутреннего диалога индивид субъективно определяет свои практические проекты относительно их объективных обстоятельств. Т.е. через внутренний дискурс индивид критически анализирует объективные обстоятельства, свои собственные желания и опасения, перед тем как принять решение о своих действиях. Исследовательница полагает, что понимание внутреннего диалога является ключом к решению проблемы взаимодействий структуры и агентов.

Возможность рефлексии вытекает из общей способности человеческой психики к отражению[100]. Рефлексивное понимание, в этом вопросе М. Арчер стоит на герменевтической позиции, является только поверхностным проявлением более глубоких подсознательных структур. Рефлексивное сознание может стать альтернативой и оппозицией «технократическому сознанию». Знания, полученные на основе критической рефлексии, способны вывести человека из рабства, из-под влияния доминирующей культуры. Но, как субъективное осознание репрессий и доминант само по себе не устраняет их объективное влияние, также и в области структуры существует множество культурных ограничений, которые не поддаются личному освобождению. Автор говорит, что если она как женщина осознает, что в ходе социализации

[98] *Archer M.* Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 351 c.; *Archer M. S.* Making Our Way Through The World: Human Reflexivity and Social Mobility. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
[99] См.: *Archer* M. S. Making Our Way Through The World.
[100] *Archer M.* Culture and Agency. P. 68-70.

ей навязываются гендерные роли, то лично для себя она может их не принять. Но будь она черной, возможно, она не смогла бы защитить себя от расизма. Некоторые ограничения не подлежат, во всяком случае немедленному, преодолению, даже если предположить коллективную решимость, сделать это. Но, и здесь М. Арчер солидаризируется с Ю. Хабермасом[101]: если разразится кризис легитимности культурных ограничений, то могут последовать и структурные изменения во всех сферах. Таким образом, исследовательница подходит к следующему важному вопросу: как освободиться от обвинений в релятивизме и как обосновать «культурный разрыв с природой», в котором знания окончательно будут определять человеческий интерес? Проблема в том, что критическая действительность знания определяется саморефлексией субъекта, который есть последняя инстанция. Саморефлексия может дать непобедимую уверенность, но не защитит ни от ошибки, ни от заблуждения или установки.

Отвечая на этот вопрос, М. Арчер опять-таки озвучивает позицию Ю. Хабермаса, который считает, что самостоятельность и ответственность членов общества реализуется только в эмансипированном обществе, здесь взаимодействия развиваются через неавторитарный и повсеместно практикуемый диалог, т.е. с позиций рефлексии. В этом смысле реализация утверждений связывается с концептом «хорошей жизни». Прежде должно созреть эмансипированное общество, тогда критическая мысль будет что-то значить. Получается, что критическая мысль сама собой не может генерировать эмансипированное общество. Однако Хабермас пытается в своей работе вырваться из порочного круга за счет группы акторов, которые способны предвосхитить появление хорошего общества. Ее он усматривает в группе критически настроенных интеллектуалов, принадлежащих к университетской среде. Группа интеллектуалов – не просто модель возможного, но авангард практической жизни. Она распространяет

[101] См.: *Habermas J*. Knowledge and Human Interest. London, 1972. 332 p.

дискурсивную модель поведения через университеты в образовательную среду, а затем на все общество. За этой позицией Ю. Хабермаса М. Арчер оставляет свою собственную несколько в тени.

Симметричное движение рефлексивной личности и эмансипированного общества – то, что мы имеет на настоящий момент. Рефлексивные взаимодействия являются обоюдонаправленными между причиной и следствием, влияющими друг на друга. Рефлексивность, таким образом, означает акт самореференции, где воздействие оборачивается бумерангом назад и начинает влиять на причину, что, в свою очередь, порождает нелинейность поведения системы в целом.

Возрастание рефлексивности социальных акторов тесным образом связано с изменением способа определения своей идентичности. Идентичность, собственно, является результатом процесса рефлексии. З. Бауман пишет о современных людях как «утративших принадлежность»: «Современность заменяет гетерономное определение социального положения обязательным самоопределением»[102]. В традиционном (простом) обществе статусы были в основном приписанные, и не только мужчина – женщина, но и крестьянин – дворянин, сапожник – портной и пр. В относительно простом обществе социальное поле представляло собой набор определенных статусов, и в меру своих талантов и желаний человек мог перейти из одного обозначенного социального положения в другое. Стать, например, из наемного работника предпринимателем. В современном обществе статусы начинают свободно конструироваться, причем вплоть до статусов, связанных с полом и телом.

Если еще несколько десятилетий назад мир делился на мужчин и женщин, то сегодня выбор – кем быть – остается за личностью. Конечно, гомосексуалы, бисексуалы наряду с гетеросексуалами существовали всегда, но после столетий, когда в христианском типе культуры они считались

[102] *Бауман З.* Текучая современность… С. 39.

патологией, эти статусы узаконены. Кроме того, вы можете выбрать идентичность асексуала[103], демисексуала[104], драг-квина[105] и пр. И эти статусы надо отличать от транссексуала[106] или любого другого трансгендера[107], проблема с самоидентификацией которого порождена, как правило, природой. Показательный пример с победителем (победительницей) Евровидения 2014 г. Кончитой Вурст. Томас Нойрвит, альтер-эго которого собственно и является Кончита, четко разделяет свою идентичность как гомосексуального мужчины и свой сценический имидж. И как он признается в интервью, никогда не появляется в образе последней перед мамой, что было бы неуместно, хотя каминг-аут[108] он совершил уже давно, и его гомосексуальность семьей принята. Не правда ли, можно запутаться во всех этих хитросплетениях самоопределений? Но за кого проголосовало европейское сообщество: за исполнителя с лучшей на конкурсе песней, или за человека, открыто манифестирующего право неограниченного выбора самоопределения? Хотя в российской прессе его иначе как «бородатой женщиной» не называют, но и наши зрители поставили его в конкурсе на третье место.

Люди, носящие маски: шуты, актеры, – статусы не новые для западного типа общества, но вплоть до XIX века их, не раскаявшихся в своей профессии, хоронили за оградой кладбища как самоубийц. Смена имиджей, отказ от почтенного статуса, который имели родители – дело греховное. Сегодня свобода выбора идентичности – право и ответственность.

---

[103] Асексуал – определение или самоопределение людей, которые не испытывают половое влечение, выступают за чисто платонические отношения.

[104] Демисексуал – это человек, который не испытывает сексуального влечения, пока не сформирует сильную эмоциональную привязанность к другому человеку.

[105] Драг-квин (дрэг-квин) – человек, который переодевается в одежду человека другого пола без смены своей половой идентичности, а лишь для самовыражения или развлечения себя и других.

[106] Транссексуал – индивид, анатомический пол и психический пол которого не совпадают.

[107] Трансгендерность – собирательный термин для обозначения явлений несовпадения социального (гендер) и биологического пола.

[108] Каминг-аут – процесс открытого и добровольного признания человеком своей принадлежности к сексуальному или гендерному меньшинству.

Связь между рефлексивностью и идентичностью устанавливает в своем исследовательском проекте испанский социолог Izaskun Artegui[109]. Степень рефлексивности, по ее мнению, зависит от того, какие отношения субъекты устанавливают с прошлым и будущим. Эмпирическим материалом для подтверждения гипотезы послужили глубинные биографические интервью молодых людей, находящихся на последнем этапе перехода от юности к взрослой жизни. Автор считает, что принципиальным фактором для конструирования способности к рефлексивности являются условия первичной социализации. Проходило ли взросление в период «первой современности» и стандартизированных идентичностей или «второй современности» и разнообразия идентичностей. Противоречия между тем, что субъектам социализации рассказывали в прошлом, и личным опытом существования и его осмысления – еще один важнейший момент для формирования рефлексивности, который отмечает социолог.

О расширении возможностей, самореконструкции, воплощаемых в «персональном проекте», пишет и Carla Bertolo[110]. Она видит смещение точек конфликта именно на уровень личного проекта, высокую степень сопротивления подчинению и доминированию в поздней современности. Самореконструкция объединяет такие ресурсы, как ощущения, эмоции, чувства, причины, осознанные потребности, желания, ожидания. Тема исследования итальянского социолога – встреча человека с самосознанием, самопроизводство через рефлексивные процессы. Исследовательница пишет, что требуются усилия для поддержания способности смотреть на себя со стороны и принимать на себя ответственность в отсутствие метазащиты (религии, идеологии). Необходимо задействовать эмоциональные, когнитивные символические ресурсы, чтобы балансировать между двумя полюсами: социальной детерминацией и ростом собственной сознательной рефлексивности, которую автор называет предпосылкой социокультурных

[109] *Artegui I.* Exploring the New Generation: the Role of the Past and the Future in the Formation of Identity // XVIII ISA World Congress of Sociology… P. 45.
[110] *Bertolo C.* Subjective-Life as Protest and Change // XVIII ISA World Congress of Sociology… P. 87.

изменений. Проведенное ею обследование людей, занятых такими практиками, как йога, показало, что их заботит не утилитарный или экспрессивный индивидуализм, но способ создавать пространство и содержание для реляционной субъективности[111]. Исследовательница считает, что по экспоненте растет число мужчин и женщин, реагирующих на современную цивилизацию, выбирая Тело–Разум–Дух практики, которые могут быть ресурсом для субъективно выбранной жизни, преодолением и противопоставлением доминирующим западным экономико-культурным ориентациям.

Особенно привлекает в этом исследовании мысль о новом типе социальности, не навязанной в ходе социализации, а формирующейся как свободный осознанный выбор, рождающийся в ходе постоянного дискурса и коммуникации с другими. Автор обращает внимание, что ценности, символы и практики, к которым обращаются ее респонденты, являются источниками для утверждения слияния значимых отношений и автономии. То, что индивидуализм ведет к распаду общественных отношений – самый негативный футурологический прогноз, который озвучивают представители социального знания. «Оборотной стороной индивидуализации, по-видимому, является коррозия и постепенный распад гражданства»[112], – пишет З. Бауман. Мысль о том, что индивидуализм разрушает социальную солидарность, звучала и на XVIII Всемирном социологическом конгрессе летом 2014 года[113]. Так что обнаружение основ новой солидарности, органической, как сказал бы Э. Дюркгейм, – задача не чисто научного плана.

Рост рефлексивности социальных акторов – процесс, идущий симметрично ценностным сдвигам в западной культуре. Американский

---

[111] Реляционная субъективность – ключевая для формирования ситуационной идентичности, реализуемой путем оппозиции «я – другой». Определяется в ходе длящейся во времени коммуникации с другими.
[112] *Бауман З.* Текучая современность… С. 44.
[113] См.: *Grinberg L.* Comparing Occupy Movements: Global Mobilizing Power, Local Political Context and Dynamic // XVIII ISA World Congress of Sociology… P. 338.

социолог Рональд Инглхарт[114] пишет о смещении центра тяжести в пользу «постматериалистических ценностей»: саморазвития, качества жизни, здоровья и хорошей физической формы, опыта и знаний, дружеских отношений. Ценности самовыражения теснят ценности выживания, но это не смена полярностей, а изменение приоритетов, на что он прямо указывает[115]. Ценности самовыражения и качества жизни не противостоят стремлению к физической и экономической безопасности, а отодвигают их на второй план, согласно гипотезе «ценностной значимости недостающего». Чувство экзистенциальной безопасности как условие ранних этапов социализации, с точки зрения Р. Инглхарта, делают индивида носителем постматериалистических ценностей.

Не учитывая изменения типа личности в современном обществе, мы не сможем определить, какой отклик вызывает у тех или иных социальных групп воздействие тех или иных факторов, в том числе не сможем исследовать феномен аномии в условиях современности. Например, чувство одиночества и отчуждения, с одной стороны, может быть проявлением аномии и входит во многое шкалы для ее измерения[116]. Но с другой, как доказывают исследования, проводимые К. Сводером[117], при изменении типа личности от доминирования в нем коллективистских ценностей к индивидуалистическим, принципиально меняются факторы, провоцирующие чувство одиночества и отчуждения. Носители индивидуалистических ценностей, чувствуют себя одинокими и оторванными от жизни, от желательных дружеских и иных общественных связей, будучи, например, связанными маленькими детьми. А коллективисты, напротив, чувствуют себя

---

[114] *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, 1990; *Abramson P.R., Inglehart R.* Value Change in Global Perspective. Ann Arbor, 1995; *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис : политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.

[115] *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества… С. 14.

[116] См.: *Dean D.G.* Alienation: its meaning and measurement // American Sociological Review. 1961. № 26 (4). P. 753–758; *Byles J. A.* Alienation and social control: A Study of Adolescents in a Suburban Community. St.Louis, 1968; *Mier D.L., Bell W.* Anomia and differential access to life goals // American Sociological Review. 1959. № 24. P. 189–202.

[117] *Swader C.* The Loneliness of Many? Investigating the Roots of Urban Russian Lonelines // XVIII ISA World Congress of Sociology… P. 947.

одинокими, если лишены семьи, даже будучи вовлеченными в какие-то гражданские организации.

Рост рефлексивности социальных акторов соотносится с играизацией социальных практик, процессом, выделенным и обозначенным С. Кравченко[118]. Его масштабы автор связывает с существенными переменами в общественной динамике. Играизация является отходом от сугубой рациональности, составившей духовную основу эпохи модерна, и представляет собой результат нелинейной динамики современного общества. Этот процесс, с одной стороны, разрушает традиционные социальные практики, в том числе, делает прежнюю девиацию нормой, а с другой, раскрепощает социальных акторов, высвобождает их креативность. Играизация требует от социальных акторов большей самоорганизации и большей саморефлексии, но позволяет им с большей эффективностью адаптироваться к инновациям и к неравновесной среде в целом. В свою очередь их поведение становится фактором конструирования и изменения социальной реальности неравновесного типа[119].

Играизация как проявление саморефлексии и самоорганизации основана на учете случайного, что адекватно современному процессу увеличения динамической сложности и, как полагает автор, является «фактором порядка, порожденного из хаоса»[120]. Но это не иррациональное поведение. Это особый тип рациональности, Кравченко называет его гибридным[121]. Рациональность, основанная на рефлексии и учете элемента случайности, требует от акторов особой гибкости в выборе средств достижения целей.

В современном обществе меняются типы межличностных коммуникаций. Оказаться вне системы социальных взаимодействий вообще человек не может, но способ, с помощью которого он осуществляет эти

---

[118] *Кравченко С.А.* Играизация общества: блага и проблемы // Сборник научно-популярных статей победителей конкурса РФФИ 2007 года / под ред. В.И. Конова. М., 2008. Вып. 11. С. 270–276.
[119] Там же. С. 271.
[120] Там же. С. 272.
[121] Там же. С. 273.

взаимодействия, вполне может измениться и, очевидно, меняется. Э. Тоффлер анализирует эту ситуацию, в частности в своей работе «Шок будущего». Он пишет, что по мере того, как мы движемся все дальше по пути супериндустриализма, отношения людей друг с другом становятся все кратковременнее. Они строятся по функциональному принципу, которому автор дает определение «модульного»: «Тем самым мы создаем личность, подобную предметам одноразового использования: Модульного Человека»[122]. В условиях городской среды, полагает Тоффлер и ссылается на мнения Г. Зиммеля и Г. Кокса, попытка полного «слияния» с каждым другим человеком может привести к саморазрушению и эмоциональному опустошению. Отношения «ограниченного участия» стали оборотной стороной свободы, с одной стороны, и высокой мобильность, как пространственной, так и социальной, с другой. По сути, если характеризовать современные типы социального действия в терминах М. Вебера, мы, очевидно, наблюдаем разрастание целерациональных действий в ущерб ценностнорациональным.

Итак, на современном этапе мы видим симметричное движение индивида и общества, когда изменения характеристик одного одновременно меняют структуру другого, и наоборот. Приращение индивидуализма и рационализма в западной культуре породило новое качество личности – рефлексивность, то есть способность социальных акторов взглянуть на ситуацию, свои действия, взаимоотношения с другими субъектами со стороны, подвергнуть критическому анализу и самоанализу. Становление рефлексивности симметрично изменению способа определения идентичностей. Идентичность не наследуется и даже не выбирается из спектра определенных возможностей, а свободно конструируется из элементов реальности, включающей когнитивную, эмоциональную и физическую сферы. Симметрично изменяется отношение общества к инаковости. Из статуса изгоя непохожесть превращается в норму. Меняется

[122] *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2002. С. 112.

совокупность значимых ценностных установок личности. В результате человек современности иначе реагирует на входящие внешние факторы. Нормативный плюрализм, например, может не вызывать уже неуверенности и отчуждения, а восприниматься как должное, как обеспечение права выбора, что в свою очередь ведет к нелинейному поведению субъектов и системы в целом. Рутинный образ жизни более не привлекает человека современности, он готов идти по краю, сознательно принимая риски, с этим связанные. Несмотря на то, что рефлексивность порождена рационализмом и индивидуализмом, тенденцией современности является отход от сугубой рациональности, высвобождение креативности, большая значимость единичного и случайного, что усугубляет непредсказуемость поведения акторов и неравновесность системы.

Принимая во внимание подобные изменения социального субъекта, приходится признать, что «новая солидарность» возможна только на основе свободного выбора, осознана как потребность и необходимость, что продолжением рефлексивности должен быть рост ответственности, уравновешивающий субъективизм. Особенно хочется обнаружить ростки подобной новой, «органической» солидарности, наблюдая те симметричные изменения, которые происходят в социуме. Расщепление социальной ткани общества, изменение способа взаимодействий, конкуренция ценностей и стилей жизни, конфликты идентичностей, «постмодернистский произвол», рост числа пользователей всемирной информационно-коммуникативной сети, ослабивший традиционные формы взаимодействия, формирование разного рода информационно-коммуникативных сред, претендующих на частичную замену реального социокультурного пространства, – это взаимосвязано с изменением всей совокупности социальных элементов, составляющих анатомический скелет общества, и характера отношений между ними.

Еще одно продуктивное с гносеологической точки зрения определение современного общества предложил З. Бауман: «текучая современность»[123]. Данный концепт сосредоточен не столько на описании рисков, которые несет с собой современность, сколько на ее атрибутивных свойствах. Метафора с жидкостью означает в данном контексте аналогию с таким ее качеством, как неустойчивость к воздействиям. Твердое общество, предшествовавшее современному, сопротивлялось воздействию, сохраняя устойчивость своих форм, современное реагирует на него нелинейным и непредсказуемым образом. Возрастание скорости протекания социальных процессов приводит к тому, что пространство утрачивает свою ценность, ослабляются связи, обеспечивающие целостность социальной структуры. Переход от сложного структурированного мира, который был обременен сетью социальных обязательств и условий, к миру текучему, свободному от всяческих границ и условий, на микроуровне проявляется в возникновении «слабых связей» между субъектами, они становятся более поверхностными, кратковременными и нестабильными. Эта современность зависит только от самой себя; «вторая современность» как назвал ее У. Бек.

Итак, современное общество текучее, турбулентное, рискогенное. Его риски связаны прежде всего с тем, что оно находится в состоянии неустойчивого равновесия, и даже малое воздействие способно привести к самым неожиданным и непредсказуемым последствиям, поскольку такое общество отвечает на воздействие нелинейным образом. Неустойчивость его во многом связана с ослаблением связей между элементами, которые и обеспечивали целостность социальной структуре. Эти эффекты возникли на фоне и, по сути, стали следствием возрастания скорости социальных процессов. Мы привыкли рассматривать скорость как благо: быстрее стали коммуникации во времени и пространстве, снижаются трансакционные издержки, экономится самый ценный и невосполнимый ресурс – время. Но скорость всегда риск! Система становится все сложнее и уязвимее.

[123] *Бауман. З.* Текучая современность…

Относительно стабильное состояние социальной системы связано с установившимся режимом ее функционирования. Такой период относительной стабильности привел в свое время к расцвету структурный функционализм. Если сравнивать современное общество с тем, структуру которого столь подробно и тщательно выстраивал Т. Парсонс[124], то его можно противопоставить как сетевое общество системному. Второе имеет иерархиезированную структуру, тяготеет к внутреннему балансу, поддерживает равновесие, воздействуя на отклонения таким образом, чтобы вернуться в стационарное состояние, что и нашло свое отражение в теории «социального порядка». Оно способно воспроизводить само себя, передавая ценности и нормы последующим поколениям и отслеживая их исполнение с помощью механизмов социального контроля. Нельзя сказать, что такое общество нединамично, возврат к стабильному состоянию не приходится в ту же точку, откуда произошло отклонение, но все же периоды линейного развития длительны и устойчивы. Периоды нелинейного поведения системы также наблюдались в развитии обществ, самый грандиозный пример – это великое переселение народов в IV в., когда воздействие случайной флуктуации в лице племени гуннов перекроило карту Евразии. Наша цивилизация возможно вступила в такой же сложный период. Поскольку нарушается основное свойство системности внутренняя упорядоченность и согласованность, то современное общество приобретает качественно иные свойства: нелинейность, неупорядоченность, открытость, отсутствие единых законов, способных описать и объяснить происходящие явления.

Открытая система не может оставаться равновесной исторически длительный период времени. Рост скорости социальных изменений, усложнение социальной жизни, выход национальных общественных систем за пределы сложившихся конфигураций в процессе глобализации сделали социальный порядок крайне неустойчивым. И в отличие от воззрений

[124] *Парсонс Т.* Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева ; под ред. М.С. Ковалевой. М., 1998. 270 с.

функционалистов, сегодня, как полагает например британский социолог Джон Урри, усилия, которые предпринимаются для восстановления нарушенного порядка, в свою очередь порождают непредсказуемые и непредвиденные последствия[125].

В системном обществе структура была преимущественно иерархическая, преобладали отношения субординации, господствовали вертикальное управление и контроль элементов (пирамида). Современное сетевое общество (М. Кастельс[126], Ян Ван Дейк[127]) – это комплекс узлов открытого типа, децентрализованный, связанный горизонтальными связями, строящийся на добровольной основе, способный неограниченно расширяться путем включения все новых и новых ячеек. Образом этой новой системности является уже не пирамида, а ризома. Децентрализованный характер связей в сети порождает нелинейное реагирование на внешнее воздействие. Распространение сетевой организации социальной общности изменяет способы производства, характер властных отношений, особенности передачи социального и культурного опыта.

Приходится признать, что современное сложное общество (как сами акторы, так и осуществляемые ими взаимодействия) качественно отличается от общественной системы, которую в свое время изучал и характеризовал Э. Дюркгейм, а затем Р. Мертон. Но сложность не значит беспорядок, это сложно организованный порядок нового качества. Внешние воздействия в нем ведут к непропорциональному и нелинейному ответу, сопровождаясь эмерджентными изменениями в социальной системе. Социальная жизнь развивается не эволюционно-линейно, а образуя, как уже было сказано, ризоморфную организацию среды (Ж. Делез, Ф. Гваттари). И все это на фоне ускоряющегося темпа социальных изменений. Современное сложное общество является продуктом нарастающей скорости социальных изменений и одновременно производителем ненамеренных следствий этого же процесса.

[125] *Urry J.* Global Complexity. Cambridge, 2003. P. 105.
[126] *Castells M.* The Rise of the Network Society // The Information Age: Economy, Society and Culture. Cambridge, MA; Oxford, UK, 2000. Vol. I. 556 p.
[127] *Dijk J. van* The Network Society. London, 2006. 304 p.

Человечество в лице властных структур, научных коллективов, общественного мнения оказывается зачастую неспособным оценить следствия возникших социальных изменений[128], как уже непреднамеренным образом следует следующая волна. Не случайно, что метафоричное определение современного общества данное ему З. Бауманом – «текучая современность» – столь плодотворно. Изменения в социальной среде диктуют необходимость и обновления теоретической базы ее осмысления, в том числе теории социальной аномии.

Необходимость «переоткрытия аномии» по причине усложнения этого понятия в современном обществе ставится в социологической литературе как исследовательская задача[129]. С.А. Кравченко пишет, что современный социум достиг определенного порога сложности и возвращение к долгоживущим референтам, которые обеспечивали бы стабильный порядок традиционного типа, уже невозможно. В реальной жизни доминируют короткоживущие референты. Относительно долгоживущие нормы возможны только в отдельных анклавах (религиозных, этнических общностях). Невозможность единых для всех и долговременных норм приводит к тому, что аномия в классическом смысле термина как «безнормие» сама стала нормой жизни. В этой связи автор формулирует концепцию «нормальной аномии», отражающую реалии сложного социума. Под нормальной аномией подразумевается «расширяющаяся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности Человека»[130].

В данном исследовании упор делается на то симметричное движение общества и субъекта, которое приводит к изменениям их качественных характеристик, поэтому аномию, возникшую в современном обществе, предлагается назвать **рефлексивной** в отличие от структурной аномии предшествующего периода. Рефлексивная аномия порождается смещением

[128] См. *Кравченко С.А.* Становление сложного общества… С. 27.
[129] *Кравченко С.А.* Нормальная аномия: контуры концепции // СОЦИС. 2014. № 8. С. 3–10.
[130] Там же. С. 6.

центра принятия решений, оценочных суждений на уровень микромира, они стали столь же мало предсказуемыми, как и вся общественная жизнь в целом. Если структурная аномия – это паритетный ответ индивида, группы на давление со стороны структуры, то рефлексивная аномия как порождается субъективной, нелинейной реакцией социальных акторов на внешние воздействия, порой случайные, так и является продуктом самоорганизационных процессов, происходящих на микроуровне. Такая трансформация стала возможной в условиях симметрично протекающих процессов: ускорения мобильности, как пространственной, так и социальной, ослабления связей с малыми группами, семьей, умаления необходимости оправдывать ожидания «значимых других», возрастания зависимости от самого себя, роста рефлексивности социальных акторов.

Феномен аномии вообще можно рассматривать, с одной стороны, как характеристику системы. Этот вариант ближе к трактовке Э. Дюркгейма: состояние недействительности и недейственности норм в силу кризиса системы, ее перехода в качественно иное состояние, в котором будут действовать другие нормы. С другой стороны, ее можно рассматривать и как характеристику социальных акторов, чье состояние аномии измеряют через отношение к нарушению норм, чувство тревоги, недоверие к другим людям и пр.[131]. Безусловно, последний вариант возникает не без утвердившегося влияния трактовки аномии в духе Л. Сроула. Постепенный дрейф от системы к субъекту наблюдается уже у Р. Мертона. Его вариант аномии подразумевает, что проблема существует на уровне системы: рассогласование социально одобренных целей и нормативных способов их достижения. Но ответ субъекта уже индивидуален. По своим внутренним причинам он может вести себя как конформист, ритуалистически, как бунтарь и пр. Сегодня, когда значимость субъективного ответа для поведения системы в целом возрастает, аномия рождается не столько в момент

[131] См.: *Lutkina E.* Anomie and Anomia: an Approach towards the Measurement of Social Well-Being and Deviance…

воздействия системы, сколько в момент восприятия системы или ее элементов коллективным актором.

Аномия – состояние, отражающее в первую очередь нравственную сферу общественной жизни, ценностно-нормативную. До становления буржуазного капиталистического государства единой для всех морали все же не было: «Что позволено Юпитеру, не позволено быку», – говорили римляне. Сословная организация общества подразумевала разный комплекс прав и обязанностей для каждого сословия, разные стили жизни. Вспомним совершенно различные нормы отношения привилегированного сословия к равным себе и простолюдинам, что подкреплялось теорией «трех сословий», составлявшей идейную основу социального порядка средневекового европейского общества. Эта теория подразумевала распределение прав и обязанностей между основными сословиями. Рыцарство должно с оружием в руках защищать крестьян и духовенство, крестьянство – трудиться и кормить остальные два сословия, а духовенство заботится о спасении душ своей паствы. Но каждое из сословий в этом социальном порядке получало свое вознаграждение: рыцарство – власть и богатство, а крестьянам было обещано, что тому, кто трудом своим добывает хлеб насущный, легче, чем кому-либо, попасть в рай. Целостность такой общественной структуры обеспечивалась не только традиционализмом сознания, но и целостностью ценностно-нормативной основы.

Провозглашенное в конце XVIII в. равенство логично требовало унификации правил, по которым живут все члены общества, равенство хотя бы прав, но не возможностей, как подчеркивал Бенджамен Констан. М. Фуко показал в своей работе[132], что в раннем капиталистическом обществе дисциплинарная власть сменила собою власть-господство. В результате она стала более рациональной, менее жесткой, более эффективной, но и обезличенной. Дисциплинарная власть подразумевает процедуру непрерывного контроля, который распространяется уже не только на

[132] *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. 480 с.

преступников, но на все общество. Все рационализировать, стандартизировать и поставить под контроль – вот интенция развития западного бюрократического государства.

Однако тенденции общественного развития (отдельных элементов, институтов) никогда не воплощаются в законченной форме, поскольку по мере их развития ненамеренным образом вызревают элементы новых институтов. Так было в истории человеческой цивилизации всегда, просто сейчас изменения происходят с такой скоростью, что мы не успеваем их осмыслить, они не успевают превратиться в традицию, как уже сменяются новыми элементами и т.д. Наряду с бюрократизацией, формализацией человеческих отношений, обратной стороной чего стала их дегуманизация (вспомним хотя бы перекосы ювенальной юстиции в ряде европейских стран), общество провозгласило плюрализм, толерантность, культурный диалог. Многообразие ценностно-нормативных систем привело к тому, что нормы превратились в акт выбора, что в свою очередь приводит к ненамеренным последствиям для общества в целом.

Рефлексивному социуму соответствует **рефлексивная** аномия, мерилом всему становится собственная субъективность, сокращаются горизонты жизненного планирования на индивидуальном уровне, а жизнь «сегодняшним днем» и принятие на себя ответственности за долгоиграющие последствия своих действий – моменты, плохо сочетающиеся друг с другом. «Делать «рациональный выбор» в эпоху мгновенности означает стремиться к вознаграждению, избегая последствий и особенно обязательств, которые могут подразумевать такие последствия», – обращает внимание З. Бауман[133]. Рефлексивную аномию порождают факторы внутренние, собственная субъективность актора, которая становится значимой в ситуации ослабления связей между индивидами в обществе. При этом структурная аномия тоже сохраняет свое значение. Особенно это характерно для обществ переходного типа, где сохраняются факторы структурной аномии в духе Э. Дюркгейма и

[133] *Бауман З.* Текучая современность… С. 140.

Р. Мертона и складываются новые социальные группы, для которых характерны проявления рефлексивной аномии. Введение обозначенных понятий, с одной стороны, усложняет общую модель аномии, но с другой – позволяет понять некоторые ее проявления, не укладывающиеся в традиционные схемы. Например, почему рост среднего уровня материального благосостояния не приводит к ослаблению аномии в отдельных социальных слоях, как в России. Эти понятия позволяют учитывать качественное разнообразие современной действительности.

Аномия как социальный феномен рождается на стыке взаимодействия система – социальные акторы. Социальные институты через правила, нормы поведения, механизмы социального контроля, своих одушевленных представителей оказывают воздействие на иных акторов, которые в свою очередь воспринимают это воздействие и отвечают на него. Разница между структурной и рефлексивной аномией возникает в моменте восприятия и отражения. И разница эта связана с изменением в современном обществе типа личности, носителя признаков аномии, который мы описывали выше.

Носителями признаков структурной и рефлексивной аномии выступают представители двух различных социальных общностей, классифицирующим признаком которых становится система ценностей. Мы можем воспользоваться классификацией Р. Инглхарта[134] и обозначить их как материалистические или постматериалистические. Для социальных субъектов, формировавшихся или существующих в условиях выживания, более характерно быть носителями признаков структурной аномии, для социальных субъектов, нацеленных на саморазвитие и самовыражение – рефлексивной. При структурной аномии воздействие системы порождает линейный, паритетный и в целом просчитываемый ответ. Товарный дефицит провоцирует спекуляцию тех лиц, которые имеют доступ к этим товарам.

[134] *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис : политические исследованияю. 1997. № 4. С. 6–32.

Недостаточное вознаграждение за квалифицированный труд – вымогательство и воровство.

Ответ носителей рефлексивной аномии не столь очевидный и линейный, поскольку он по определению более субъективный. Это не значит, что исследователям вовсе не за что зацепиться, интерпретируя возможный отклик рефлексивных социальных акторов на воздействие системных факторов, поскольку мы имеем представление о системе ценностей, которыми они руководствуются. Если мы имеем дело с носителем постмодернистских ценностей самовыражения, то главное для него – право выбора. Он может, например, не поддерживать запрет введенный на импорт продовольствия из Евросоюза не потому, что его волнует рост цен, который волнует носителей структурной аномии, и не потому, что он никак не может обойтись именно без итальянского сыра, а потому что ему важно сохранить саму возможность приобрести его в любой момент и ему не нравится, что ему это запрещают[135].

Структурная аномия, которая изучена лучше, в масштабе общества проявляется через высокий уровень преступности, низкий уровень производительности труда, асоциальное (бытовое насилие, агрессия, ненормативная лексика и пр.) и деструктивное (пьянство, наркомания, самоубийство) поведение. Проявления рефлексивной аномии в конечном итоге свидетельствуют о том же, о ситуации безнормия в обществе. Только, если в кризисные периоды это безнормие связано со сменой нормативных правил, то в случае хронической аномии – с недейственностью норм. Рефлексивная аномия проявляется через социальный цинизм и игнорирование официально провозглашенного порядка, активную поддержку структур сложившихся неформальных связей. Носители признаков рефлексивной аномии лечатся, учатся, устраиваются на работу в обход

[135] По данным опроса Левада-Центра, проведенного 22–25 августа 2014 г. На вопрос «Как Вы в целом относитесь к введению руководством России запрета на импорт продуктов питания и сельскохозяйственной продукции из стран Европейского Союза и США в ответ на санкции этих стран в отношении России?» «Скорее отрицательно» и «Определенно отрицательно» в сумме ответили 13% респондентов (http://www.levada.ru/28-08-2014/sanktsii-otsenki-i-ozhidaniya).

регистратур, очередей и иных формальных правил. У носителей рефлексивной аномии наблюдается преобладание лично ориентированных целей деятельности над коллективными, что, впрочем, не исключает спорадических вспышек активности в виде критики сложившихся социальных порядков и даже выступления в рамках социальных движений. Но, и это очень важный признак, они всегда готовы уехать, и возможности такие у них есть.

Таким образом, в современном сложном обществе появляется такой феномен, как рефлексивная аномия, порождаемая рефлексивностью самих социальных акторов, но при этом сохраняется и структурная аномия, являющаяся следствием проблем самой системы. Поэтому мы можем утверждать, что сложному обществу соответствует и сложная аномия как сложносочиненный феномен. Она присуща любой социальной системе, но для обществ переходного типа с ярко выраженными системными противоречиями, остро стоящими социальными проблемами, неравномерностью развития самой социальной среды сложная аномия особенно опасна своим энтропийным ростом.

В конфуцианском Китае недоброе пожелание когда-то звучало так, чтобы жить тебе в век перемен. Мы живем в таком текучем обществе, где нам постоянно приходится делать выбор, переопределение ситуации, смену самоидентификации. Но не все в принципе способны адаптироваться к веку перемен, справляться с «преждевременно наступающим будущим», возникает эффект временного дисхроноза, отмеченного С.А. Кравченко, когда в рамках одного общества проживают люди, существующие фактически в разных темпомирах[136]. Временные разрывы, влекущие разницу ценностно-нормативных комплексов, жизненных паттернов, проходят теперь не только по поколениям, но и по регионам, социальным общностям и группам. Теряется представление об общей направленности человеческой жизни, короткие жизненные планы вытесняют стратегическое планирование,

[136] *Кравченко С.А.* Становление сложного общества… С. 27–28.

накатывающие риски, неуверенность в завтрашнем дне, не побуждают заглядывать далее видимой линии горизонта.

Возвращаясь к классикам, разрабатывавшим теорию социальной аномии, хотелось бы отметить еще один момент. Аномия является индикатором кризисного состояния общества, когда наблюдается рассогласованность взаимодействия ценностей, целей деятельности и норм, ее регулирующих. Но при определенных значениях аномия – социальное явление, постоянное и необходимое. Это как с температурой тела, выше 36,6º плохо, индикатор нездоровья, но и ниже – ничего хорошего. Э. Дюркгейм писал: «Не существует морального идеала, который не являлся бы сочетанием – в пропорциях, меняющихся в зависимости от общества, – эгоизма, альтруизма и некоторой аномии»[137]. «Всякая мораль прогресса и совершенствования неотделима поэтому от известной степени аномии»[138]. Автор имеет в виду, что каждый индивид, во-первых, обладает свойственными только ему качествами, а во-вторых, с того момента, как людям внушили, что прогресс есть их обязанность, невозможно держать их в покорности, что объясняет постоянство данного социального феномена.

Р. Мертон рассматривал аномию как проявление дисфункции социальных институтов, а дисфункция – это источник социальных перемен, и не всегда негативных. Инновация, которая в перспективе может стать нормой, в его классификации тоже тип девиантного поведения. Но как удержать нормальный градус общественного организма? «Распределение статусов и ролей посредством соревнования должно быть организовано таким образом, чтобы для любой позиции в рамках установленного распределением порядка существовал положительный фактор, стимулирующий соответствие каждого своей роли и выполнение обязательств, связанных со статусом»[139], – так считал Р. Мертон.

---

[137] *Дюркгейм Э.* Самоубийство… С. 307.
[138] Там же. С. 356.
[139] *Мертон Р.* Социальная структура и аномия… С. 301.

Э. Дюркгейм в свое время говорил, что «аномия является результатом такого положения, когда в известных пунктах общества нет коллективных сил, т.е. организованных групп, которые бы направляли общественную жизнь»[140]. Далее он проанализировал возможности государственной власти, отмечая, что она стремится поглотить все формы деятельности, которые носят социальный характер, но она не годится для такого огромного числа функций и плохо с ними справляется. «Много раз уже было замечено, что ее страсть все захватывать равна только ее бессилию. Только болезненно перенапрягая свои силы, сумела она распространиться на все те явления, которые от нее ускользают и которыми она может овладеть, лишь насилуя их. Отсюда расточение сил, в котором ее упрекают и которое действительно не соответствует полученным результатам». Но и освободить человека от всякого социального давления, с точки зрения Э. Дюркгейма, нельзя, это его деморализует. «В то время как государство бухнет и гипертрофируется, чтобы прочно охватить индивидов, и не достигает этого, индивиды, ничем между собою не связанные, катятся друг через друга, как молекулы жидкости, не встречая никакого центра сил, который бы их удержал, прикрепил, организовал»[141].

Далее автор пишет о необходимости децентрализации власти, но при этом такой, которая произведет в то же время наибольшую концентрацию социальных сил. По сути, Э. Дюркгейм имеет в виду профессиональные корпорации: «Единственная децентрализация, которая не разбивала бы национального единства и в то же время позволила бы увеличить число центров общей жизни, это та, которую можно было бы назвать профессиональной децентрализацией. Она только тогда будет в состоянии исполнять предназначаемую ей роль, когда перестанет быть условным, временным соединением и сделается определенным институтом, коллективной личностью, имеющей свои нравы и свои обязанности, свое

[140] *Дюркгейм Э.* Самоубийство… С. 373.
[141] Там же. С. 382.

единство»[142]. Впрочем, далее он указывает, что корпоративный режим и законы его функционирования требуют специального изучения.

Предлагаем сопоставить последнее из приведенных положений Э. Дюркгейма с гораздо более свежей работой замечательного итальянского ученого и писателя У. Эко «Средние века уже начались»[143]. Эко сравнивает современность с эпохой средневековья, на это его подталкивает, в том числе, апокалипсическая книга Р. Вакка «Средневековье – ближайшее будущее» (1971). Вакка писал о деградации крупных систем, типичных для технологической эры; они слишком обширны и сложны для того, чтобы одна центральная власть могла координировать их действия, и даже для того, чтобы каждой из них мог эффективно руководить управленческий аппарат. Эти системы обречены на крушение, а в результате их сложных взаимодействий под удар ставится вся индустриальная цивилизация. У. Эко развивает эту идею, но не на технологическом, а социально-историческом материале. «Гипотеза Средних веков» находит себе подтверждение уже на современном эмпирическом материале. В ряду примеров этого У. Эко говорит об усилении разного рода корпораций в ущерб центральной власти: «Мы все знаем и без всяких социологических исследований, до какой степени формальными бывают у нас решения правительства по сравнению с второстепенными, на поверхностный взгляд, решениями крупных экономических центров, которые не случайно начинают создавать собственные разведслужбы, используя при этом силы государственного сектора, а также и собственные университеты, нацеленные на особую эффективность, чтобы противостоять Краху, постигшему Центральное Управление Обучения»[144]. Автор указывает на начало игры независимых частных интересов, на возрождение кланового духа, на то, что корпорации предпочитают решать свои проблемы, договариваясь друг с другом, достигая компромисса, а не обращаться за посредничеством к государственным органам, они укрепляют свою

[142] *Дюркгейм Э.* Самоубийство… С. 384.
[143] *Эко У.* Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267.
[144] Там же. С. 260.

безопасность, создавая частные охранные структуры и т.п. Безусловно, на ум приходят, прежде всего, ТНК.

Идеи, отстоящие друг от друга почти на сотню лет, связанные с обоснованием роли корпораций и корпоративного духа в ситуации, когда система слишком сложна, чтобы ее работа координировалась из единого центра, пусть Э. Дюркгейм пишет об этом с надеждой, а У. Эко – с критической иронией, не могут быть пустыми, не содержащими зерно, которое необходимо проанализировать. Также обратим внимание на еще один интеллектуальный посыл У. Эко: «Об этом нашем Средневековье сказано, что оно будет «непрерывным переходным периодом», к которому придется приспосабливаться новыми методами: проблема будет состоять не столько в том, чтобы сохранить прошлое в соответствии с наукой, но и в том, чтобы выработать пути использования беспорядка, проникнув в логику ситуации непрерывного конфликта»[145].

Эта мысль в данном исследовании получит свое развитие во втором параграфе, посвященном социологической экспликации синергетических идей.

Подводя итоги изложенному, следует подчеркнуть следующее.

Теория социальной аномии обладает большим гносеологическим потенциалом, но требует своего развития, доработки категориального аппарата в связи с изменениями, происходящими в социальной системе в целом, и изменениями самих акторов.

Важнейшим качеством современных социальных акторов, определяющим возрастающую значимость их субъективности для поведения системы в целом является рефлексивность. То, что социальные акторы думают о реальности, является важнейшим преобразующим ее фактором. Рост рефлексивности – процесс, идущий симметрично ценностному сдвигу, изменению совокупности значимых ценностных установок личности.

[145] *Эко У.* Средние века уже начались… С. 266.

Необходимо развить теорию социальной аномии, чтобы она отражала эти происходящие изменения.

Аномия – это такое состояние общества, когда нормы, обеспечивающие поддержание социального порядка или недействительны (в переломные периоды общественного развития) или недейственны (когда аномия переходит в обществе в хроническое состояние). До сих пор мы имели дело со структурной аномией. **Структурная аномия** – состояние недействительности или недейственности норм как объективное реагирование общества на элементы системы, которые воспринимаются как устаревшие или несправедливые. В современном сложном обществе возникает феномен **рефлексивной аномии**. Это состояние недействительности или недейственности норм, связанное с субъективной негативной оценкой рефлексивным актором элементов системы. Ее особенностью является нелинейный и непредсказуемый характер реакции. Возникновение рефлексивной аномии не устраняет причин структурной аномии, поэтому для современных обществ, и особенно это актуально для обществ переходного типа, характерен феномен сложной аномии.

Сложная аномия – состояние недействительности или недейственности норм, связанное с усложнением социальной структуры общества, когда различные социальные группы и общности в рамках одного общества живут в разных темпомирах, различным образом реагируя на элементы системы. Сложная аномия сочетает в себе признаки как структурной, так и рефлексивной аномии.

В ситуации «слабых связей», характерной для современного сложного общества, особую значимость приобретают формализованные, институционализированные механизмы социального контроля, которые в условиях эффективной политической власти могут уравновесить рост свободы социальных акторов, а при ее неэффективности – усилить рост энтропии. Исследование эффективности / неэффективности механизмов социального контроля неотделимо от изучения феномена социальной

аномии. Отдельным исследованием может стать изучение роли корпораций и корпоративной культуры, т.е. ценностей и норм медиауровня, для обеспечения стабилизации системы в целом.

Феномен социальной аномии необходимо изучать не только как состояние, воссоздавая статическую картину общественной жизни, но и как процесс, выстраивая картину социальной динамики. Последнее мы попробуем сделать на основе синергетической методологии исследований.

1.2. Социологическая экспликация синергетических идей

В данном параграфе предстоит раскрыть потенциал синергетики в изучении социальной реальности.

Сам термин синергетика как название нового междисциплинарного направления исследований был введен Германом Хакеном[146] в 1969 г. Это направление занимается изучением сложных систем, состоящих из многих элементов, которые взаимодействуют между собой сложным (нелинейным) способом. Предмет теории самоорганизации, как еще называют синергетику, – сложные системы в условиях неустойчивого равновесия и их самоорганизация вблизи точек бифуркации, где малое воздействие оказывается значительным и непредсказуемым по своим последствиям для поведения системы в целом.

Благодаря своей претензии на универсальность моделей, объясняющих поведение сложных систем, теория, родившаяся в области естественнонаучного знания (родоначальники ее Герман Хакен – физик-теоретик, Илья Пригожин[147] – автор теоремы, объясняющей течение процессов в неравновесных системах, физик и химик, лауреат Нобелевской премии по химии), была быстро подхвачена обществоведами, поскольку она заполнила возникшую в то время методологическую лакуну, невозможность

[146] *Хакен Г.* Синергетика. М., 1980. 406 с.
[147] *Пригожин И., Николис Г.* Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М., 1979. 512 с.; *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. 432 с.

в рамках существующих теорий объяснить принципиальную непредсказуемость поведения сложных систем на длительном отрезке времени.

Конец XX в. в когнитивном плане ознаменован интересом социогуманитарного знания к естественнонаучному, что воплотилось в деятельности Комиссии Гюльбенкяна по реорганизации социальных наук, председателем которой был Эммануил Валлерстайн, а среди участников в том числе и Илья Пригожин. На странице Комиссии на сайте Центра Фернана Броделя прямо говорится, что различие между естественными науками и социальными подрывается «новыми науками» и их акцентом на необратимости («стрела времени»), релятивности, сложности. Отмечается растущий интерес социальных наук к содержанию, а не только к методологии естественных наук[148].

Мегатрендом сегодняшнего знания является комплексность, направленная на изучение процессов, которые возникают в динамических самоорганизующихся системах. Джон Урри проанализировал и систематизировал все составные элементы этого комплексного подхода, просматривающегося у тех или иных авторов, и свел их в систему[149]. По мнению ученого при изучении сложных систем необходимо учитывать следующие моменты:

1. Сжатие пространства и времени, что производит не хаос или порядок, а то, что физики называют «метастабильность».

2. Рост коммуникационных технологий, отнимающих первенство в организационных режимах у иерархии, передавая его компьютеризованным сетям.

3. Возникновение «глобальных микроструктур», таких как антиглобалистские движения, финансовые рынки или террористические сети, которые дают принципы и образцы самоорганизации.

4. Увеличение гиперсложности продуктов и технологий.

[148] Fernand Braudel Center. Binghamton University. Электрон. дан. New York, 2013. URL: http://www.binghamton.edu/fbc/publications/gulbenkian.html#top
[149] Урри Дж. Мобильности… P. 104–106.

5. Все большее значение, которое получают гибридные системы социальных отношений и физических объектов, такие как здравоохранение, терроризм, глобальное потепление и т.п., предполагает и порождает перехлестывание и параллели между миром физического, биологического и социального.

6. Непредсказуемость событий и их последствий в пространстве-времени, а особенно непредсказуемость тех сложных путей, которыми события возвращаются к тем, кто инициировал сами процессы, демонстрируя «эффект бумеранга».

7. Различные нелинейные изменения в отношениях, семьях и обществах, происходящие по всему свету и не содержащие ясной связи между «причиной» и «следствием».

8. Значение точек бифуркации.

9. Широкое распространение восприятия всех организмов и материальной среды Земли как чего-то единого, самоорганизующейся системы.

10. Растущая организация самой науки на глобальной основе.

Синергетика, выбранная в качестве методологической основы данного исследования, соответствует этому интеллектуальному посылу и нуждается лишь в социологической экспликации своих основных положений.

Одной из первых применение синергетики в социальном познании в отечественной науке начала В.В. Василькова. Исследовательница связывает интерес к социосинергетике со стремлением ученых отыскать объективные законы социального упорядочения. Синергетика же дает новый импульс изучению вопросов соотношения порядка и хаоса, заявляя новую эпистемологическую позицию по отношению к хаосу: «его надо понимать и принимать: понимать его созидательную роль в мироорганизации и принимать как неизбежный и необходимый элемент в общей картине мироздания»[150]. Вот мы и перекинули мостик от У. Эко к социосинергетике в

[150] *Василькова В.В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб., 1999. С. 6.

интерпретации В.В. Васильковой. «Выработать пути использования беспорядка, проникнув в логику ситуации непрерывного конфликта» У. Эко прорастает у В.В. Васильковой в попытку отыскать универсальные закономерности возникновения порядка из хаоса, наиболее общие закономерности самоорганизующегося мира.

Проникновение синергетической методологии в социальные науки, конечно же, не случайно. Это связано с теми изменениями, которые происходят в эпистемологии. Во-первых, мы наблюдаем преодоление дихотомии объективистских и субъективистских подходов в теории структурации Э. Гидденса, конструктивистском структурализме П. Бурдье. Последний прямо заявлял своей исследовательской задачей преодоление жесткого противопоставления объективистских (физикалистских) и субъективистских (психологических) подходов в социологии[151].

Во-вторых, наблюдается смещение исследовательского интереса от изучения социальных структур к социальным процессам. П. Бурдье называет это реляционным принципом мышления[152], характерным для современных физики и математики. Его особенность в идентификации реальности с взаимосвязями, а не с субстанциями. Субстанциональный подход стремится объяснить происходящее, внутреннее устройство и развитие через единое устойчивое начало: дайте его представителям точку опоры и они объяснят мир. Реляционный подход делает упор на отношения, взаимосвязи, что тесным образом сопрягается с синергетикой.

Приход синергетики в социологию – попытка найти комплексные модели, примиряющие систему и социальное действие, соединение человека в его социальной, культурной, телесной, сознательной и бессознательной данности и макросоциальной динамики. Для синергетики характерно представление о системе как целостном объекте, в котором акцент делается не столько на сами элементы, сколько на связи между ними,

[151] *Bourdieu P.* Social Space and Symbolic Power // Sociological Theory. 1989. Vol. 7, №. 1. P. 14.
[152] Ibid. P. 16.

обеспечивающие такую целостность. Классическая социология и социосинергетика, для которых объединяющим является понятие системы, не противоречат друг другу, а скорее дополняют друг друга.

К тому же, и это третий момент, определяющий парадигмальные изменения в социальных науках, изменились характеристики самой системы и ее свойств. В фокусе внимания оказываются неравновесные системы, неустойчивость которых является предпосылкой изменения способа их поведения. Вводятся новые характеристики – нелинейность, критическое поведение, потенциальность. Стационарное состояние системы рассматривается как «устойчивое», в котором при небольших отклонениях система возвращается в исходное состояние, и «неустойчивое», в котором даже небольшие отклонения могут привести систему к качественному переходу.

«Синергетическое мировидение представляет собой своеобразный (на первый взгляд, внутренне противоречивый) феномен. Стремясь научным, рациональным способом постичь то, что не было прежде предметом науки (хаос, порядок, становление – явления, не обладающие до сих пор точными определениями), она является попыткой *рационально объяснить нерационально устроенный мир* (курсив автора – Н.М.), или точнее – пытается создать рациональную модель нерационально устроенного мира»[153]. В центре внимания синергетики оказываются процессы самоорганизации. Нельзя сказать, что в классических социологических школах и направлениях вопросам самоорганизации в развитии социальных процессов не уделялось внимания вовсе. Но синергетика на этом акцентуирована и предлагает качественно иную методологию изучения данных процессов с привлечением методов математического моделирования.

Синергетика возрождает интерес к проблеме мироупорядочения, провозглашая общность вопросов самоорганизации на уровне природы, общества и человека, и тем самым выходит на важнейшую

[153] *Василькова В.В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем… С. 29.

мировоззренческую проблему – проблему поиска человеком своего места в саморазвивающемся мире. В.В. Василькова в своей работе обращает внимание, что такая постановка вопроса связана со сменой мировоззренческих ориентиров от человека, преобразующего природу в соответствии со своими потребностями, к человеку, встраивающему себя в упорядоченное мироздание.

Проблема социального упорядочения суть проблема наложения универсальных законов самоорганизации на социальную эволюцию. В рамках этих закономерностей хаос играет совершенно особую роль, как разрушительную, так и конструктивную. Социальная организация в данном подходе рассматривается и как структура, и как процесс, ведущий к организации такой структуры. «Предмет же синергетики охватывает *все этапы* построения социальной организации – ее возникновение, развитие, самоусложнение и разрушение, т.е. *весь цикл развития социальных систем в аспекте их структурного упорядочения*»[154]. Формулируя предмет исследований таким образом, В.В. Василькова выводит и исследовательскую задачу – «разработка гипотетико-дедуктивной модели процессов самоорганизации и способов ее применения к анализу социальных явлений и феноменов»[155].

Синергетический подход, в рамках которого мы пытаемся раскрыть действие механизмов самоорганизации в социальной системе, подводит нас в том числе к решению следующих актуальнейших вопросов:

- Возможно ли предсказать развитие событий?
- Можно ли повлиять на развитие событий?
- Каковы условия выхода на точку смены траектории системы, как определить те силы, под воздействием которых система перестает притягиваться предыдущим стационарным состоянием и устремляется к другому?

[154] *Василькова В.В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем… С. 158
[155] Там же. С. 72.

- Каков механизм актуализации одного из путей развития системы в точки бифуркации (перелома)?

Являясь продуктом постнеклассической модели научного мышления, синергетика признает относительность и конкретность истин, получаемых на основе ее методологии; критерии социальных оценок в ее рамках подвижны, но не произвольны. Она ориентирована на поиск «структур порядка» в неустойчивом, стохастически организующемся мире. Она осознает границы своих возможностей, но, как и понимающая социология, исходит из того, что познание есть одновременно созидание нового, соответственно, познавая, нацеливает нас на улучшение этого мира.

Синергетика подарила нам новое понимание хаоса. Хаос амбивалентен, разрушающий и созидающий одновременно, он не чередуется с порядком, он материал, из которого порядок прорастает. Нет абсолютного хаоса и абсолютного порядка. Корректнее говорить, что возрастает мера упорядоченности (или хаотичности) по какому-либо показателю за счет или в противоположность снижению меры упорядоченности (или хаотичности) по иному показателю. Сам хаос имеет тонкую, иногда невидимую для внешнего наблюдателя структуру. Порядок – это организованный хаос. Постоянный приток из внешней среды вещества, информации, энергии противостоит стремлению к хаосу.

Хаос присутствует в системе на элементарном уровне и выражается в стремлении каждого элемента к автономии и наращиванию степеней свободы. Хаос – это однородность, поскольку элементы обладают одинаковыми характеристиками и функционально не зависят друг от друга. Порядок, напротив, обеспечивается дифференцированностью элементов, их связями и согласованным взаимодействием. Зависимость, а не свобода элементов, рождает порядок в системе. «В случае социальной среды аналогом такой устремленности к хаосу выступает не что иное, как устремленность к абсолютной свободе. Его задача – разрушить порядок,

иерархию, структуру»[156], – делает социологическую экспликацию украинская исследовательница Л.Д. Бевзенко.

«Важно учесть одно из положений синергетики, согласно которому хаос представляет собой колоссальное число степеней свободы, исчезающих при условии открытости системы, то есть учесть колоссальное уменьшение числа степеней свободы, составляющее суть самоорганизации. Это значит (применительно к человеческой деятельности), что хаотические и несогласованные, руководимые лишь индивидуальными интересами поступки людей становятся все более обусловленными»[157].

Мерой хаоса системы, ее неупорядоченности является энтропия. «Возрастание энтропии системы представляет собой путь утраты значимости для системного целого индивидуальных характеристик элемента, утраты связи между системой и ее элементами, элементов между собой. В конечном итоге утраты системности как таковой, ее эмерджентности»[158]. Социальная энтропия – мера неструктурированности, неопределенности, непредсказуемости социального объекта. Система состоит из элементов, и ее суммарная энтропия зависит от энтропии каждого элемента. Чем выше степень связанности, зависимости между элементами, тем меньше энтропия, чем меньше эта взаимозависимость, тем больше энтропия и более непредсказуемым становится поведение системы.

М. Форсе в своей работе «Маловероятный порядок: энтропия социальных процессов» (1989) связывает с понятием энтропии беспорядок, равновесие, однородность, равенство, свободу, стабильность, незнание. В то время как с понятием негэнтропии, предложенным Э. Шредингером в 1943 г., и заимствованным социальными науками, соотносится порядок, неравновесие, неоднородность, неравенство, ограничение, нестабильность, знание. Если энтропия – это хаос, то негэнтропия – движение по пути упорядочивания, организации системного целого.

---

[156] *Бевзенко Л.Д.* Социальная самоорганизация… С. 211.
[157] *Васильева Н.* Пути и формы достижения ноосферной цивилизованности // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 129.
[158] *Бевзенко Л.Д.* Социальная самоорганизация… С. 60.

Данная трактовка порядка и беспорядка в социальных экстраполяциях синергетических представлений приводит ряд авторов к мысли о невозможности достижения абсолютного равенства и свободы как состояний, коррелирующих с энтропийным ростом. Особенно непримиримы, считает В.В. Василькова, в борьбе с наследственным «комплексом Равенства и Свободы» французские социологи. «Социальный порядок для авторов теории социальной энтропии, – полагает Л.Д. Бевзенко, – ассоциируется с неравенством, дифференциацией, иерархией, конфликтами и социальными противоречиями, в этом они активно противостоят той социологической традиции, которая идет от Г. Спенсера, Т. Парсонса и апеллирует к порядку как гомеостазису, устойчивости, равновесию. В этом смысле эти теории действительно можно считать вкладом в самоорганизационное видение социальной динамики»[159].

Социальная аномия как проявление рассогласованности в системе, дезинтеграции, роста автономии элементов может рассматриваться в качестве показателя социоэнтропийного роста. Э. Дюркгейм описывал проявления дезорганизации или аномии, говоря, что общественное мнение не сдерживает более индивидуальные аппетиты, последние не знают такой границы, около которой следовало бы остановиться, авторитет традиции слабеет, т.е. нарастает индивидуальная свобода в ущерб социальной упорядоченности.

Социальная система – это открытая система, ее развитие носит нелинейный характер. Г.Г. Малинецкий определяет нелинейность как «парадоксальное, антиинтуитивное поведение изучаемых объектов, когда совместные действия нескольких причин или факторов могут дать новое качество, когда результат их действия нельзя вычислить как сумму результатов этих причин по отдельности»[160]. В случае нелинейных систем вдали от состояния равновесия элементы системы оказываются способными

[159] *Бевзенко Л.Д.* Социальная самоорганизация… С. 177.
[160] *Малинецкий Г.Г.* Новая реальность и будущее глазами синергетики. [Электронный ресурс] // Прогнозы и стратегии. 2009. № 1. Электрон. версия печатн. публ. URL: http://gsf.inesnet.ru/?p=101

к отказу от некоторых степеней свободы ради объединения в целостные когерентные образования, что ведет к возникновению порядка из хаоса. Данный эффект оттока энтропии получил название диссипации, и само открытие диссипативных структур, доказательство теоремы о минимуме производства энтропии в открытых системах И. Пригожиным стало теоретической основой синергетики как подхода к изучению диссипативной самоорганизации.

В открытых нелинейно развивающихся системах процессы диссипации ведут не к распаду, а к прорастанию из хаоса нового порядка и структурированности. Механизмом такой системной перестройки является внезапно возникающая согласованность между действиями отдельных частиц. Суть эффекта диссипативной структурированности – спонтанное возникновение коллективного, согласованного, когерентного поведения элементов системы. С этого момента в открытых системах вместо нарастания хаоса начинает идти обратный процесс: появление структур, рост сложности, снижается энтропия системы, что означает изменение степеней свободы элементов, их постепенное встраивание в целое.

Нелинейный характер развития открытой системы тесно связан с другой ее характеристикой – неравновесностью. Открытая система не может в своем развитии оставаться равновесной, т.к. ее функционирование требует непрерывного поступления из внешней среды энергии или вещества, с их поступлением неравновесность системы возрастает, прежние элементы системы разрушаются, разрушается структура. Относительно стабильное состояние неравновесной системы связано с устоявшимся режимом ее функционирования, положением равновесия, к которому она стремится, несмотря на воздействие флуктуаций, отклоняющих ее от этого состояния. Но всякая устойчивость в нелинейных системах относительна и имеет место до определенных пределов, после чего система может выйти на новый режим функционирования.

Один из главных вопросов – условия выхода на точку смены траектории системы, определение сил, под воздействием которых система перестает притягиваться предыдущим стационарным состоянием и устремляется к другому. Новый порядок приходит на смену старому, потому что старый вырабатывает свои ресурсы, доводя систему до бифуркационного состояния. Бифуркация – изменение характера движения динамической системы на большом временном интервале при изменении одного или нескольких параметров. Соответственно, изменение установившегося режима работы происходит в точке бифуркации. Это точка перехода к новому порядку развития системы, точка выбора одного из возможных режимов функционирования, точка ветвления пути системной эволюции.

В точке бифуркации вариативность развития определяется тем, что перед системой как бы открывается несколько притягивающих (аттрактивных) состояний, и она необратимо делает выбор в пользу одного из них. Происходит то, что С.П. Курдюмов и Е.Н. Князева, пионеры синергетики в российской науке, назвали «выпадением на аттрактор». «Спектр структур-аттракторов предопределен как спектр возможностей, но не более того. Если произошло событие выхода на аттрактор, то в открытой нелинейной среде имеет место процесс самодостраивания, процесс выпадения на аттрактор. И он так же естественен, как процесс падения тел в гравитационном поле притяжения Земли»[161].

В обществоведческих дисциплинах для моментов перехода от одного режима функционирования к другому давно уже существуют привычные нам определения кризиса, революции, которые с точки зрения синергетики представляют собой точки социальной бифуркации или точки ветвления социальной эволюции.

Один из вариантов развития социальных систем предлагают сторонники динамического закона «режим с обострением», много лет, разрабатывающегося в Институте прикладной математике им. М.В. Келдыша

[161] *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Интуиция как самодостраивание // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 111.

РАН С.П. Курдюмов и его постоянный соавтор Е.Н. Князева. Режим с обострением – динамический закон, при котором одна или несколько величин за короткий промежуток времени обращаются в бесконечность, но вместо ухода в бесконечность наблюдается фазовый переход. «Применяя теорию режимов с обострением к развитию человечества, мы приходим к заключению, что мы в настоящее время как раз проходим эту особенность, являемся свидетелями глобального демографического перехода, живем вблизи особенности»[162], – пишут авторы.

Вблизи обострения усиливается хаотическая составляющая в эволюции сложных систем, в обществе аналогом усиления диссипативных элементов является усиление информационных потоков. «При достижении определенного порогового увеличения потоков информации (при возрастании диффузии информации по сравнению с ее производством) качественно изменяется сам закон развития. Ход развития за очень короткое время, по сути дела скачком, замедляется. Причем замедляется не только темп роста численности людей на Земле, но и темп развития экономики, науки, культуры»[163].

Авторы прожектируют возрождение традиционного общества, где население переселяется из городов в сельскую местность, рассредоточивается по пространству, жизнь в обществе строится согласно строгим канонам при соблюдении определенных правил поведения. Появляется новая философия жизни. Глобальная система человечества приводится в порядок, гармонизируется. Уровень жизни в различных геополитических фрагментах глобальной системы выравнивается.

Так ли будут развиваться события, жизнь покажет, мы же обратим внимание на разработку авторами методики прогнозирования развития ситуации. Работа базируется на результатах математического моделирования эволюционных процессов в сложных системах, в ней развивается

---

[162] *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Квантовые правила нелинейного синтеза коэволюционирующих структур // Философия, наука, цивилизация. М., 1999. С. 225.
[163] Там же. С. 226.

синергетический подход к проблеме коэволюции, взаимообусловленного изменения элементов в системе. В открытых нелинейных системах эволюционные процессы ведут к созданию все более сложных организаций и структур путем интеграции различных частей, развивающихся в разном темпе, в эволюционные целостности. В ходе рождения сложной организации происходит согласование темпов жизни структур, синхронизация темпов эволюции. Достигая одного и того же момента обострения, структуры попадают в единый темпомир, совершают фазовый переход.

Однако объединиться в более сложную могут не какие угодно структуры. Существует ограниченный набор способов построения сложного эволюционного целого. Синтез простых эволюционирующих структур в одну сложную структуру происходит посредством установления общего темпа их эволюции. В социальной среде процессы эволюции, их интенсивность в разных сегментах (уровень экономического развития, качество жизни, информационное обеспечение и т.д. по странам) различаются. В результате объединения структуры попадают в один темпомир, начинают развиваться с равной скоростью. На основании своей методики авторы предполагают возможность указать оптимальную степень связи (пересечения областей локализации) подструктур внутри сложной структуры, топологию их расположения, законы смены режима и другие факторы, обеспечивающие устойчивое совместное развитие в одном темпомире.

Данная методика разработана на основе проведения прямых аналогий прохождения процессов в физических, химических, социальных средах. Но обвинения в физикализме здесь не уместны. Социология началась с восхищения физикой. Настоящее же и ближайшее будущее науки за междисциплинарными подходами, грядет новая эпоха синтеза знаний, которая всегда следует за эпохами анализа и всеобщего релятивизма.

Завершает период развития системы в режиме с обострением выбор одного из возможных путей ее эволюции. Этот момент – точка перехода от хаоса к новому порядку, изменения здесь происходят скачкообразно,

поведение социального объекта становится непредсказуемым, а последствия – необратимыми. В точке бифуркации будущее выбирает за себя. Ю. Лотман писал, что всякая культура проходит в своем развитии точку бифуркации, в которой происходит взрыв, «вспышка еще не развернувшегося смыслового пространства. Оно содержит в себе потенциально все возможности будущих путей развития»[164]. При этом ученый подчеркивает существенные для процессов самоорганизации моменты: выбор одного из путей культурного развития не определяется ни причинностью, ни даже вероятностью, поскольку эти механизмы перестают работать в момент бифуркационного взрыва: «Выбор будущего реализуется как случайность… Доминирующим элементом, который возникает в итоге взрыва и определяет будущее движение, может стать любой элемент системы, случайно втянутый взрывом в переплетение возможностей будущего движения. Однако на следующем этапе он уже создает предсказуемую цепочку»[165]. Необратимость – еще одно следствие прохождения системой точки бифуркации. Сделав выбор в пользу одного из возможных путей развития, система навсегда утрачивает возможность вернуться в прежнее состояние и изменить этот свой выбор.

Л.Д. Бевзенко в своей работе пытается с точки зрения синергетики проанализировать роль личности в историческом процессе и социальном конструировании. Она пишет, что бифуркации могут инициироваться личностью при условии, что ее деятельность накладывается на определенные социокультурные условия и действующие социальные механизмы, то есть сама деятельность является своего рода аттрактивной структурой. Малые флуктуации, отклонения от средних значений, которыми в социальной системе являются индивидуальные действия как формы девиантного поведения, в период стабильности большей частью подавляются системой. «Но в моменты кризисов, социальных бифуркаций те же флуктуации становятся значимыми и могут повернуть колесо социальной истории.

[164] *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2000. С. 22.
[165] *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., 1992. С. 28–29.

Личность, индивидуальное действие, выступая в качестве случайной судьбоносной для системы флуктуации, становится определяющим для выбора путей дальнейшего системного движения. Правда результат тоже часто не совпадает с замыслом автора (в данном случае — конкретного социального актора), но всегда помечен его индивидуальностью»[166].

Диссипативные структуры в состояниях неустойчивости крайне чувствительны к малейшим случайным отклонениям в среде. Когда они балансируют между потенциально возможными траекториями развития в точке бифуркации, достаточно вторжения случайной флуктуации, чтобы сделать одну из потенциальных возможностей актуальной. «Малым вызовешь большое, но большим не всегда добьешься и малого», – самый известный принцип нелинейного поведения открытых систем. Большие затраты энергии не гарантируют получение пропорционального результата при отсутствии резонансного взаимодействия со средой. Малое же воздействие, порой случайное, но резонирующее с разворачиванием самоорганизационных процессов, способно раскачать систему. Данный вывод синергетики особенно важен для организации управляющих воздействий, о чем речь пойдет ниже.

Малые изменения в системе, незаметные сегодня, но способные в будущем привести к непредвиденным последствиям, Георгий Малинецкий и Алексей Потапов метафорично назвали в своей работе джокерами[167]. Авторы утверждают, что в сложных системах существует большой «резерв сложности» в поведении, которым они иногда пользуются. В отличие от типичных ситуаций естественных наук, в социальных появляется переменная, которая может меняться скачками. В этот момент поведение объекта может резко усложниться. Для описания таких ситуаций авторы вводят новый класс моделей – динамические системы с джокерами. Джокером специалисты по моделированию назвали правило, которое

[166] *Бевзенко Л.Д.* Социальная самоорганизация… С. 89.
[167] *Малинецкий Г., Потапов А.* Джокеры, русла или поиски третей парадигмы // Знание – сила. 1998. № 3. С. 19–34.

определяет дальнейшее поведение системы. В соответствии с этим правилом она может совершить скачок, а маловероятный шанс стать реальностью.

Классические математические модели не приспособлены к резким изменениям ситуации. Все, что может случиться, уже заложено в модель при ее создании. Но существуют области, в которых они работают (пока не споткнуться о джокера – Н.М.), в которых многое и существенное можно предсказать. Такие области авторы называют руслами. В этих областях мы можем получить проекцию реальности, в которой ситуация становится предсказуемой, хотя, возможно, с ограниченной точностью и в течение ограниченного промежутка времени.

В данной методике построения прогноза интересно не только наличие русел, которые позволяют, пусть и в ограниченных пределах, проектировать развитие системы, но именно выделение джокеров, которые, казалось бы, разрушают любую прогностическую модель. Правда, авторы предусматривают возможность джокера не столько просчитать, сколько угадать. Объясняется это уникальностью такой прогностической системы как человеческий мозг, который обладает поразительной способностью упрощать мир, выбирать ключевые переменные, самые главные процессы и причинно-следственные связи. Нельзя не отметить, что значения точек, в которых режим достигает максимального обострения, и точек бифуркации, социальных аттракторов и джокеров, – очень близки, они означают момент фазового перехода и конфигурацию будущей системы.

Аттрактор – понятие, также пришедшее из естественных наук, введенное в свое время А. Пуанкаре – это область относительно устойчивого состояния системы, которая притягивает к себе траектории ее развития. В синергетике одно из «классических» определений дала Е.Н. Князева: «Системный аттрактор – определенная конфигурация системной структурированности, к которой притягивается траектория движения

системы»[168]. Автор пишет о близости понятий аттрактор и цель, но не в смысле человеческого целеполагания, а в смысле направленного поведения системы.

Социологической экспликацией синергетики успешно занимается украинский исследователь Л.Д. Бевзенко, в том числе тем, что есть аттрактор в социальной среде: «Аттрактивные структуры – это всегда локальные зоны повышенной социальной упорядоченности (в принятом нами понимании порядка – области низких социоэнтропийных значений). Механизмы такой локализации носят по преимуществу культурный характер, и соответственно в аттрактивной структуре всегда с неизменностью присутствуют признаки более или менее устойчивого субкультурного образования. Локальная ценностная, нормативная, семантическая, символическая среда, процедуры инициации – основные культурные механизмы, обеспечивающие локальность аттрактивной структуры»[169].

Автор подчеркивает, что аттрактивные структуры – это, по сути своей, диссипативные структуры, чья конфигурация диссипации притягательна для системы в целом. Свойство социальной аттрактивной структуры требует обращения к понятиям и представлениям культурного порядка: нормы, ценности, символы, инициация, сакрализация. Аттрактивная структура – именно структура, а не агрегативное объединение элементов, считает автор, за счет спонтанно возникающей когерентности, кооперированности, которая предполагает отказ, не всегда осознанный, от части степеней свободы. «Именно в результате этого возникает эффект структурной целостности, эмерджентности, коллективности, единства»[170].

Роль социальных аттракторов Л.Д. Бевзенко отводит таким формам социальных объединений как направленная толпа, игровые и

[168] *Князева Е.Н.* Случайность, которая творит мир (новые представления о самоорганизации в природе и обществе) // Знание, философия и жизнь. 1991. № 7. С. 14.
[169] *Бевзенко Л.Д.* Социальная самоорганизация… С. 227–228.
[170] Там же. С. 408.

мифологические общности. Одна из центральных идей ее работы состоит в том, что социальная самоорганизация осуществляет себя путем спонтанного образования локальных социальных структур именно такого рода. Их образование «с неизменностью должно сопровождаться образованием определенного ментального каркаса в виде относительно общего для всех членов данной структуры мировидения, представленного в общей картине мира». Впрочем, автор считает более точным термином не «картина мира», а «модель мира», которая укоренена в различных пластах сознания «от ясных и осознанных смысловых образований до смутных, полуосознанных переживаний и образов»[171].

Таким образом, негэнтропийный потенциал социального аттрактора обеспечивается ценностно-нормативной и морально-этической системами, которые поддерживают и укрепляют самоорганизационный порядок в зоне локализации аттрактора в среде. Л.Д. Бевзенко подчеркивает, что укоренение смыслосодержания происходит не только на уровне осознанных представлений, но и в глубинных пластах психики. «Нормы аттрактивной структуры – это нормы, становящиеся частью жизненного мира человека и, по сути, частью самого человека, а не внешней регламентацией его жизни, как это бывает в случае организационных нормативных предписаний»[172]. Из представителей социосинергетики, возможно, именно Л.Д. Бевзенко ближе других подошла к встраиванию мира человеческой субъективности, мира социокультурных смыслов того, что она называет «жизненным миром», в социосинергетическую модель. «Модель мира» для нее – это субъективно переживаемый человеком образ реальности, с которым соотносится его деятельность.

Итак, среди свойств нелинейной среды – непредсказуемость, необратимость, малая зависимость процессов системного структурирования от начальных условий. Для аттрактивных структур характерны и

[171] *Бевзенко Л.Д.* Социальная самоорганизация… С. 259.
[172] Там же. С. 242.

спонтанность возникновения, и вариативность возможных состояний, но вместе с тем возникнуть могут не какие угодно аттракторы, а только те, свойства которых предзаданы самой средой, соответствуют допустимым вариантам поведения системы. «Самоорганизационный порядок возникает из внутренне присущего системе набора вариантов развития, поэтому недопустимо слепое навязывание ей внешней воли без учета этой внутренней предзаданности»[173].

Но опять-таки, если сущность самих аттракторов не относится к принципиально непрогнозируемым моментам, то реальный выбор в пользу одного из них, как правило, связан с действием флуктуации, случайности на микроуровне. Синергетика подразумевает, что долгосрочное прогнозирование невозможно, поскольку социальные процессы меняют свою направленность в точках бифуркации стохастическим образом, поскольку малые флуктуации, усиливаясь в точках системного перелома, приводят к событиям, которые не обязательно должны были происходить, но которые в последующем определяют развитие системы в сторону нового порядка функционирования. Линейное предсказание на основе экстраполяции, установления причинно-следственных закономерностей допускается, но на коротком временном промежутке и вдали от точек бифуркации, системного перелома.

Впрочем, несмотря на постулирование стохастичности социальных изменений в точках бифуркационного перелома и, следовательно, их принципиальной непредсказуемости, В.В. Василькова в своей работе «Порядок и хаос в развитии социальных систем» на протяжении значительной части работы (вся вторая глава) ищет корреляцию, пусть и осторожно, между этапами самоорганизационных процессов и циклами развития общества в уже известных научной среде теориях длинных волн Кондратьева, чередования базовых типов сознания Маслова или вспышек солнечной активности Чижевского. Все это говорит о том, что желание

[173] *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 39.

обосновать научность синергетической теории связывается с наличием в ней некой прогностической силы; «именно в логике социально цикла можно обнаружить процессуальную модель последовательного развертывания законов самоорганизации»[174], – полагает автор.

Синергетика вообще и социосинергетика в частности допускают возможность вероятностного прогноза. «Проблемы, не имеющие решений на уровне детерминизма, могут иметь решения на вероятностном уровне», – считает Л.В. Василева[175]. Исследовательница обращает внимание на то, что детерминистские концепции истории, по сути, исключают личность как субъективный фактор из исторического процесса. Социосинергетика же указывает, что именно деятельность человека в той или иной бифуркационной точке может определить момент выбора системой траектории своего развития. Об этом же, собственно, пишет и Л.Д. Бевзенко, на мнение которой мы ссылались выше.

Одним из первых об «эрозии детерминизма» написал И. Пригожин[176]. Он указывал, что принятие решений человеком неотделимо от проявления свободы его воли. Человеческая же свобода может иметь смысл только в мире, которым правят недетерминистические законы. Признание существования горизонта прогноза имеет своим прямым следствием изменение управленческих стратегий поведения. Еще в 60-е гг. XX в. В.Д. Моисеев отмечал экспансию взглядов кибернетики, чьи идеи непосредственно повлияли на развитие и синергетики, в управление и организацию. Под управлением в кибернетике подразумевается «корректирующее воздействие на сложную динамическую систему, которое осуществляется с помощью сигналов, несущих определенную информацию, при широком использовании сложных логических операций и механизмов обратной связи. В результате такого воздействия достигается целенаправленное изменение состояния системы, обеспечивающее ее

[174] *Василькова В.В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем… С. 342.
[175] *Васильева Л.Н.* Наследие И.Р. Пригожина и социальные науки // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 28–37.
[176] *Пригожин И.* Постижение реальности // Природа. 1998. № 6. С. 4–11.

приспособление к изменяющимся внешним условиям и изменяющемуся внутреннему состоянию, которое необходимо для существования самой системы или выполнения свойственных ей функций»[177].

Сегодня правила эффективного управления с точки зрения учета законов самоорганизации подразумевают, прежде всего, что управлять системой можно косвенным путем, изменяя параметры среды для того, чтобы она сама становилась способна к порождению иных самоорганизационных структур. Аттракторы, которые притягивают развитие системы, конечно, нельзя создать искусственно, но можно инициировать их возникновение, причем только тех, которые предзаданы средой, органичны ей.

Сила синергетики в том, что она признает возможность не только объяснения функционирования системы, но и возможность влиять на ее функционирование. Это вытекает из принципов познания постнеклассической науки: нельзя наблюдать за объектом, не оказывая на него влияния. Известный французский физик и лауреат Нобелевской премии Луи де Бройль считал, что описание физической реальности, совершенно не зависимой от средств, при помощи которых мы ее наблюдаем, невозможно[178]. Наши знания об объекте соотносятся с целевыми установками познающего субъекта. Синергетика, как уже говорилось, показывает, как можно генерировать посредством резонансного воздействия желаемые и реализуемые структуры в сложной системе, но не любые, а только определенные из спектра потенциально возможных.

Возможность правильно организованного резонансного воздействия – второй момент управленческой стратегии синергетики. «Главное не сила, а правильная конфигурация, архитектура воздействия на сложную среду – систему. Малые, но правильно организованные резонансные воздействия на сложную систему чрезвычайно эффективны»[179]. При условии попадания в резонанс со структурной предзаданностью, заключенной в среде, в

[177] *Моисеев В.Д.* Центральные идеи и философские основы кибернетики. М., 1965. С. 56–57.
[178] *Де Бройль Л.* По тропам науки. М., 1862. С. 166–167.
[179] *Князева Е.Н, Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировидение диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 5–6.

соответствии с принципом самодостраивания потенциально возможная структура разовьется по самоорганизационным законам в зрелую социальную структуру.

Г. Малинецкий и А. Потапов, как мы помним, оперируют понятием джокер для определения переменной, которая может изменяться скачками и изменять работу всей системы. Джокеры, считают авторы, могут не только усложнять ситуацию, но и упрощать ее. Они могут превратить хаос в сложную упорядоченность заданного типа[180].

Что может стать таким джокером, который приведет к скачку, к фазовому переходу? В цитируемой здесь работе Г. Малинецкого и А. Потапова приводится пример из книги Дж. Сороса «Алхимия финансов», в которой описывается, как ожидания участников биржевой игры в значительной степени творят будущее. Сорос описывает интересную закономерность в изменении прибыльности многих успешных финансовых проектов. Если проект достаточному количеству людей кажется прибыльным, они вкладывают в него деньги. После того как деньги вложены, проект и в самом деле становится прибыльным. Ожидания подтверждаются, и это порождает новые вложения. Вложения снова могут увеличить прибыльность. Так возникает лавина, бум ожиданий. Включается положительная обратная связь. Динамика прибыльности, цены акций и тому подобное становятся предсказуемыми и могут быть довольно просто описаны. Авторам этот пример интересен с точки зрения того, как плавное течение ситуации вдруг сменяется резким провалом, имеется в виду последующий обвал стоимости раздутых акций. Мы же обратим внимание именно на то, что подчеркивал Дж. Сорос: в социальной сфере, к коей относится и экономика, будущее в значительной степени творится ожиданиями участников игры.

Продолжая социологическую экспликацию синергетического подхода, отметим, что понятия точек, в которых режим достигает

[180] *Малинецкий Г., Потапов А.* Джокеры, русла или поиски третей парадигмы… С. 19–34.

максимального обострения, и точек бифуркации, социальных аттракторов и джокеров, – очень близки, они означают момент фазового перехода и конфигурацию будущей системы. Предсказать «выпадение на аттрактор» с точки зрения синергетики невозможно, слишком велика роль случая в выборе между возможными вариантами структурирования. Но синергетика допускает, как мы уже говорили, возможность резонансного влияния на создание желаемых структур в сложной системе. Л.Д. Бевзенко полагает: «С точки зрения управления такими системами, являющимся одним из прагматических следствий теории самоорганизации, большой интерес представляет условие выхода на точку смены траектории системы, определение тех сил, под воздействием которых система перестает притягиваться предыдущим стационарным состояниям и устремляется к другому»[181].

Но между биологическими и социальными системами, между биологической и социальной эволюцией существуют различия, полагал И. Пригожин[182]. Суть их в том, что общества могут вести себя целенаправленно и в определенных рамках выбирать путь своей эволюции. Эту идею в своем исследовании развивает и Л.Д. Бевзенко. Она пишет, что в социальной динамике изначально присутствуют организационная и самоорганизационная составляющие. «Самоорганизационные процессы идут параллельно с организационными, и результирующая картина является следствием непростого наложения организации и самоорганизации как основных механизмов возникновения и изменения социального порядка… В случае социальных систем мы должны говорить о двух разных типах системного порядка и двух механизмах его изменения в силу присутствия в них человека с его способностью к сознательному целеполаганию»[183]. При этом явления, возникающие в результате самоорганизации, потенциально гораздо более устойчивы, чем организационные, считает автор.

[181] *Бевзенко Л.Д.* Социальная самоорганизация… С. 54.
[182] *Пригожин И.* Природа, наука и новая рациональность // В поисках нового мировидения: И. Пригожин, Е. и Н.Рерихи. М., 1991. С. 32–41.
[183] *Бевзенко Л.Д.* Социальная самоорганизация… С. 168.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что организационная составляющая может быть вполне эффективной в условиях устоявшегося режима функционирования системы, вдали от точек бифуркации. И, что еще важнее, организационные усилия могут быть направлены на недопущение выхода системы на точку бифуркации в силу невозможности предугадать ее самоорганизационный выбор в этот момент.

В.В. Василькова в конце 90-х гг. XX в. писала, что для выполнения исследовательской задачи «социального переложения» универсальной теории самоорганизации необходимо, чтобы междисциплинарные исследования прошли три этапа. На первом на примере разнообразных социальных явлений и процессов обнаруживаются проявления самоорганизации через рождение, существование и умирание социальных структур. Это этап узнавания проявлений теории самоорганизации на конкретном эмпирическом материале. На втором необходимо создать целостную модель процессов социальной самоорганизации. И в этом смысле, как было показано выше, представители синергетики значительно продвинулись вперед. Ну а на третьем этапе наступит время интерпретации идей социальной самоорганизации в мировоззренческом плане о том, как следует жить и действовать в нелинейно развивающемся, малопредсказуемом мире: «мировоззренческая интерпретация, вырастающая из концепции самоорганизации, обещает увидеть новые проблемные ситуации в современном виде, и если не решить их, то хотя бы приучить современного человека к мысли решать именно их»[184].

Предлагаемое здесь исследование претендует на то, чтобы, используя модель процессов социальной самоорганизации, показать закономерности самоорганизации, действующие в культурной сфере общественной жизни и структурирующие жизнь социальную (имея в виду и обратную зависимость), показать, как хаос на микроуровне, уровне индивидуальных воль складывается в результирующий вектор развития на макроуровне, уровне социальной системы. Ставится задача сконструировать модели социальных

[184] *Василькова В.В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем… С. 76.

изменений, где аттрактивными структурами являются ценностно-нормативные конфигурации, делая акцент не на наборе элементов, в данном случае ценностей и норм, а на их сопряжении.

В исследовании делается упор на таком положении синергетики, как несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов. Нельзя не отметить, что данная идея не нова в социологии. Она присутствует и у представителей ставших уже традиционными направлений, например у Питера Блау: «социальная структура тождественна эмерджентным свойствам комплекса составляющих ее элементов, т.е. свойствам, не характеризующим отдельные элементы этого комплекса... Комплекс элементов структуры представляет собой лишь механическую совокупность элементов, в то время как собственно структура в самом широком смысле слова определяется взаимосвязью этих элементов, включая их взаиморасположение и взаимовлияние»[185]. Но в рамках синергетики мы пытаемся нащупать геометрию этих конфигураций, притягательных для системы.

Л.Д. Бевзенко пишет, что свойства аттрактивности определяются конфигурацией составляющих, имеющих культурную природу, это, в том числе, ценности и нормы. В.К. Егоров говорит о, по сути, синергетической системе взаимосвязей, взаимозависимостей в совместной «жизни» ценностей и ценностных отношений: «В одном, конкретном, локальном (а не только не вполне определенном) мире культуры ценности «располагаются», меняют свое положение, сопрягаются между собой прямо, опосредованно, иногда как бы «потенциально взаимодействуя» таким образом, что эта система не поддается описанию и представлению не только в социологических и структуралистских таблицах и чертежах, но и в более сложных «геометрических» конфигурациях, требуя – в интересах и философии, и науки – своего рода метамоделирования»[186]. С.П. Курдюмов и Е.Н. Князева

[185] *Блау П.М.* Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль : тексты / под. ред. В.И. Добренькова. М., 1994. С. 17.
[186] *Егоров В.К.* Культура как двигатель и тормоз глобализации [Электронный ресурс] // Синергетика : сайт С.П. Курдюмова. Электрон. дан. М., 2010. URL: http://spkurdyumov.narod.ru/D41Egorov.htm.

подчеркивают, что главное не сила, а правильная конфигурация, архитектура воздействия на систему.

Попытаемся в следующем параграфе, используя положения социосинергетики, исследовать такой феномен как социальная аномия.

1.3. Социальная аномия в терминах синергетики. Концепция ценностно-нормативных конфигураций

Какие же возможности дает синергетика для изучения социальной аномии?

Социосинергетика не случайно сложилась в момент перехода от анализа строения и функционирования социокультурных систем к объяснению процессов их развития, именно потому что она как методология ориентирована скорее на познание социальных процессов, чем структур. Важнейшим методологическим положением синергетики является утверждение, что существует целый класс явлений, которые возникают от совместного действия нескольких разных факторов в условиях, когда каждый фактор в отдельности такого эффекта не дает. Для социологии это означает появление методологической базы исследования процессов самоорганизации, поддержания и распада структур в социальной системе с учетом факторов протекания обменных процессов с окружающей средой.

В этом контексте аномию можно рассматривать как социальную энтропию. В термодинамике энтропия – мера необратимого рассеивания энергии, рост неупорядоченности системы, хаоса. Аномия в социальной системе представляет собою частный случай общего закона энтропии. Сеть социальных взаимодействий скрепляется соблюдением общих правил, по которым эти взаимодействия осуществляются. Два ведущих фактора определяют их прочность: добровольный консенсус участников взаимодействий и принуждение к соблюдению правил через механизмы

социального контроля. В состоянии аномии, когда критически значимая часть общества по тем или иным причинам перестает соблюдать эти правила, начинается ослабление социальных связей, сеть теряет прочность, запускаются процессы дезинтеграции, начинается состояние социального хаоса. Открытой сложной системе свойственны процессы, связанные как с энтропией, так и с негэнтропией, выражающиеся в самоорганизации, движении к внутренней упорядоченности. Эти самоорганизующиеся структуры, зоны локальной социальной упорядоченности – а это могут быть и секты, и криминальные формирования – устанавливают свои правила, которые будут поддерживать целостность сети, возможно, вполне эффективно. Но эти правила, установленные самоорганизационным путем, могут противоречить и даже быть враждебными тем, что устанавливаются организованно. Телефонное право, взяточничество, вымогательство и пр. – примеры таковых. Это не останавливает, а только откладывает движение системы в точку разлома.

Значение имеет именно критическая масса тех, кто отказывается от консенсусных отношений, поскольку на основе одних лишь механизмов социального контроля систему от вхождения в хаотическое состояние не удержать. Аномия-энтропия ведет к неопределенности состояния и поведения системы, и критическим моментом этой неопределенности становится выход системы на точку бифуркации, когда она непредсказуемым образом меняет режим своей работы. В социальных науках, как уже говорилось, для таких моментов давно уже сложились определения: кризисы, революции, войны. Недопущение выхода системы на точку бифуркации – главная управленческая задача всех организованных социальных сил системы.

Синергетика как направление научных исследований привлекательна прежде всего тем, что признавая ограниченность наших возможностей по предсказанию развития событий, признавая неуправляемость системы в

точке бифуркации, не отрицает возможности влияния на ее поведение через инициирование желательных аттракторов. В случае если они будут резонировать с умонастроениями, существующими в социальной среде, они способны притянуть вектор развития системы и восстановить утраченный консенсус. Этими аттракторами могут быть привлекательные для общества идеи, в том числе то, что мы называем национальной идеей, могут быть особенно удачные социальные программы, которые запускаются в действие, или эффективные шаги на внешнеполитической арене. Но! Социальная среда подвижна, ее настроения меняются, аттрактивный эффект тех или иных идей, событий, действий различается по продолжительности своей действенности, но он в любом случае не бесконечный. Здесь сказывается и то, что социальная среда адаптируется под любое нововведение, а адаптация означает, что затраты энергии, направленные на это явление, событие, действие, снижаются. Тем временем возникают новые факторы, новые аттракторы, которые привлекают к себе внимание и требуют энергетических затрат, определяют умонастроения, изменяют саму ситуацию. Скорость протекания социальных процессов и происходящих изменений в современном мире, о которой мы говорили уже не раз, предполагает высокую подвижность социальной среды, смену ее умонастроений, реакций. Поэтому в современном обществе аномию необходимо рассматривать прежде всего не как состояние, а как процесс, связанный с ростом энтропии системы.

Аномия – процесс социоэнтропийного роста, в основе которого нарушение когерентного взаимодействия ценностей и норм. Аномия – это буквально состояния «безнормия», когда разрушается нормативная среда, регулирующая социальные взаимодействия. Нормы как варианты допустимых действий санкционируются не только и не всегда нормативными актами, но ценностями, разделяемыми большинством членов общества, которые придают действиям значимость и смысл, а следовательно,

соблюдение норм ведет к реализации ценностей в культуре. Ценности и нормы выступают, применительно к изучению проблемы аномии, как целостные динамические образования, взаимодействие элементов которых, согласованное или рассогласованное, определяет глубину аномии в обществе. Поэтому для определения данного динамичного взаимодействия предлагается ввести категорию ценностно-нормативных конфигураций, когерентного взаимодействия ценностей и норм в рамках единой культуры. Необходимо доискаться, почему происходит нарушение такого взаимодействия, как проявляется, можно ли измерить глубину разлома. И главное, возможно ли этим процессом управлять и как.

Рассогласование взаимодействия ценностей и норм (нормы, не восходящие к ценностям, или несоблюдение норм – умаление ценностей) ведет к росту энтропии системы, который при достижении пороговых значений может вывести ее на точку бифуркации. Аномия – это такой градусник, на котором, предполагается, должна быть отметка 36,6º – тот допустимый уровень нагрева системы, который еще не угрожает здоровью общества в целом. Но поскольку это не только определенное состояние системы, но и осуществляющийся в ней процесс роста рассогласованности взаимодействия ценностей и норм, «перегрев» ведет к росту в ней энтропии. Аномия опасна при достижении своих пороговых значений, поскольку выводит систему к точке бифуркации. И здесь важно разобраться, как складываются ценности и нормы, устанавливается их согласованное взаимодействие и можно ли на этот процесс влиять искусственным путем.

Изучением вопросов аксиологии, т.е. исследованием ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, первой занялась философия. Одним из главных вопросов философской аксиологии оставался присущий философскому знанию вообще вопрос об условиях возможности оценок, имеющих «абсолютное значение»: ценность истины в философии, добра в этике, красоты в эстетике. Будучи обращенными к человеку, они

приобретают характер императива. Обращение к аксиологической проблематике было одновременно и симптомом кризиса просвещенческого рационализма, и способом его преодоления, завершением одной фазы философского развития и началом новой. Импульсом к развитию аксиологии стало обнаружение в процессе познания оценочного момента, ставящего самопознание в зависимость от направленности человеческой воли, что определяло эволюцию самого типа научного знания от классического к неклассическому и далее постнеклассическому.

Показательно, что сегодняшний подъем интереса к вопросам ценностей, их критериев, типов и т.д. приходится также на переломную эпоху. В работах исследователей самых разнообразных областей социогуманитарного знания проскальзывает предчувствие и предугадывание смены культурных эпох, когда поиск смыслообразующих оснований человеческого бытия актуализируется.

Изучение аксиологических вопросов в социологии началось с М. Вебера. Он привнес в нее неокантианскую традицию толкования проблемы, преодоление свойственного эпохи релятивизма через признание общезначимости ценностного, ценностей истины добра и красоты, к которым стремятся ради них самих, которые обнаруживаются в ценностях-благах культуры, науке, религии, праве и др. и оборачиваются к человеку как требования долженствования. Разрабатывая проблему социального действия и его типов, ключевым моментом определения социального действия он сделал именно осмысленность. Осмысленным же каждый человеческий акт становится лишь в соотнесении с ценностями, в свете которых артикулируются и нормы поведения людей, и их индивидуальные цели[187]. М. Вебер нашел равновесную позицию между интересовавшими философов трансцендентными ценностями и имманентным бытием, выразив ее в формуле «субъективно-переживаемого смысла». Анализ смыслосодержащих

[187] *Вебер М.* Основные социологические понятия / Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 602–643.

человеческих действий, соотнесенных с ценностями, он предложил осуществлять посредством понимающе-объясняющих процедур, тем самым впервые введя ценности в социологическую проблематику[188].

В чем заключалась «социологизация» аксиологии? Интериоризируя ценности как собственный предмет изучения, социология в первую очередь интересуется их культурно-исторической природой, связью с внутренними структурами личности, той ролью, которую ценности и санкционируемые ими нормы играют в обеспечении социальных взаимодействий и социального порядка в целом.

В ведущей школе социологии, североамериканской, начиная с Ф. Знанецкого, через П. Сорокина и Т. Парсонса утвердилась традиция рассматривать ценности как правила поведения. У Ф. Знанецкого и У. Томаса с их помощью группы сохраняют, регулируют и распространяют соответствующие типы социального действия среди своих членов. Данная точка зрения фактически игнорирует различия между правилами и ценностями. В функционализме Т. Парсонса подчеркивается роль ценностей в социальной интеграции любого общества, но разрывается обусловленность норм ценностями в веберовском понимании, и нормы получают свою значимость от общественных санкций. Немецкий социолог Карл Ахам в своей работе «Социологизм и проблема ценности» пишет о гиперсоциализированной картине личности, создаваемой главным образом североамериканской социологией в силу ее натуралистической, а именно бихевиористической ориентации. Личность здесь является исключительно продуктом всеохватного процесса, в ходе которого вырабатываются только «паттерны поведения». «Отсутствует именно то, что позволяет человеку

[188] *Вебер М.* О некоторых категориях понимающей социологии // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков : тексты. М., 1996. С. 501–502.

неизменно опережать социальные условия – его собственные желания и основанная на них целеустановка»[189].

Идея общественного договора, унаследованная модерном от эпохи просвещения, пусть и несколько смягченная, представляющая общество установлением рационального ума, тем не менее, является одной из принципиальных для западной социальной мысли. В том числе это затрагивает и вопрос о том, что есть ценности, какова их природа. Ценности перестают быть «абсолютными», общественное бытие становится зыбким, чтобы скрепить общество, заключается общественный договор, что считать ценностями. Ценности теряют статус категорического императива. Само обращение к ценностям как результату общественного договора выталкивало их в предметное поле социологии.

Но «обесценивание» ценности как абсолюта ведет к тому, что она утрачивает и нормозадающий характер. Именно нормы выступают как регуляторы социальных взаимодействий всех уровней и видов. Разорванность между ценностью и нормой, где первая должна «выражаться» во второй, ведет к тому, что «нормальным» начинает считаться не поведение, соотнесенное с ценностным содержанием культуры, а среднестатистический его вариант. Норма как средняя величина, а не полагание пределов вариативности через удержание инвариантности, воплощенной в ценности.

Взаимоотношения культуры и социума всегда были одним из главных предметов социологического анализа и у О. Конта, который видел в развитии культуры причины социальной динамики, и у М. Вебера, писавшего о смыслозадающей роли культуры в структурировании социальных отношений, и у Т. Парсонса, который называл себя культурным детерминистом и видел в культуре высший тип социального действия, и т.д. Изучены вопросы аккультурации, когда деятельность социальных

[189] *Ахам К.* Социологизм и проблемы ценности. [Электронный ресурс] // Socioline.ru. Электрон. дан. М., 2009. URL: http://socioline.ru/node/1056.

институтов приобретает культурное значение, легитимации, признания, объяснения и оправдания социального порядка, социализации, когда культурные ценности приобретают социальное значение. Споры возникают по поводу того, что первично, что вторично. Проблема ведущего фактора: культурные изменения влекут за собой социальные или социальные культурные, – отнюдь не чисто познавательная. Вполне прагматическим и практическим ее следствием является возможность влиять на формирование ценностно-нормативной основы общественных отношений, что ввиду наличествующего культурного кризиса становится особенно актуальным.

Итак, исходя из позиций культурно-исторического релятивизма, ценность – это значимость и смысл определенных объектов и явлений для человека, группы, общества в целом в конкретном обществе на определенном длительном этапе его развития. В таком релятивистском подходе есть некоторое противоречие, например, авторитетнейшей теории базовых ценностей Ш. Шварца[190], согласно которой десять основных индивидуальных ценностей основываются на базовых же условиях человеческого существования и потому в данной концепции надситуативны. Но противоречие это разрешается небольшой поправкой. Для определения качественного своеобразия каждой культуры важны не столько набор ценностей, в нее входящий, сколько их иерархия, взаиморасположение. Переконфигурация ценностных оснований культуры, когда одни смыслы и значения затушевываются, а другие, напротив, выходят на передний план – адаптационный механизм, позволяющий приспосабливаться к изменяющейся социальной реальности. Эссенциалистские теории сегодня теснятся перед теориями эквивалентного обмена, и в этом смысле наличие неизменных и вечных значений и смыслов, разделяемых всеми, кажется неубедительным.

[190] *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология : журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.

Сегодня происходит изменение ценностно-нормативных оснований общественной жизни. Почему и как?

В исследовательских подходах к определению происходящих изменений можно выделить три ведущие тенденции:

1) Умаление значимости ценностного содержания общественной жизни при сохранении ее нормативных регуляторов для обеспечения возможности коллективных действий.

2) Изменение иерархии значимых ценностей (Р. Инглхарт).

3) Плюрализация ценностных систем в современном обществе и, как следствие, их дисперсия (З. Бауман, С.А. Кравченко, Т. Лукман).

Еще в 30-е гг. прошлого века Ортега-и-Гассет заявил о выбросе толп на поверхность истории, о безличном в человеке, об отсутствии у людей времени приобщаться к культуре[191]. В 60-е гг. философ Г. Маркузе констатировал в качестве одного из последствий современного техногенного развития появление «одномерного человека» как продукта массовой культуры[192]. Современная индустриальная культура создает широкие возможности для манипуляций сознанием, при которых человек теряет способность рационально осмысливать бытие. Ж. Бодрийяр в конце века говорит уже не о толпе, а о массе сформированных и упрощенных СМИ абстрактных индивидов, обладающих совместными качествами пассивности, индифферентности «молчаливого большинства», мало способного к социальному конструированию[193].

Уже в нашем XXI веке исследователи констатируют слом ценностных оснований культуры как факт свершившийся. З. Бауман характеризует современное общество такими чертами, как утрата человеком контроля над социальными процессами, неспособность к планированию и достижению

[191] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание Масс / Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С. 43–163.
[192] *Маркузе Г.* Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994. 526 с.
[193] *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. 96 с.

долговременных целей, жизненных стратегий, появление «негативного» индивида, отцепившегося от социальной ткани, от мысли о другом, лишенного чувства солидарности и ответственности. Все это стало следствием описанного предшественниками вытеснения свободного, автономного и ответственного индивида массовым индивидом – усредненным продуктом, тяготеющим к упрощенным образцам культуры[194].

Ф. Фукуяма, чей анализ слома ценностей и изменения человека имеет большой вес в мировом ученом сообществе, полагает, что если вспомнить, сколь сильным было воздействие на социальные ценности при переходе от сельскохозяйственных обществ к индустриальным, нечего удивляться, что столь же огромное влияние на них оказывает преобразование индустриального общества в современное информационное[195]. Общим умонастроением эпохи «неограниченного индивидуализма» становится требование снятия прежних ограничений и норм, которое слышится и с правого, и с левого фланга. Но распад общих ценностей представляет собой потерю «социального капитала» – основы консолидации общества, без которой оно не может существовать. Моральная свобода, лишенная оснований, теряет всеобщность, присущую морали. По мнению Ф. Фукуямы «та моральная самостоятельность, о которой традиционно говорится, что она дает нам достоинство, есть свобода принимать или отвергать моральные нормы, исходящие из источников выше нас, а не свобода эти нормы создавать… Даже если мы поверим на слово, будто индивидуальный выбор и составляет индивидуальную самостоятельность, то все равно не самоочевидно, что неограниченные возможности выбора стоят выше блага других людей»[196]. И далее он продолжает: «Люди созданы эволюцией в виде общественных животных, которые, как правило, стремятся погрузить себя в

[194] *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2005. 390 с.
[195] См: *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М., 2004. С. 21.
[196] *Фукуяма Ф.* Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М., 2002. С. 178–179.

море общественных связей. Ценности не строятся произвольно, но служат важной цели: сделать возможными коллективные действия»[197].

Подобные ценностные сдвиги, характерные для современных западных обществ, в полной мере проявляются и в России. Теряется шкала единых ценностей, функционально упрощаются человеческие отношения, разрушается общественная солидарность, происходит эрозия норм. Утрачивается чувство культурной идентичности – опасность, которая угрожает в том числе механизмам культурной стабилизации и культурной инновации. Вернее, происходит не утрата, а лукавый подмен подлинной культурной идентичности неким суррогатом. Эпоха массового потребления создает псевдоощущение своей принадлежности, но самоидентификация происходит не через общие ценности и нормы, а через стандарты потребления. Я такой как все, потому что одет в те же бренды, езжу на автомобиле соответствующей марки и пр. Современный человек эгоистичен, он думает только о себе самом, его представления ситуативны, зачастую иррациональны, его выбор не ограничен существующими нормами и структурами. Разрывается связь времен и связь поколений, общество становится «обществом риска»[198]. Образы «негативного» индивида, «неукорененого», стремящегося к свободе от правил, ограничений, связей, ответственности, ярко свидетельствуют о том, что распадается ткань общества, рвутся связи, нарастает автономия и однообразие элементарных единиц социума, индивидов. Переводя на язык синергетики, мы наблюдаем нарастание социальной энтропии. Уровень интеграции общества определяется в том числе ценностно-нормативным консенсусом, который в нем установлен, разрушение его запускает процессы дезинтеграции. Симптомом проявления дезинтеграционных процессов является состояние аномии.

---

[197] *Фукуяма Ф.* Социальный капитал. С. 179.
[198] См.: *Бек У.* Общество риска… С. 384 с.

Иной подход предлагают Р. Инглхарт и ряд других ученых, работающих над проектом «Мировое исследование ценностей». Р. Инглхарт устанавливает связь между характеристиками макро- и микроуровней и обнаруживает сильнейшую взаимозависимость между массовыми убеждениями и теми глобальными изменениями, которые происходят на уровне системы. Первые послевоенные поколения, выросшие с чувством экзистенциальной безопасности, привели к изменению приоритетов в ценностях[199]. Данный исследовательский подход ставит акценты не на разрушении ценностно-нормативных конфигураций, скрепляющих социальную ткань общества, а на их перегруппировке как изменении способов адаптации к изменяющимся условиям социального существования и личной экзистенции. Эта перегруппировка – процесс не одномоментный, он предполагает временной лаг длинной в поколенческий разрыв, поскольку для утверждения новой иерархии ценностей в массовом сознании необходимо, чтобы она была условием ранней социализации целого поколения. Р. Инглхарт предусматривает вероятность возвращения к материалистическим ценностям в случае разрушения безопасности[200]. Но строго следуя его же теории, надо отметить, что базовая структура личности складывается к моменту наступления зрелости и потом уже мало подвержена изменениям[201]. Поэтому считаться с тем, что в современном обществе есть социальная сила, которая не нуждается в полной предсказуемости и жестких правилах как условиях социального существования, предпочитая гибкие правила, ситуационную этику и делая акцент на смысле, необходимо и в исследовательских, и в политических раскладах.

Третья тенденция в рассмотрении проблемы ценностных изменений в современном обществе делает акцент на плюрализации ценностных систем и, как следствие, дисперсии моральных принципов. Современное общество

[199] *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. С. 14.
[200] Там же. С. 14.
[201] Там же. С. 13.

западного типа провозгласило плюрализм, толерантность, культурный диалог. При ценностном плюрализме, считает С. Кравченко, не может быть единой для всех системы значений, скрепляющей социальный порядок[202]. Многообразие ценностно-нормативных систем привело к тому, что нормы превратились в акт выбора. С одной стороны, бюрократическое общество старается все регламентировать, а с другой, рыночные механизмы, которым все подчинили, законы спроса и предложения превратили ценности и нормы в «меню», из которого можно выбрать, что, в свою очередь, приводит к ненамеренным последствиям для общества в целом. С.А. Кравченко, развивая метафору Баумана, называет современную мораль текучей, становящейся, за короткие временные отрезки происходят изменения в принципах и нормах жизни, которые рефлексируются самими акторами. В сложившуюся систему ценностей проникают ценности инородные, они сложным образом взаимодействуют с существующими, порождая культурные гибриды, что в свою очередь ведет к рассеиванию моральных принципов, их отклонению от ранее принятых значений. Но именно текучая мораль, считает автор, повышает шансы на адаптацию людей в условиях усложняющейся социальной реальности[203].

Потенциально конфликтогенные ценностные системы сосуществуют в едином культурном пространстве. Зигмунд Бауман обращает внимание на то, что в современном обществе паттерны действий уже более не заданы и не очевидны. Поскольку их слишком много, то их предписания начинают конфликтовать, противоречат друг другу. Это лишает их принуждающей силы в сознании людей. Вместо того чтобы быть образцами поведения, горизонтом значений для выбора жизненного курса, они сами вытекают из него, изменяются под воздействием его поворотов[204].

---

[202] *Кравченко С.А.* Становление сложного общества. С. 93–94.
[203] Там же. С. 112.
[204] *Бауман З.* Текучая современность… С. 14.

Все три обозначенные тенденции изменений в ценностных системах современных обществ, очевидно, в них присутствуют: и снижение субъективной значимости культурных ценностей для индивидов, переданных им обществом в процессе социализации, смещение акцентов с абсолютного значения на относительное, и изменение иерархии значимых ценностей, и сложное нелинейное взаимодействие ценностных систем внутри самих обществ. Ценности становятся актом выбора: что считать лично для себя значимым. Но поскольку между ценностями и нормами существует сопряжение, то нормы также теряют качество долженствования. В этих социокультурных условиях и возникает феномен рефлексивной аномии, когда понимание нормы как коридора допустимых действий значительно расширяется, причем пределы допустимости определяют не только социальные институты, но сам рефлексивный актор. Возникает ситуация безнормия не как отсутствие норм как таковых, а их избыточного многообразия, когда они могут противоречить друг другу и приходить в опасные для общества столкновения.

Кроме вышеобозначенных тенденций в развитии социокультурных ценностей, необходимо отметить еще одну, оказывающую сильнейшее влияние на состояние ценностно-нормативной системы современных обществ – разрушение традиционных каналов передачи культурного опыта между поколениями. Разрушение не абсолютное, скорее это распад организованной и контролируемой иерархическим порядком системы последовательной социализации, приобщающей индивидов к коллективному сознанию в духе Э. Дюркгейма и тем самым обеспечивающей социальную интеграцию.

Семья на настоящий момент – слабо институционализированный канал первичной социализации индивида. В прошлом этот процесс в семьях контролировала церковь, каждое воскресенье собирая свою паству на проповедь, точно обозначая ценностные и нормативные вешки социального

пространства. Сегодня в христианском мире связь между церковью и семьей стала слабее, соответственно, какие ценности и нормы и каким образом прививаются в семьях, общество фактически контролировать не может и в этом вопросе сильно «проигрывает» исламскому миру.

Система образования, которая на настоящий момент является единственным организованным институтом передачи культурного опыта от поколения к поколению, все более делает крен в сторону специализации, профилизации и т.п., ослабляя свое влияние на формирование мировоззренческих аспектов личности.

Искусство сегодняшнего дня прямо отказывается целенаправленно участвовать в формировании ценностно-нормативного ядра личности. Исследователи говорят о коммерциализации искусства и его отказе от формирования общественных связей, доверия и добродетелей. Добавим от себя, что в искусстве изменился характер отношений по линии художник – зритель. Если в традиционном искусстве зритель должен был увидеть, понять тот смысл, который художник вложил в произведение, в искусстве модерна смысл произведения рождался в момент восприятия его зрителем, то сегодня объект делает произведением искусства контекст. Липкая бумага, обсиженная мухами, на окне у бабушки в деревне остается тем, чем является, а она же, помещенная в выставочный зал, становится предметом искусства. Зна́ком данный предмет остался, а смысла не имеет.

Очевидно, и это подтверждается многочисленными исследованиями прикладного и теоретического характера, на настоящий момент ведущим фактором формирования жизненных стилей, ценностей и целей, имиджевых образцов и т.д. является массовая культура, чьи образцы транслируются главным образом через СМИ. Современная массовая культура создает широкие возможности для манипуляций сознанием, при которых человек теряет способность рационально осмысливать бытие. При этом и те, кем манипулируют, и сами манипуляторы становятся ее заложниками. Дж. Най

называет массовую культуру частью «мягкой мощи» американского общества, соблазняющей, расслабляющей, размягчающей[205]. Ж. Бодрийяр, как уже указывалось, считает, что с помощью СМИ формируются упрощенные и абстрактные индивиды, обладающие качествами пассивности, индифферентности, «молчаливое большинство». В. Федотова пишет: «Массовая культура усиливает ощущение, что общество является не зависящей от человека данностью, заставляя людей забывать, что они сформировали его сами. Отсутствие способности реконструировать значимость деятельности индивида для формирования общества – свидетельство того, что индивид принял его квазиобъектный характер»[206]. Автор трактует квазиприродный характер общества в представлении массы как «неподвластный человеку», складывающийся под действием объективных сил и процессов. Но, отметим для себя, что согласно общепринятому толкованию квази- обозначает что-то мнимое, ненастоящее, и такое псевдообщество самоподдерживаться не может. Это подводит нас к проблеме социального конструирования и ответственности субъекта за происходящие социальные процессы.

В обществе и соответствующих социальных институтах нет глубокого понимания роли СМИ в формировании не только политической позиции, патриотизма и других идеологических составляющих, которые более или менее осознанно воспринимаются, но и влияния на формирование более глубоких подсознательных установок. Или, что еще тревожнее, это осознается и используется различного рода политтехнологами, маркетологами и др., но не меняет концепции социальной ответственности СМИ, которая строится, только исходя из либеральных представлений о правдивой, неподкупной позиции журналиста.

---

[205] *Nye J.* The Paradox of American Power. Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone. New York, 2002.
[206] *Федотова В.Г.* Хорошее общество… С. 54.

Между тем мы наблюдаем, как меняется публика. В наиболее активном своем сегменте, молодом, способном пользоваться современными коммуникационными технологиями, она выбирает для себя источники информации, которые находятся вообще вне рамок какой-либо информационной политики. Она меняется психологически; говоря словами П. Бурдье, меняется ее габитус, и значительная часть общества демонстрирует нам образцы поведения, которые приводят в замешательство своей непредугадонностью сообщество политиков, политтехнологов, возможно, в меньшей степени ученых. События начала 2011 г. в Северной Африке, когда стабильный, казалось бы, в течение десятилетий регион буквально «взорвался» с невиданной силой, уже названы «революцией Facebook».

В итоге, в то время как в обществе, в социальных институтах, существующих через организации и, соответственно, проводящих организационную политику, нет четкого понимания места, роли организаций в формировании ценностно-нормативного ядра этого общества, мы наблюдаем разворачивание мощных самоорганизационных процессов, которые никогда до конца не предсказуемы и не управляемы. И процессы эти происходят на фоне затянувшегося ценностно-нормативного кризиса, который с точки зрения социологии мы называем явлением социальной аномии. Но менее всего здесь подходит определение «упадок нравов». Происходит именно качественное изменение социальной среды и тех культурных элементов, ценностей, норм, верований, которые организуют социальный порядок в единое целое, придавая ему направленность и смысл. Коллективные действия, лежащие в основе человеческого общежития, возможны только при наличии общих правил социальных взаимодействий и отношений, которые здесь и сейчас, в данном обществе и данное время обеспечивают общие фреймы для понимания и действия в рамках этого

понимания. В этом контексте возникает проблема «переоткрытия морали», ее целенаправленного конструирования[207].

В современных условиях увеличения скорости протекания социальных процессов изменения, в том числе культурных элементов, ценностей и норм, происходят в реальном времени, и чтобы укорениться и превратиться в традицию, им недостаточно времени. С. Кравченко полагает, что ускорение изменений в ценностях и нормах снижает возможность человечества к рефлексии происходящих событий и возможность реагировать на эти события рациональным образом, а главное, руководствуясь гуманными целями[208]. Еще одно следствие увеличения скорости протекания социальных процессов отмечает З. Бауман. Он пишет о том, что трудно представить себе мораль, безразличную к последствиям человеческих действий, но эпоха мгновенности ведет культуру и общество именно на эту неизведанную территорию. Люди принимают решения, не беря на себя обязательства за последствия, которые они влекут[209]. Скорость принятия решений становится важнее их качества, что предполагает отказ от таких обременительных и затратных по времени процедур, как соотношение с интересами других, пропускание сквозь сито существующих моральных установок, представлений о должном, приличном, гуманном и пр. В сочетании с плюрализацией ценностных и нормативных систем и девальвацией институтов социализации все это ведет к утрате единого пространства смыслов и значений, которые обеспечивают единство коллективных действий. Человек поставлен в ситуацию возможности, необходимости и соблазна постоянного выбора в каждый момент своей жизни: чем руководствоваться, с чем себя идентифицировать, но при этом он стремится избежать персональной ответственности за принимаемые решения; и та скорость, с которой проистекают события, то многообразие

[207] *Кравченко С.А*. Становление сложного общества… С. 150.
[208] Там же. С. 27–28.
[209] *Бауман З.* Текучая реальность… С. 140.

возможных самоидентификаций и самопрезентаций, которые существуют, позволяют ему от этой ответственности ускользнуть. В такой ситуации неопределенности ценностных и нравственных установок (совершенно в духе Э. Дюркгейма понимаемой нами как ситуации социальной аномии) в обществе еще и девальвированы социальные институты, на которых в недавнем прошлом лежала ответственность за формирование, трансляцию и укоренение в сознании граждан единообразной системы ценностно-нормативных оснований солидарного общественного существования. Но тогда как обеспечить возможность коллективных действий? Возможно ли когнитивное обоснование ценностного аспекта общественной жизни и его легитимации в социальной среде?

В свое время эту интеллектуальную работу предлагали сделать Э. Гуссерль и П. Сорокин, но В. Федотова, например, считает, что это реально только в стабильной ситуации, в меняющемся же мире вера в возможность когнитивного обоснования ценностных или моральных суждений перестает быть безусловной[210]. Боюсь, стабилизации ситуации в общемировом масштабе в обозримом будущем ждать не приходится, поэтому попробуем сформулировать вопрос так: если когнитивное обоснование ценностного аспекта общественной жизни и его легитимации в общественной жизни возможно, то на каких основаниях и как это сделать?

Постконвенциональная мораль в интерпретации К. Хоманна базируется на интерсубъективно разделяемом «убеждении в действительности норм». Это этика благоразумия, которая основана на рефлексии, дискурсе и понимании[211] Она уступает в силе действенности конвенциональной морали, которая основана на вере, авторитете и страхе наказания. Конвенциональная мораль восходит к абсолюту, постконвенциональная – относительна, она есть результат «общественного договора»: захотели, договорились так,

[210] *Федотова В.Г.* Хорошее общество… С. 478.
[211] *Homann K., Gereke U.* Ethik der Globalisierung: Zur Rolle der multinationalen Unternehmen in der Etablierung moralischer Standarts. Munchen, 1999.

передумаем, договоримся иначе. А в кризисные времена, конечно, трудно о чем-то договориться, интересы слишком противоречивы и накоплено слишком много претензий различных слоев общества друг к другу, любые договоренности шатки. Однако большинство людей понимают, что жизнь в обществе – это компромисс, что соблюдая моральные нормы можно выиграть и получить вознаграждение в виде карьерного роста, признания окружающих и т.д., они готовы договариваться. Поскольку договоренности все же шатки, особо значимую роль начинают играть формализованные механизмы социального контроля.

Таким образом, в обществах, уже переживших высокие темпы модернизации и имеющих эффективное политическое руководство, негативные явления, связанные со снижением адаптивности социума к происходящим изменениям, девальвацией ценностей и норм в условиях плюрализма ценностных систем и свободы самоидентификаций, ослаблением традиционных каналов социализации, до некоторой степени уравновешиваются созданием формализованных структур социального контроля, что снижает угрозу энтропии системы в целом. Томас Лукман полагает[212], что относительная стабильность современных демократических обществ, несмотря на плюрализм систем значений, обеспечивается двумя социокультурными процессами: легитимации и морализации. Первый осуществляется посредством введения базовых элементов традиционной морали в систему права, происходит их формализация в виде абстрактной нормы, обязательной к исполнению всеми членами общества. Второй означает морализацию профессиональных сфер деятельности.

Но как любые сложные процессы, они амбивалентны и имеют свои негативные эффекты для стабильности системы. Легитимация игнорирует специфические ценности, морализация, напротив, осуществляется автономно

[212] *Лукман Т.* Некоторые проблемы современных плюралистических обществ // Социальные процессы на рубеже веков: феноменологическая перспектива : научные труды. М., 2000. С. 4–14.

от всеобъемлющей системы ценностей. В результате универсальное знание о должном по-прежнему недостижимо, но компромисс между конкурирующими системами возможен. Когнитивное обоснование единого ценностного аспекта общества достигается в результате общественного договора о горизонте значений, на основе которых и будут строиться социальные взаимодействия в каждом конкретном обществе, но работать на поддержание социального порядка вся это конструкция будет при создании системы контроля соблюдения норм. И тем эффективнее будет эта система, чем более легитимна и укоренена в сознании общественности она будет.

Как осуществляется легитимация моральных ценностей? Мы все отдаем себе отчет, что в нашей светской по духу культуре они, тем не менее, основаны все на тех же десяти заповедях Христовых. Но в ситуации слабости коллективного религиозного чувства это становится скорее интеллектуальным, чем духовным обоснованием. Для укоренения культурных ценностей необходима социальная сила, которая их репрезентирует и воплощает. Макс Вебер считал, что только личность является единственным гарантом этического в культуре, которая сама по себе лишена этического начала. П. Бурдье полагает[213], что значение имеет то, из чьих уст исходит легитимация нового порядка. Обладает ресурсами для этого государство, но никогда, даже привлекая авторитеты, бюрократической власти не удается полностью подчинить сознание граждан своему виденью социальной реальности, и в обществе постоянно происходит столкновение различных ветвей символической власти. Какие силы и при каких условиях могут конкурировать с официальной идеологией за конструирование реальности? Легитимацию нового порядка способны осуществить социальные группы, которые обладают символическим капиталом, т.е. доверием в обществе. Чем больше объём доверия, тем больше символический капитал. Второй момент: эффективность символической власти зависит от того, в какой степени

[213] *Bourdieu P.* Social Space and Symbolic Power… P. 22.

предлагаемые ею представления соответствуют действительности, т.е. предлагаемый порядок и правила взаимодействия в нем должны быть адекватны реалиям и приняты общественным мнением.

Переводя на язык социосинергетики, идеи, ценности смыслы тогда пройдут легитимацию и станут основой нового порядка, когда они обладают потенциалом аттрактивности, т.е. резонируют с умонастроениями, уже существующими в социальной среде. Но необходимо, чтобы их репрезентировали группы носителей, говоря языком культурсоциологии, или они должны быть укоренены в аттрактивной структуре, скажем мы. Если идеи, ценности, верования – это аттракторы, то аттрактивная структура – это зона локальной упорядоченности, представленная какими-то коллективными силами: группами интеллектуалов, массовыми движениями, религиозными сектами.

Не только возможность обнаружить, сформулировать и привить обществу общие основания морали связана с необходимостью обеспечить коллективные действия, но и, как полагают некоторые авторы, сама моральность является потребностью человеческого рода. Обратимся к работе Ю. Хабермаса «Будущее человеческой природы»[214]. В ней автор рассматривает морально-нравственные проблемы генной инженерии и прежде всего возможные последствия распространения практики «либеральной евгеники». Но нас данная работа привлекла включенным в нее анализом того, что есть «подобающее этическое самосознание вида».

Ю. Хабермас подчеркивает, что специфика современности, или так называемой постметафизической эпохи, выражается в том числе в том, что философы не могут дать целостный ответ о личном или коллективном образе жизни. Это, конечно же, связано с отказом постметафизического мышления от возможности построения единой и системной концептуальной модели мира. Ю. Хабермас пишет, что по мере ускорения темпов социальных

[214] *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? М., 2002. 144 с.

изменений, период заката моделей нравственной жизни становится все короче. Прогрессирующая индивидуализация стилей жизни также обрекает философские попытки выделить какой-то определенный образ жизни в качестве образцового или обладающего всеобщей значимостью на бесплодность.

Однако Ю. Хабермас считает, что изначальный философский вопрос о «правильной жизни» сегодня обновляется в своей антропологической всеобщности, и философы, а мы скажем шире – представители гуманитарного и обществоведческого знания, не могут отдавать предмет этой дискуссии на откуп иным областям знаний. Он задается принципиальными вопросами: «Хотим ли мы по-прежнему осознавать и понимать самих себя нормативными существами, то есть существами, которые ждут друг от друга взаимной солидарной ответственности и равного уважения? Какую ценность должны представлять мораль и право для социальной среды, если ее можно перестроить на основании свободных от норм функционалистских понятий?»[215] И возможно ли, добавим мы, перестроить систему социального взаимодействия на основе функционалистских соображений?

Ю. Хабермас говорит о «морализации человеческой природы» не в смысле некой «сомнительной ресакрализации», а в смысле «самоутверждения этического самопонимания человеческого вида, от которого зависит, будем ли мы и далее понимать самих себя как нераздельных авторов нашей истории жизни, способных взаимно признавать друг друга автономно действующими личностями»[216].

Отметим для себя первый серьезный вывод, вытекающий из знакомства с данной работой. Онтологизируя ценности, мы превращаем их в пустое морализаторство, не способное влиять на жизнь, деонтологизируя,

[215] *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы… С. 26.
[216] Там же. С. 37.

превращая их в продукт культурно исторического развития, соответствующий времени и типу общества, мы опять-таки делаем их бессильными ввиду происходящих в обществе изменений.

Исследователь пишет, что важнейшим аспектом общественной модернизации является лишение жизненных миров традиционности. Но в результате утери сакральных основ морали современное общество вынуждено регенерировать моральные энергии единства из своего собственного секулярного содержания. Вместе с тем, полностью модернизированные жизненные миры, с точки зрения философа, утратили способность заново открывать метасоциальные гарантии и реагировать на новые угрозы своей социоморальной сплоченности посредством дальнейшего движения по пути секуляризации, дальнейшей морально-когнитивной переработки религиозных традиций.

Философ не сторонник повторного околдовывания внутреннего мира человека посредством введения искусственных табу (в данном моменте он полемизирует с С. Кьеркегором, для которого человек воспринимает себя, устанавливая связь с абсолютным другим, которому он обязан всем), Ю. Хабермас выступает за дальнейшее рефлектирующее становление модерна. Ученый формулирует еще одну проблему – сомнение в том, что мораль может единственно своими благими основаниями подвигнуть волю познающего субъекта к действию, иначе «невозможно объяснить плачевное состояние – состояние христиански просвещенного и самого по себе морально добродетельного, но в то же время глубоко порочного общества». При этом он ссылается и на С. Кьеркегора как критика своей эпохи: «Да будем же смеяться и плакать при виде того, что столько знания и понимания остается без всякого воздействия на жизнь людей...»[217]. Ю. Хабермас также обращает внимание на то, что «загустевшее до степени нормальности вытеснение или циничное признание несправедливого состояния мира

[217] *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти // Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993. С. 316.

говорят не о дефиците знания, но об ущербности воли. Люди, которые могут знать о том состоянии, в котором находится мир, не желают этого понимать»[218].

Ученый обращает внимание, что вместе с новациями технического развития почти всегда возникает потребность в новой нормативной регламентации, но если до сих пор нормативные регламентации шли вслед и просто приспосабливались к общественным трансформациям, то в настоящий момент философ призывает, по сути, к опережающему виденью проблемы. Этому может способствовать «стабилизирующее укоренение нашей морали в самопонимании с позиции этики вида, дающее нам возможность осознать ценность этой морали и условий ее существования»[219]. Эгалитарный универсализм, полагает философ, основан на идеях свободы и солидарного существования. С одной стороны, он признан повсеместно, а с другой, сегодня он ставится под вопрос. И не посредством других моралей, его сотрясают безгласно прижившиеся практики. Они осуществляют не теоретический, но плодотворный подрыв морали. Растущая свобода выбора поощряет автономию отдельного человека, и он теряет ощущение своей связанности со всем и всеми.

Мораль основывается, с точки зрения ученого, на структурированных посредством языка формах жизни. Моральным же он называет поведение, ориентированное на других членов сообщества. Собственно члены сообщества ведут себя морально относительно законов, ими самими и устанавливаемых. И морально обязывающим является поведение, ожидаемое от членов именно этого сообщества и по отношению друг к другу. Моральное поведение, с его точки зрения, есть конструктивный ответ на зависимости и необходимости, которые возникают из самого несовершенства человеческой природы. «Моральные порядки представляют собой хрупкие

[218] *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы… С. 18.
[219] Там же. С. 109.

конструкции, защищающие под одной своей крышей оба начала: природу (Physis) от телесных, а личность – от внутренних или символических повреждений»[220]. Отсюда следует, что моральными являются существа, которые признают законы своего сообщества и соблюдают их. В этом смысле Г. Гегель оказывается ему ближе, чем И. Кант, несмотря на последующий подробный анализ категорического императива последнего. Таким образом, понимаемая мораль имеет свои границы. Они образуются не только «универсумом возможных межличностных отношений и интеракций, требующих морального регулирования», но и «способных принять такое моральное регулирование».

«Моральными» называет Ю. Хабермас вопросы справедливой совместной жизни, вопросы, которые ставятся с позиции необходимости в нормативном регулировании социальных интеракций. Автор замечает, что разумно ожидать их разрешения на основе равной заинтересованности каждой из сторон. Однако виденье конфликтной ситуации и норм, на основе которых она может быть разрешена, зависит от предпочтительного образа жизни, от системы объяснений, характерных для индивида или группы, что делает зачастую невозможным достижение такой рациональной приемлемости. Существуют формы культурной жизни, но человек в своей антропологической всеобщности, добавляет Ю. Хабермас, всегда остается одним и тем же.

Категорический императив И. Канта, как мы помним, исходит из независимого существования нравственных принципов от внешней среды, именно это отверг Г. Гегель. «Понятия о добре и зле нам даны свыше», – гласит императив. Это закон, который должен регулировать отношения между людьми. Человек есть высшая ценность. Поступай только согласно такой максиме, которую ты пожелал бы видеть всеобщим законом. Другая формулировка: относись к человеку, себе, другому, человечеству, только как

[220] *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы… С. 45.

к цели, но не средству. Ю. Хабермас считает, что категорический императив требует от каждого подчинить перспективу первого лица интерсубъективно разделяемой мы-перспективе, из которой могут возникать все ценностные ориентации, способные сообща становиться всеобщими. «Идея человеческого обязывает нас усвоить такую мы-перспективу, посредством которой мы, в свою очередь, наблюдали бы за собой как за членами некоего инклюзивного сообщества, не исключающего ни одной человеческой личности»[221].

То, каким образом в конфликтных ситуациях возможна нормативность, продолжает Ю. Хабермас и обозначает категорический императив как формулу закона, требующую полнейшего соединения собственной воли человека с максимами, которых каждый может желать в качестве всеобщего закона. Отсюда следует, что автономно действующий субъект в тех случаях, когда повседневность прорывается за рамки основополагающих ценностных ориентиров, всегда вынужден вступать в дискурс для того, чтобы совместными усилиями открыть или выработать нормы, которые в отношении требующего упорядочивания предмета послужат основой всеобщего согласия.

Для Ю. Хабермаса дискурс о морали с точки зрения вида затрагивает естественные основания самопонимания ответственно действующих личностей. На определении «ответственно действующих» стоит заострить внимание.

Характеризуя «духовную ситуацию» XX в., мы вслед за К. Ясперсом назовем ее экзистенциальной. Основные идеи экзистенциализма, которые К. Ясперс, Л. Шестов только обнаруживали у С. Кьеркегора, которые выражали Ж.П. Сартр и А. Камю, сегодня, в начале века XXI нами уже «переварены», они вошли в нашу плоть и кровь, они текут по нашим венам. Но теперь, став частью нашего мироотношения, они стали терять свою

[221] *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы… С. 69.

четкость. Экзистенциализм, хотя и условно выделяемый в качестве философского направления, основывается на признании человека изначально свободным, беспрестанно осуществляющим выбор и, таким образом, создающим себя. Это философия свободы. Но это и философия ответственности, ответственности человека за то, что он есть, за осуществляемый выбор.

Ж.П. Сартр писал об ответственности художника за мысль, которую он выражает: «Слово – это заряженный пистолет, говорящий стреляет»[222]. Обнажить такое оружие можно лишь при наличии предполагаемого проекта. Целостность экзистенциального понимания, несмотря на неустойчивость и неустроенность человеческой жизни, определяется простроенностью этой связи: свобода выбора – ответственность за принятое решение. Как только мы разрушаем баланс, например ответственность без свободы, как в тоталитарных обществах, или свобода без ответственности, как, рискну предположить, сегодня, целостность возникшего на основе экзистенционального мышления «жизненного мира» разрушается.

Все ценности в экзистенциальном мире неопределенны и слишком широки для каждого конкретного случая. С точки зрения Ж.П. Сартра, моральный выбор осуществляется не на основе абстрактных норм, а исходя из ситуации, что повышает меру субъективной ответственности за совершаемое. Это особенно важно в ситуации, когда самостоятельность одного человека ставит границы свободе другого. При всем пессимизме экзистенциального взгляда на мир, где люди разобщены, относятся друг к другу как объектам, именно постулирование ответственности за право пользования свободой делает экзистенциальную позицию потенциально социально адаптивной.

---

[222] *Сартр Ж.П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.П. Сумерки богов. М., 1989. С 344.

Итак, общие основания морали, т.е. общие ценности, только и делают возможными коллективные действия, которые есть условия сохранения вида. Но приходится повсеместно наблюдать неспособность человеческого сообщества увидеть «мы-перспективу» общественного и индивидуального существования, неактуальность проблематики «этического самопонимания человеческого вида» в сознании каждого, неэффективность дискурса по организации совместных усилий по установлению норм, которые станут основой всеобщего согласия, особенно в политической сфере общественных отношений. Кроме того, мы наблюдаем, что любое морализаторство сегодня неэффективно. Невозможно единственно на основании морали подвигнуть волю познающего субъекта к нормативному поведению. Люди не желают понимать, в каком состоянии может оказаться мир в случае полного разрушения идеи солидарного существования, понимать необходимость принятия ради нее определенных ограничений. Наряду с этим проявлением социальной слепоты, мы наблюдаем крайне слабо выраженное в сознании представление об ответственном существовании. Это в ситуации «постмодернистского произвола», когда на смену поведению ритуалистически-нормативному должно идти ценностно-нормативное поведение, а внешний социальный контроль должен все более уступать пространство внутреннему социальному контролю. Рост рефлексивности социальных акторов, который мы подробно обсудили в первом параграфе, приводит к тому, что становление личности в современном обществе проходит два последовательных этапа. Сначала этап социализации как усвоение социального и культурного кода своего общества. И хотя этот этап длится фактически на протяжении всей жизни, но с определенного момента личностное развитие вступает на этап эмансипации, раскрепощения от тех же норм, навязываемых обществом. Но сосуд уже наполнен, мы никогда уже не будем полностью свободны от знаковых и символических систем, которые сформировали нас из индивидов преимущественно биологических в

личностей преимущественно социальных. Поэтому забота о передаче социокультурного кода от поколения к поколению – важнейшая задача общества и его институтов.

Культурные ценности, легитимирующие нормы человеческого общежития, существуют на трех уровнях. Макроуровень – ценности, носящие универсальный характер: представления о ценности человеческой жизни, о том, что о детей надо растить и воспитывать, слабым помогать и пр. Ценности медиауровня – это субкультурные ценности, которые в том числе представлены такими, казалось бы, базовыми для нас понятиями, как демократия или право на собственность. Ценности микроуровня – это личностная сфера смыслов и значений.

Ценности первого уровня культурно инвариантны, они нас соединяют. Второго – значимы для определенных социальных общностей и могут быть второстепенны или даже враждебны другим общностям. Толерантность западного мира по отношению к инаковости, чужим убеждениям, традициям и верованиям так же далека от гуманности, которую в духе Канта всегда трактовали как чувство блага в общении с другими, всеобщее чувство участия, как терпимость далека от любви. Но нас все больше призывают к терпимости и все меньше – к любви к ближним. Вся культурная политика после второй мировой войны строится именно на ценностях медиауровня, которые потенциально конфликтогенны.

Проблемы формирования и функционирования ценностей и сопряженных с ними норм социальных взаимодействий существуют на каждом уровне культуры, в том числе на уровне культуры отдельной личности, который играет важнейшую роль в регуляции социального поведения человека. Именно здесь происходит интериоризация ценностей большого мира. Ослабление механизмов социального контроля, а в мире текучих ценностей и норм не может быть жестких санкций, в идеале должно уравновешиваться работой механизмов внутреннего контроля, которые мы

называем совестью и которые формируются в процессе социализации личности. Но в современном обществе происходит девальвация традиционных институтов передачи культурного опыта.

Если встать на позицию того, что социальные изменения могут следовать за новым «определением ситуации», это возвращает нас к необходимости целенаправленного формирования ценностного ядра общества. И единственной институционализированной силой на этом пути является образование. Каждый социальный институт обладает элементарной структурой, которая связывается внутренним кодексом. Но в то время как в семье этот кодекс не формализован, в рамках образования он поддается контролю со стороны государственных и общественных организаций на основе сформулированных целей и задач, направленных на формирование ценностной составляющей солидарного общественного существования.

Человеческое сознание не выносит пустоты, оно нуждается в модели мира, которая, во-первых, обеспечивала бы целостность сознания и как самосознания, и как общественного сознания. То и другое равно необходимо для сохранения и своей социальной идентичности, и целостности общественной системы. Мы не имеем в рамках современного общества какого-то иного институционализированного канала передачи социально приемлемых норм общественного существования, сплачивающих это общество ценностей, кроме системы образования всех ее уровней и ступеней. И отказываться пытаться влиять в ее рамках на формирование этих норм, значит ставить под угрозу существование общественной системы как целого. Социальный и культурный опыт не наследуется каждым последующим поколением на генном уровне. Историю нашей нравственной жизни каждый раз приходится начинать заново.

Возвращаясь к вопросу, возможно ли когнитивное обоснование ценностного аспекта общественной жизни и его легитимации в социальной среде, мы можем сделать следующие выводы.

Когнитивное обоснование ценностно-нормативного основания солидарного общественного существования возможно уже в силу того, что весь мир значений, которым мы руководствуемся, является результатом отражения действительности человеческим сознанием. Но легитимация таких элементов культуры, как ценности и нормы, возможна при следующих условиях:

– они должны быть адекватны реалиям и приняты общественным сознанием, обладать потенциалом аттрактивности, притягательным для системы в целом;

– ценности и нормы должны репрезентировать группы, обладающие социальным капиталом, так называемые аттрактивные структуры общества;

– существование ценностей и норм следует подкрепить системой социального контроля, причем чем слабее групповые связи (семейные, дружеские), тем важнее формализованные, институционализированные механизмы контроля;

– культурные элементы необходимо укоренять в массовом общественном сознании целенаправленно, в первую очередь в рамках института образования, через осознанную политику средств массовой информации. Это дело и общества, и власти. Обществу необходимо быть открытым к постоянному ценностно-нормативному дискурсу, поскольку социальная реальность изменяется столь динамично, что требует постоянной рефлексии, когнитивного обоснования и легитимации.

Вводимое в данной работе понятие ценностно-нормативных конфигураций и обоснование их роли как аттракторов следует синергетическим методологическим подходам. Под ценностно-нормативными конфигурациями подразумевается соотношение ценностей и норм в веберовском понимании: ценности, соотносимые с глубинными смыслами человеческого существования и нормы как модели поведения, соотносимые с ценностями. Это одно из ключевых понятий работы: не

просто ценности и нормы, а именно конфигурации их сочленений и отношений, только тогда возникает некоторое интегративное качество, не содержащееся в отдельных элементах, оказывающее особенно значимое влияние на социальное поведение индивидов. При нарушении когерентного взаимодействия ценностей и норм запускается процесс аномии, отказ части общества от консенсуса по поводу того, что считать должным, что нет, и нежелание строить свое поведение, исходя из общепринятого понимания должного.

Социосинергетика не просто находит место в своих моделях социальных процессов такому явлению, как аномия, но это место – одно из ключевых. Аномия – проявление *социоэнтропийного роста*; понятия аномии и *социальной энтропии* соотносятся как указывающие на близкие явления.

Признавая принципиальную непредсказуемость поведения системы в точке бифуркации, социосинергетика, тем не менее, утверждает предзаданность вариантов возможного выбора поведения, эти варианты возможного развития событий определяются внутренними свойствами самой среды, а вот какой из возможных вариантов будет выбран, это уже дело случая. Но! «Только определенный набор эволюционных путей разрешен, ибо только этот набор соответствует внутренним свойствам рассматриваемой системы»[223]. Последнее утверждение оставляет нам некоторый горизонт прогноза. И пусть прогноз этот будет носить только вероятностный характер, его прикладное значение может быть очень велико.

В свое время разными учеными в разных странах просчитывались экологические последствия применения ядерного оружия, в частности В.В. Александровым, Н.Н. Моисеевым, К. Саганом. Была разработана гипотетическая модель ядерной зимы, грозившая гибелью человечеству. Это происходило в разгар холодной войны. Благо для человечества, что в реальности такая ситуация не была реализована, или пока не реализована. Но

[223] *Князева Е., Туробов А.* Единая наука о единой природе // Новый мир. 2000. № 3. С. 169.

кто рискнет сказать, что данная модель не обладает прогностической силой, насколько именно благодаря ей распространение ядерного оружия было поставлено под жесткий контроль мировым сообществом. Не зря же говорят, что если даже ядерная зима невозможна, ее следовало бы выдумать.

Возможность оказывать резонансное влияние на процессы, протекающие в системе, которую признает за акторами социосинергетика еще один момент, который необходимо отметить. Траектория развития системы определяется ее самоорганизационным выбором, но управлять ею можно косвенным путем, путем влияния на создание потенциальных аттракторов, органичных среде, которые могут актуализироваться, став притягательными для системы в целом. На идее, что определенные ценностно-нормативные конфигурации, заданные средой, могут стать аттракторами настоящего и будущего развития социальной системы, и основывается, собственно говоря, гипотеза данного исследования.

В следующей части работы на примере российского общества постараемся показать, как состояние системы на микроуровне влияет на социальные процессы, протекающие на «втором этаже», в ситуации когерентного и не когерентного взаимодействия норм и ценностей. Докажем, что общество развивается динамичней тогда, когда векторы организационных усилий и самоорганизации системы совпадают, что с помощью организационных усилий можно до определенных пороговых значений сдерживать рост энтропии, но, говоря традиционным языком науки, – это стагнация.

2. Российское общество сквозь призму концепции сложной аномии

2.1. Теоретико-методологические подходы к изучению аномии в российском обществе

Состояние аномии для российского общества – не чисто научная проблема. Это реальность нашего вчера и сегодня, определяющая в значительной степени особенности осуществления социальных взаимодействий. Вопрос в том, чем эта затяжная ситуация грозит нам завтра. Так или иначе, вопроса аномичного состояния российского общества касаются все исследователи, его изучающие. Но центром притяжения исследовательского интереса он является для таких отечественных ученых как Н.Е. Покровский, С.Г. Кара-Мурза, В.В. Кривошеев. В последние годы появляются прикладные исследования по аномии, выполненные, как правило, в рамках работ на соискание ученых степеней. Интересно сравнить наработки отечественных ученых с работами их коллег на постсоветском пространстве, учитывая схожесть существующих социальных проблем, например, с работами украинских исследователей Е.И. Головахи, Н.В. Паниной.

Если суммировать работы последних лет, то они рассматривают несколько последовательно связанных друг с другом вопросов. В чем специфика российской социальной аномии? Чем она угрожает обществу сегодня, к каким последствиям может привести завтра? Возможно ли ее преодоление? Если «да», то за счет каких ресурсов и совершая какие действия? В данном параграфе рассмотрим в первую очередь вопрос об изученности феномена российской аномии: разработанных теоретических моделях и методиках ее изучения и измерения.

Одним из первых в 90-е гг. XX в. об аномии только что сложившегося уже не советского, а российского общества стал писать Н.Е. Покровский[224]. Он считает, что аномия необратимо последовала за крахом одной общественной системы и складыванием новой. Трактовка совершенно в дюркгеймовском смысле. Но поскольку опасности таких радикальных перемен в конце XX в. были научным сообществом уже отрефлексированы, радикальные экономические и социальные преобразования 90-х следовало сопроводить программой формирования новой системы ценностей, ведь прежние нейтрализовать аномию и консолидировать общество, очевидно, уже не могли. Н.Е. Покровский называет базовые нравственные принципы, которые могли бы стать основой этой консолидации, уже опробованные обществами, прошедшими модернизацию. Среди них уважение к личности, уважение к труду, трудолюбие, уважение к профессии и знаниям, уважение к нравственности и духовным ценностям, ограничение потребностей (разумный минимализм), справедливость[225]. Конечно же, новые ценности невозможно было ввести декретом, пишет Н.Е. Покровский, но ждать, что они возникнут сами по себе, изнутри, в семье, школе, СМИ, культуре было ошибкой, необходимо было встречное движение власти и общества, которого не произошло, и в результате «великая альтернатива», реальная в начале 90-х гг. XX в., не состоялась.

В итоге, полагает автор, 90-е завершились не только перерождением общества, но и необратимым видоизменениям внутренних феноменологических конструкций массового сознания. Система отреагировала на нарушение баланса, следуя своей внутренней логике. В результате современные россияне представляют собой качественно новую социальную общность, ориентированную на материальное потребление, с постоянно суживающимся полем социального интереса, отсутствием регулирующих функций массового

[224] *Покровский Н.Е.* Проблема аномии в современном обществе… 1995; *Покровский Н.Е.* Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, аномия, глобализация [Электронный ресурс] // Социологический форум. Электрон. текст. дан. М., 2000. URL: www.sociology.ru/forum/
[225] *Покровский Н.Е.* Транзит российских ценностей…

сознания, преклонением перед любой властью, культурной нетребовательностью и т.д. Фактически, полагает автор, разрушено поле единых нравственных ориентиров. Солидарность, консолидация, единство целей, взаимное доверие находятся в глубоком упадке. Диагноз этой опасной болезни – социальная аномия. И болезнь эту автор называет опаснейшей, способной изнутри разрушить любую конструктивную программу социально-экономических преобразований[226].

На микроуровне, уровне индивидуальных переживаний в качестве формы своего проявления или опредмечивания аномия проявляется через ощущение своего одиночества. И в этом смысле, считает автор, аномия близка к понятию «отчуждение». «В ситуации, когда стремительные изменения в экономической, политической и социальных сферах разрушают установленный порядок и сложившиеся социальные связи, человек оказывается в пустом социальном пространстве, лишенный ориентиров, т.е. ценностных и нормативных шкал. Он начинает испытывать кризис системы ожиданий (надежд на будущее, стремлений). Происходит то, что можно назвать опрокидыванием традиционных норм, одновременно утрачиваются ограничивающие нравственные рамки (укореняется вседозволенность). В итоге человек оказывается в вакууме, который окружает его извне и, образно говоря, наполняет изнутри. Это и есть классическое состояние аномии, рассмотренное в индивидуально-психологическом плане»[227].

В обществе к индикаторам аномии относятся: рост преступности, социальный хаос, смятение душ неясность жизненных целей («главное для нас – выжить»), резкое снижение предсказуемости во времени тех или иных явлений, связанных с данной социальной системой («мы живем только сегодняшним днем»), возрастание значимости материальных ориентаций как

[226] *Покровский Н.Е.* Транзит российских ценностей…
[227] *Покровский Н.Е., Иванченко Г.В.* Универсум одиночества : социологические и психологические очерки. М., 2008. С. 191.

противоположных нравственным и духовным («сейчас нам не до духовных запросов») и т.д.»[228].

Модель аномии российского общества, созданная Н.Е. Покровским, носит сугубо описательный характер. Она основана на базовом положении Э. Дюркгейма о том, что этот феномен возникает в обществах, находящихся на переломе своих основ, описывает проявления аномии в конкретном российском обществе и не затрагивает вопрос о возможных методах измерения этого феномена. И, конечно, весьма пессимистичны выводы Н.Е. Покровского о перспективах преодоления состояния нравственного релятивизма и потери основ для консолидации общества.

Возможно, эта модель не доведена до того, чтобы стать инструментальной, поскольку в нулевые Н.Е. Покровский отошел от темы аномии российского общества и погрузился в иные исследовательские проекты. Но надо признать, что «родовая травма 90-х» сохраняется у всех исследователей, которые пережили эти годы на личном опыте. Справедливо это утверждение и для С.Г. Кара-Мурзы, который очень плодотворно разрабатывает тему аномии российского общества уже в наше время. Он также связывает аномию со свершившимся общественным переломом начала 90-х гг. XX в., видит ее причину в системе оскорбительных действий власти и «элит» времен перестройки. Власть вместе с «бизнесом», с точки зрения исследователя, создали предпосылки для аномии, породив массовый пессимизм в российском обществе[229]

Что касается теоретической модели комплексного виденья совокупности факторов, которые осуществляют принципиальные изменения в социальной системе, провоцируют и поддерживают аномию, модели, устанавливающей связи между выделенными факторами, то подход

[228] *Покровский Н.Е., Иванченко Г.В.* Универсум одиночества… С. 189–190.
[229] *Кара-Мурза С.Г.* Аномия в России: понятие, причины, проявления // Великоросс. 2012. № 2 (4). С. 4–13.

С.Г. Кара-Мурзы уже более инструментальный. Он выделяет ведущие факторы, генерирующие аномию:

1. Кризис культуры. Нанесенный ей удар был такой силы, что не только разрушились ее элементы и связи между ними, но, с точки зрения автора, запустился самовоспроизводящийся и самоускоряющийся механизм разрушения[230].

2. Ложь элиты. Сознательной ложью была вся та идеологическая риторика, которой сопровождались и попытки перестройки, и реформы перехода к демократии и правовому государству. Вирус лжи, с точки зрения автора, настолько проник в российскую политику, что стал элементом «культурного ядра» общества[231]. Как только общество разобралось с тем, что элита его систематически обманывает, это стало постоянным источником аномии для него.

3. Преобразование системы потребностей. За последние двадцать лет в сознание граждан России была внедрена новая программа потребностей. Основную массу населения втянули в так называемую «революцию притязаний», заставили отказаться от нравственных норм в пользу гедонистических и потребительских. Но поскольку для большинства населения эти притязания неосуществимы, а с этим фактом смириться оно не может и не хочет, такая ситуация становится для него постоянным источником стресса и генератором аномии[232].

В модели аномии С.Г. Кара-Мурзы простраиваются взаимосвязи и взаимозависимости между факторами, влияющими на описываемое социальное явление. Если три вышеобозначенных фактора выступают в ней генераторами аномии, то поддерживают ее, питают, безусловно, чрезмерная социальная дифференциация (расслоение) и бедность значительной части населения. Называет он и симптомы болезни, которые можно обозначить как

[230] *Кара-Мурза С.Г.* Аномия в России: причины и проявления. М., 2013. С. 117.
[231] Там же. С. 145–146.
[232] Там же. С. 175.

видимые признаки данного явления: коррупция чиновничества, высокий уровень преступности различного типа, мошенничество бизнеса, кризис семьи как социального института. Предлагаемая С.Г. Кара-Мурзой модель аномии российского общества отличается рядом особенностей. Во-первых, она рассматривает российское общество вне мирового контекста и происходящих в нем процессов, изолированно. Не учитывается, что современное общество – это «мировое общество риска» (У. Бек), «текучее общество» (З. Бауман) с «текучей моралью» (С. Кравченко), что современные люди равнодушны, скептически настроены и настороженны по отношению к «общей причине», «общему благу», «хорошему обществу» или «справедливому обществу», что собственные интересы все более теснят в жизненных стратегиях общие[233].

С.Г. Кара-Мурза называет, например, короткие жизненные проекты, когда люди не заглядывают далеко в будущее, живут сегодняшним днем, специфичной формой проявления аномии. А Э. Тоффлер в своем известном футурологическом произведении «Шок будущего» определяет это как черту супериндустриального общества. Он пишет о том, что укорачиваются сроки человеческих отношений, отношений с местом, с вещами, людей нанимают на работу на короткие временные периоды, мы вынужденно адаптируемся к новому ритму времени и справляемся с жизненными ситуациями за более короткое время[234].

Отсутствие общемирового контекста, необходимого в эпоху глобализации, приводит к невозможности разобраться, что в проявлениях аномии автономное, а что гетерономное. Это затрудняет разработку управленческих стратегий воздействия на общество и его институты.

Вторая важная особенность предлагаемой модели аномии в том, что она не доведена до инструментального состояния. С ее помощью нельзя измерить уровень аномии или проследить колебание каких-то значений

[233] См.: *Бауман З.* Текучая современность… С. 44.
[234] *Тоффлер Э.* Шок будущего… 557 с.

выделенных признаков. С.Г. Кара-Мурза сам признает наличие методологических трудностей, связанных с измерением аномии. Он считает, что трудно выделить индикаторы, пригодные для выражения количественной меры, что само это понятие нежесткое. Он предлагает оценивать масштаб аномии в динамике через нарастание / ослабление явлений[235].

Разработаны ли вообще какие-либо методики, с помощью которых аномию в российском обществе можно не только описать, но и измерить? Надо признать, что инструментальные модели на российском поле в большом дефиците. Но в настоящее время такой проект осуществляется в Высшей школе экономики. К. Сводер и Л. Косалс предлагают модель, уже опробованную на российском поле в ходе эмпирического исследования, которую они назвали аномия «я-не-знаю» (DKA)[236].

Авторы подчеркивают, что их трактовка аномии ближе концепции Э. Дюркгейма, чем Р. Мертона. Ситуация «безнормия», отсутствие определенных правил и институтов связана с эпохой социального перехода от одного общества к другому. Поэтому авторы рассматривают аномию как составную часть процесса модернизации, осложненную в России эффектом постсоциализма. Их модель строится на трех взаимосвязанных гипотезах.

Гипотеза 1 предполагает, что формализм как средство нормативного регулирования связан с таким аспектом модернизации, как рационализация. Под рационализацией авторы подразумевают растущую важность количественного, инструментального, целенаправленного, «научного» мышления. Нерациональное мышление, в отличие от рационального, сосредоточено на качественных и не-универсальных аспектах, таких как эмоции. Авторы смотрят на рационализацию как близко связанную с формализацией. В ходе модернизации рационализация, доказавшая свою эффективность в экономике, начинает проникать в иные сферы общества: политическую, сферу частных отношений, распространяя на них принципы

[235] *Кара-Мурза С.Г.* Аномия в России: причины и проявления… С. 16.
[236] S*wader C.S., Kosals L.Y.* Post-socialist anomie… P. 2–32.

формализованного, рационального контроля. В тоже время неформальный контроль, основанный на межличностных связях, становится менее значимым. Таким образом, предполагает гипотеза, общества, более развитые экономически, регулируются более формализованными средствами контроля[237].

Гипотеза 2 связана с первой и предполагает, что в экономически развитых странах плотность нормативного регулирования выше, и как следствие, ниже аномия, поскольку самые разные сферы жизни регулируются четкими и многочисленными нормами. Но сам переход к формализованной системе управления через рациональные законы и государственные институты предполагает, по крайней мере временный, нормативный слом, так как неформальный контроль демонтируется. Таким образом, следует ожидать, что общества с большими темпами экономического роста более аномичны[238].

Гипотеза 3 является связующей между первыми двумя. Аномия, вероятно, ниже среди людей, живущих в обществах с большей степенью экономического, политического и социального нормативного регулирования. Экономическое развитие несет с собой большую степень социальной сложности, и эта сложность уравновешивается рациональными, формализованными институтами, в противном случае люди будут лишены необходимых рамок для понимания и управления своим собственным поведением. Люди испытывают больше аномии, если они живут в обществе, которое менее плотно формально регулируется, даже после учета других факторов[239].

Уровень экономического развития измеряется исследователями средним ВВП на душу населения. Экономический рост, соответственно, измеряется как среднегодовые темпы роста ВВП страны. Уровень

[237] S*wader C.S., Kosals L.Y.* Post-socialist anomie… P. 9.
[238] Ibid. P. 9.
[239] Ibid. P. 10.

формализованности регулирования экономической сферы измеряется по удельному весу теневого сектора экономики по данным Всемирного банка. Исходная посылка состоит в том, что страны, где большой сектор теневой экономики, в значительной степени находятся вне границ современного бюрократического рационального контроля.

Формализация политической сферы операционализируется через понятие эффективного управления обществом. Высокая степень эффективности означает наличие рационально функционирующего политического руководства, в отличие от неформального политического кумовства; это указывает на политическую систему более управляемую современными бюрократическими государственными идеалами, а не близкими межличностными отношениями. (Привлекаются данные Мирового рейтинга конкурентоспособности, IMD.)

Формализованность регулирования личного поведения измеряется добавочным индексом проекта Всемирного исследования ценностей (World Values Survey), учитывающим, живет или нет индивид в соответствии с ожиданиями родителей и друзей. Этот индекс представляет неформальный социальный контроль в отличие от формализованного контроля.

Используя корреляционный анализ и выстраивая диаграммы рассеивания вышеуказанных переменных на страновом уровне, авторы исследуют взаимосвязь между экономическим развитием и формализацией трех сфер общественной жизни: экономики, политики, сферы личных отношений.

Главным показателем аномии в данном исследовании является чувство неуверенности в нормах, собственном поведении, оценках общественной жизни, поэтому авторы измеряют аномию как отсутствие ясного ответа на вопросы в различных сферах. Идеальным показателем аномии становится процент ответов «не знаю»[240]. Преимущества такого

[240] S*wader C.S., Kosals L.Y.* Post-socialist anomie… P. 12.

подхода исследователи видят в следующем: а) он захватывает субъективный аспект аномии и б) он обеспечивает прямое измерение аномии через отражение неопределенности в умах людей в конкретных социальных сферах. Результатом описанной выше конструкции являются три шкалы, каждая из которых представляет пропорцию ответов «не знаю» по пяти вопросам в сфере политики, экономики и личных отношений.

В ходе исследования К. Сводер и Л. Косалс в целом подтвердили выдвинутые гипотезы[241] и валидность модели DKA, аномии «я-не-знаю», для измерения относительного уровня аномии (диаграммы рассеивания) по отдельным странам, как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества в целом. Их исследование показало, что экономические преобразования связаны изменениями в формах социального контроля. Изначально высокие темпы экономического роста нарушают нормативный порядок общества, основанного на неформальном межличностном нормативном регулировании. Тем не менее, с экономическим ростом (ВВП на душу населения) социальные институты могут развиваться и уравновешивать эти нормативные нарушения новой формой порядка, основанного, прежде всего, на политическом контроле (гипотеза 1).

Таким образом, экономически развитые страны (с высоким уровнем ВВП на душу населения, но невысокими темпами роста ВВП) не очень аномичны, но процесс становления модерна, в лице роста ВВП, может стимулировать падение нравов (гипотеза 2). При этом гораздо большее воздействие на уровень аномии оказывает «посткоммунистический синдром». Одни и те же показатели, умеренно отклоняющиеся в развивающихся странах от средних значений развитых стран, значительно увеличивают индивидуальную аномию в посткоммунистических обществах: уровень доходов, незаинтересованность в опросе. Влияние самооценки принадлежности к социальному классу на увеличение показателей аномии в

[241] S*wader C.S., Kosals L.Y.* Post-socialist anomie… P. 28–29.

три раза значительнее (по предлагаемой методике измерения), чем в развивающихся и развитых странах. А быть женщиной на постсоветском пространстве в два раза повышает риск аномии, чем в ином обществе.

Эффективность правительства становится мощным источником нормативного регулирования в развитых обществах, а неэффективность и политическая коррупция стимулируют аномию – это наиболее значимые выводы, полученные в ходе исследования (гипотеза 3). Поскольку изначально гипотеза связывала формализацию с рационализацией, то политическая неформальность, известная как семейственность и кумовство, интерпретируется данной моделью как нерациональное управление, ведущее к нестабильности общественного порядка в целом. Эта нестабильность приводит к отсутствию общих (разделяемых всеми) социальных норм, которые могли бы быть переданы под последовательным политическим руководством.

Безусловно, на фоне идеографических моделей аномии, которые до сих пор преобладали в российской социологии, модель DKA, предложенная К. Сводером и Л. Косалсом, – серьезнейшая заявка на создание методологии исследования этого социального явления, операционализацию и измерение аномии. Но в этой связи есть одно замечание. Как модель С.Г. Кара-Мурзы слишком почвенническая, не учитывающая общемировой контекст, так данная модель слишком абстрактна, ей не хватает заземления на российскую реальность.

Деление стран на развитые, развивающиеся и развивающиеся посткоммунистические достаточно схематично и не объясняет, например, присутствие на диаграмме, указывающей на соотношение аномии и роста ВВП, Великобритании рядом с Россией, Индией и Китаем[242]. Это деление не учитывает, как влияют буддистские традиции на индивидуальный уровень аномии в той же Индии и пр.

[242] S*wader C.S., Kosals L.Y.* Post-socialist anomie… P. 21.

Предлагаемая авторами методология измерения аномии основана на построении многоуровневых моделей линейной регрессии, включающих данные индивидуального уровня и уровня стран. По результатам эмпирического исследования авторы сократили количество независимых переменных до наиболее существенных, с их точки зрения. Отказались, например, от семейного положения, членства в церковных общинах, статуса работающий / неработающий из-за их незначительного влияния на зависимую переменную – уровень аномии. В том числе отказались учитывать в дальнейшем коэффициент Джинни по тем же соображениям. Учитывая, что он косвенно свидетельствует о социальной дифференциации, т.е. расслоении, вывод, что его можно не принимать в расчет в России, надо делать с большой осторожностью, тем более что переменные субъективной оценки принадлежности к социальному классу и доходов на уровень аномии влияют очень сильно.

Из индивидуальных факторов, значительно влияющих на зависимую переменную, авторы сохранили пол, уровень образования, уровень дохода, субъективную оценку принадлежности к социальному классу, приверженность постматериалистическим ценностям, стремление жить, оправдывая ожидания друзей, нигилизм, который трактуется как «никогда не думать о смысле жизни», и уровень информированности. Последняя переменная измеряется и трактуется в этой модели очень оригинально. Исследователи измеряют ее с помощью «информационной множественности (кратности)» от 0 до 7, где 7 показывает, как индивид использовал каждый из источников информации на прошлой неделе: ежедневная газета, радио или теленовости, печатные журналы, аналитические радио- и телепередачи, книги, Интернет, разговоры с друзьями или коллегами. Авторы делают вывод, что каждый дополнительный источник информации снижает аномию, а неинформированность, наоборот, повышает ее. Особенно это характерно для постсоциалистических стран. В их модели уровень информированности,

так же как и уровень образования, влияют на степень аномии. Более образованные и более информированные группы респондентов – ниже уровень аномии, менее образованные и менее информированные – выше.

Эти выводы, возможно, укладываются в общую концепцию исследователей о том, что модернизация ведет к временному росту аномии, но более образованные и информированные слои населения быстрее адаптируются к новым требованиям формализованного контроля, начинается стабилизация общественной жизни, затем к ним «подтягиваются» остальные слои населения. Однако эта схема не объясняет многие явления российской действительности, например, «рассерженные горожане» – это как раз и образованные, и информированные, а аномия может провоцироваться не просто неопределенностью новой, складывающейся ситуации, а быть протестом против тех правил, которые в ней становятся очевидными.

Общим местом существующих теоретических подходов к изучению аномии является опора на концепцию Э. Дюркгейма, которая предполагает изучение общества, находящегося в стадии перелома своих основ, что не совсем адекватно современному моменту российской действительности. Большое видится на расстоянии, – вот как оценивает сложившуюся ситуацию в посткоммунистических странах социолог Юка Минагава. В своей докторской диссертации японский автор, защищавшийся в США, исследует здоровье людей в странах Восточной Европы и то, каким образом здоровье населения связано с более широкими политическими, экономическими и социальными условиями, в которых живут люди. В частности обращается внимание на то, что социальные обстоятельства порождают нескончаемую аномию в Восточной Европе, но анализ ситуации с позиции Р. Мертона проводится очень редко. Гораздо чаще авторы пишут о краткосрочных социальных изменениях в духе Э. Дюркгейма[243]. Между тем, Ю. Минагава считает, что крах коммунистических режимов в Восточной Европе после

[243] *Minagawa Y.* The Social Consequences of the Fall of Communism… C. 5.

1989 г. и далее привел к складыванию высоко аномической социальной системы, политическая, экономическая и социальная нестабильность продолжились в течение всех 1990-х гг., затронув все аспекты жизни людей[244]. Автор полагает, что посткоммунистические государства являются особенно показательным полем для применения теории Р. Мертона, потому что некоторые из этих стран страдают от политической, экономической и социальной нестабильности и неопределенности и сейчас. Хотя с момента распада коммунистических режимов Восточной Европы прошло двадцать лет, но некоторые страны, особенно бывшие советские республики, продолжают демонстрировать признаки социального беспорядка, такие как правительственная коррупция и сужение демократического пространства[245].

Нам необходима такая теоретическая модель аномии, которая, во-первых, описывала бы ее в относительно стабильном обществе. Во-вторых, эта модель должна подразумевать, что аномия – это подвижный процесс постоянно изменяющегося взаимодействия ценностей и норм и отношения к ним общества. Это процесс, с помощью которого общество в целом или отдельные его общности и группы, проявляя свою способность к самоорганизации, реагируют на происходящие социальные изменения и адаптируются к ним. Это процесс роста энтропии системы, который в случае выхода системы в точку бифуркации может привести к слому режима ее функционирования.

Украинские исследователи Е.И. Головаха и Н.А. Панина много лет занимались проблемой социальной аномии в украинском обществе[246], проводя сравнительный анализ с обществом российским. Они связали начало аномии с распадом Советского Союза и видят проявление феномена аномии, как на Украине, так и в России, в росте распространенности различных форм

[244] *Minagawa Y.* The Social Consequences of the Fall of Communism… P. 44–45.
[245] Там же. P. 82–83.
[246] *Головаха Е.И., Панина Н.А.* Постсоветская аномия: особенности выхода из состояния аномической деморализованности в России и на Украине // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 5–10; *Головаха Е.И., Панина Н.В.* Социальное безумие. История, теория и современная практика. Киев, 1994. 168 с.

девиантного поведения, формировании социально-психологической атмосферы, в которой преобладающими стали чувства неуверенности, пессимизма, недоверия к социальным институтам. Исследования, которые осуществлялись на Украине, проводились с использованием шкал социального цинизма, авторитаризма и социальной дистанции[247], в целом они отражают мировые методологические подходы к изучению данного феномена. Авторы сами признаются, что на российском социальном поле они подобных прикладных исследований не обнаружили, поэтому свои выводы по российской аномии они делали, опираясь на косвенные данные.

Авторы отмечали некоторое улучшение социального самочувствия людей и на Украине, и в России в последние годы (по отношению к 2008 – Н.М.) и связывали его с заметным улучшением материального положения. По крайней мере, украинские замеры аномической деморализованности граждан показали ее снижение с одной трети общества до одной пятой[248]. Снижение структурной аномии в ответ на системные изменения – пример линейного ответа общества, пропорционального имеющему место воздействию. Поэтому в 2008 г. авторы с умеренным оптимизмом заявляли, что «сегодня и Россия, и Украина на полпути от тотальной аномии начала 90-х годов к «нормальному обществу»[249]. Но в начале 2014 г. на Украине началось то, что началось. И проявления беззакония сегодня происходят совершенно в дюркгеймовском духе. Объяснить, почему в украинском обществе дрейф в сторону «нормального», как сказали исследователи, общества прервался, можно. Но в данной работе хотелось бы заострить внимание на другом: насколько аномия как рассогласование ценностей и норм и массовое разрушение последних при пренебрежении первыми стала динамичным процессом, который как постоянно происходящий процесс и необходимо изучать.

---

[247] *Головаха Е.И., Панина Н.А.* Постсоветская аномия…. С. 6.
[248] Там же. С. 6.
[249] Там же. С. 10.

Третий момент, который необходимо учесть в теоретической модели аномии российского общества – чрезвычайно неравномерный характер его развития. В.А. Ядов определяет эту особенность как анклавизацию страны, «в которой сосуществуют экономически и социально-культурно продвинутые мегаполисы и глубинка, многообразные этнонациональные общности, в том числе имеющие государственный статус субъектов Федерации, регионы-доноры и неспособные себя обеспечить без дотаций из федерального центра»[250] Он считает, что проблема «центр – регионы», осложняющаяся фактором многонациональности страны, является одной из самых болезненных.

Как показали исследования по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», особую актуальность для России имеет проблема разрыва между условиями жизни населения различных ее частей[251]. В России соседствуют регионы с высоким уровнем вторичной модернизации, информационно-когниционной, и регионы, не завершившие первичную модернизацию, переход к индустриальному обществу[252]. Исследование показывает столичную асинхронность уровней модернизации. Очевидная разница в уровне жизни соседних регионов и жизни основных социальных классов в одних и тех же регионах, что является важнейшей предпосылкой структурной аномии, усугубляется в нашем обществе эффектами рефлексивной аномии в столицах и регионах с высоким уровнем вторичной модернизации. Эмансипирующиеся постматериалистические ценности или ценности самовыражения связаны с усилением способности, возможности и необходимости выбирать. Жизненная стратегия членов общества, их разделяющих, не направлена на простое воспроизводство себя и своей семьи. Их носителями в основном является поколение, выросшее в условиях, когда наличие основных благ является само собой разумеющимся.

[250] *Ядов В.А.* Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. 2002. № 2. С. 354–355.
[251] Проблемы модернизации… С. 7.
[252] Там же. С. 9–10.

Такие люди не удовлетворяются простым количественным ростом уровня жизни, не спаиваются идеей патриотизма, поскольку нацелены на самовыражение, и управленческие стратегии в обществе таких граждан отличаются от управленческих стратегий населения регионов, находящихся на начальных стадиях вторичной модернизации. В обществах, уже завершивших обе стадии модернизации, рефлексивность социума уравновешивается не только развитой системой формального контроля, но и добровольным консенсусом общественных сил с властными структурами. В российском обществе наличие структурных факторов, порождающих аномию (высокий уровень бедности, социальная поляризация населения, утрата социального капитала, ценностно-нормативный вакуум и др.), усугубляется возникновением аномии рефлексивной, при которой основным критерием при выборе моделей поведения становится собственная субъективность, что делает социальную ситуацию еще более непредсказуемой в развитии. Сохранение анклавов с ярко выраженными структурными проблемами (высокий уровень бедности, неэффективность региональных и местных властей, межнациональная напряженность) может стать той зоной локальной упорядоченности, которая, как аттрактивная структура, притянет к себе вектор развития системы, дестабилизируя ее функционирование в целом.

Сама установка рассматривать аномию как процесс роста энтропии системы, ведущий к хаосу и разрушению, априори предполагает наличие процесса с обратным вектором, негэнтропию – движение к упорядочиванию, к организации системы. И такие «осуждаемые» социальные феномены, как кумовство, телефонное право и пр., являются проявлением действия механизмов самоорганизации и саморегуляции в ситуации слабости институционализированного социального контроля, с чем нельзя не считаться. Все эти моменты мы максимально полно пытаемся учесть в предлагаемой в данном исследовании концепции сложной аномии.

И последнее, на чем необходимо остановиться, говоря о теоретико-методологических подходах к изучению аномии, это операционализация данного понятия, без которой невозможно сколько-нибудь точное его измерение и изучение.

Итак, из методик измерения уровня аномии именно применительно к российскому обществу, опробованных на нашем поле, можно отметить только ту, что разрабатывают сейчас К. Сводер и Л. Косалс, и которая опирается на методологические подходы Всемирного исследования ценностей (World Values Survey)[253]. В ней содержится специальная серия из пяти вопросов на предмет аномии: вопросы о беспомощности, о социальной изоляции, о безнормности, о вынужденном нарушении норм и об отчуждении. Иные авторы либо описывают факторы, порождающие аномию, либо выделяют индикаторы, с помощью которых ее можно зафиксировать, но не всегда выразить количественно.

В качестве примера индикаторного подхода можно привести диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук А.О. Панфиловой[254] Исследовательница усматривает «недостаток в научной литературе попыток анализа социальной аномии в рамках индикаторного подхода» и определяет целью своей работы «выявление структуры и содержания социальных индикаторов аномии в трансформирующемся российском обществе». Автор формулирует и классифицирует индикаторы социальной аномии по структурному и субъективно-объективному основанию; выделяет общественные сферы, в которых аномия находит наиболее концентрированное выражение, определяет ее базовые и переменные показатели в каждой из них; проводит конкретное социологическое исследование на основе своего методологического подхода

[253] S*wader C.S., Kosals L.Y.* Post-socialist anomie… P. 13–14.
[254] *Панфилова А.О.* Социальные индикаторы аномии в трансформирующемся российском обществе : автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2007. 29 с.

с целью оценки влияния проявлений аномии на ценностную структуру и динамику.

Большую исследовательскую работу по оценке существующих концепций аномии и инструментария для ее измерения, провела Е.И. Лыткина[255]. Она отмечает, что несмотря на долгую историю понятия аномии, ясности в его трактовке до сих пор нет. Более того, существует тенденция сводить это понятие до одного признака, будь то отчуждение, психологическая, когнитивная дезориентация или конфликт между социальной и культурной системами общества[256]. Присутствуют также серьезные погрешности и в используемых методиках их измерения. Наиболее частым индикатором для операционализации понятия аномия в эмпирических исследованиях, считает автор, является «безнормность», что близко тому, как трактует его Э. Дюркгейм в «Самоубийстве». Но с ее точки зрения, такие базовые для Э. Дюркгейма признаки аномии, как потеря ценностей, утрата норм, ощущение отсутствия контроля со стороны общества, операционализации не получили. Понятие же аномии как «функциональной рассогласованности», берущее свое начало в работах Р. Мертона и типичное для функционалистов вообще, с точки зрения исследовательницы, проблематично для операционализации вообще[257].

В рамках своего исследования методом когнитивных интервью, где респондентами выступали социологи Германии, занимающиеся проблематикой аномии, Е.И. Лыткина провела операционализацию понятия «аномия» через наиболее часто выделяемые учеными признаки[258]. Первым из них является потеря ценностей. Из словесных конструкций, которые служили индикаторами потери ценностей, очевидно, что потеря – утрата их

[255] *Лыткина Е.И.* Аномия – безнормность или отсутствие моральных норм? К вопросу об эмпирических возможностях концепции // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015.; *Лыткина Е.И.* Аномия: новый подход к операционализации классического понятия... С. 152-161.
[256] Лыткина Е.И. Аномия – безнормность или отсутствие моральных норм…
[257] Там же.
[258] Там же.

значимости. Второй признак – изменение ценностей как быстрая смена полярностей, что считается наиболее значимым на актуальный момент. Четвертый – безнормность. Наибольшее количество индикаторов, которые исследовательница отнесла к данному признаку, свидетельствуют, что он выделяется как наиболее показательный для данного феномена. Социологи трактуют безнормность как необязательность к исполнению, недейственность, релятивность, сложность, и как следствие – общее ослабление механизмов социального контроля, а также наличие общей культурной установки на то, что жизненный успех важнее соблюдения правил. Данная трактовка сближается с мертоновским определением причин аномии. А вот такие индикаторы как «я не хочу жить по правилам этого общества» или «я не хочу быть часть этого общества», возможно, было бы правильнее отнести к признаку «отчуждение». Индикаторы типа «лучше всего приспособиться к существующему положению дел – ничего невозможно изменить» скорее относятся к признаку «бессилие», который также автором выделен, чем «безнормность».

На основании большой работы, проделанной Е.И. Лыткиной, можно воссоздать достаточно крепкую конструкцию теоретической модели того, что есть аномия в духе Э. Дюркгейма. Изменение ценностных значений, особенно такое быстрое как в современном обществе, ведет к ослаблению нормативной составляющей общественной жизни, закреплению в общественном сознании представлений об относительности, необязательности норм. Как следствие происходит общее ослабление механизмов социального контроля. Разрушительными для ценностно-нормативных оснований общественной жизни являются культурные смыслы типа «цель оправдывает средства». Следствием нарушения ценностно-нормативной составляющей являются настроения бессилия, невозможности на что-нибудь повлиять и что-либо изменить и отчуждение от основ общественной жизни. Учет таких факторов, как плюрализм ценностей в

современном обществе, изменение социокультурного типа современной личности, способа его реагирования на систему и выстраивания взаимодействий в ней, могут наполнить этот конструкт дополнительным содержанием и усилить его. Данная модель интегрирует как аномию макроуровня системы («безнормность» в классическом понимании данного термина, слабость механизмов социального контроля), так и аномию микроуровня как переживание своего отчуждения от общества.

Е.И. Лыткина считает центральной проблемой эмпирических исследований то, что аномия как качество социальной системы измеряется через оценки со стороны отдельных индивидов[259]. А измерить аномию самой системы кажется ей проблематичным[260]. Но на сегодняшний день с увеличением значимости субъективного для системы в целом, взаимовлияния, симметричного движения системных элементов и субъекта такое разделение система / субъект даже для аналитических целей кажется невозможным.

2.2. Сложная аномия в российском обществе: факторы, признаки, следствия

Кроме общих закономерностей формирования аномии как социального явления, всегда будет оставаться место особенному, характерному именно для данного общества, как та же «американская мечта», о которой писал Р. Мертон. Особенностям российской аномии, которые являются следствием нашей исторической судьбы, вытекают из специфики национального характера, сложившегося к настоящему моменту

[259] Лыткина Е. И. Аномия: новый подход к операционализации классического понятия… С. 153.
[260] Подобная точка зрения присуще не только данному автору. См.: *Seeman M. A* Prolegomenon on Empirical Research Regarding Anomie // Shoham S. Anomie and Alienation Revisited. Tel Aviv, 1982. P. 121–138. Противоположной точки зрения придерживаются С. Месснер, Г. Том и Р. Розенфельд См.: *Messner S., Thome, H. Rosenfeld R.* Institutions, Anomie, and Violent Crime: Clarifying and Elaborating Institutional-Anomie Theory // IJCV. 2008. Vol. 2. № 2. P. 163–181.

социального порядка, будут посвящены следующие два параграфа данной работы.

Аномия приняла в российском обществе затяжной характер, в силу этого бумерангом не просто определяет состояние общественного сознания «здесь и теперь», а заложена в модель мира его членов. Это одна из ключевых идей работы: кризисное сознание – не просто дань переходному периоду, а устойчивый элемент модели мира его граждан. Он порожден, с одной стороны, затяжным характером кризисных явлений в социуме и прерывистостью самой его исторической судьбы, а с другой, транзитивным характером общества на настоящий момент. М.В. Удальцова определяет транзитивность социума как его «разбросанность», дифференциацию людей по системе ценностей, ценностных ориентаций, стилей жизни и других важнейших характеристик социальных взаимодействий. Эта дифференциация является следствием изменений, происходящих на уровне социальных институтов в ходе реформ. Оба процесса – трансформацию и транзитивность – необходимо изучать взаимосвязано, т.к. они взаимообуславливают и дополняют друг друга, – делает вывод автор[261].

В данном параграфе будут рассмотрены причины, генерирующие аномию в современном российском обществе, как их исторические предпосылки, так и факторы актуального состояния системы. 90-е годы давно позади, а аномичное состояние общества сохраняется. Будут рассмотрены внешние проявления аномии сегодня и ее возможные следствия для развития системы в дальнейшем.

Проблема «переходного периода» в России гораздо шире, чем проблема 90-х годов прошлого века. Ю. Левада насчитывает три крутых общественных перелома за последние 150 лет, которые поставили людей перед необходимостью приспосабливаться к изменившейся социальной среде: реформы 60-х гг. XIX века, события 1917 и 1991 гг. Если мы чуть

[261] *Удальцова М.В.* Транзитивное общество и его проблемы // Проблемы социальных взаимодействий в транзитивном обществе. Новосибирск, 1999. С. 6.

раздвинем временные рамки, то по необходимости вспомним еще и петровские преобразования. Европа практически не знала таких радикальных перемен, а если они и случались как, например, Реформация, то, как бы «болезненно» они ни происходили, предпосылки изменений вызревали изнутри, за счет процессов самоорганизации общества. У нас же почти все волны радикальных преобразований, за исключением, на наш взгляд, последней, инициировались сверху. Петр «пришпорил» Россию, чтобы не превратиться во второсортную европейскую державу, война диктовала необходимость реформ, если стоять на позициях В.О. Ключевского. И как бы ни спорили историки и философы по вопросу о необходимости самих реформ, все сходятся во мнении, что проводились они насилием и принуждением. И Н.М. Карамзин, и В.О. Ключевский считали, что реформы изменили «русскую нравственную физиономию». В народной памяти царь остался антихристом, и при наличии Лжепетров вторых и третьих в XVIII в., не находилось желающих выдать себя за «счастливо спасшегося» Петра I.

Александр II, отвлекаясь от нравственных побуждений, привитых ему В.А. Жуковским, начал реформы в ответ на поражение в Крымской войне. Пришлось учесть тот факт, что Европа модернизировала армию, и российские парусники не могли достойно противостоять судам на паровой тяге, а гладкоствольные ружья – нарезным. Модернизация армии требовала развития промышленного производства, развитие производства – свободных рабочих рук, создание рынка труда – раскрепощения крестьян, появление новых правоспособных слоев населения – судебной реформы и т.д. Вместе с тем понимания и широкой поддержки реформам не было не только в среде дворянства. И только незыблемый на тот исторический момент авторитет самодержавия позволил реформы осуществить. Гротеск отечественной истории в том, что, возможно, самый талантливый и значительный представитель династии Романовых был столь нещадно преследуем частью собственного общества, и в тот момент, когда им было положено начало новому радикальному преобразованию, созданию предпарламента, он был

убит, а указ о создании законосовещательных комиссий не был приведен к исполнению. Незначительная флуктуация – убийство царя, возможно, изменило ход отечественной истории.

В феврале 1917 г., когда обрушилось самодержавие, никто и не помышлял о большевистской альтернативе. В.И. Ленин был в Европе, отделенной от России фронтом, Л.Д. Троцкий – в США. Кто бы мог подумать, что уже концу этого же года невероятное станет реальным. Но сочетание исключительных факторов: война, истощение внутренних ресурсов, неспособность временных правительств всех созывов принципиально решить данные проблемы, а также талант большевистского руководства, прежде всего В.И. Ленина, нащупать аттракторы, которые могут притянуть развитие всей системы в целом, сделали случайную флуктуацию системы мегатрендом ее развития. Имеется в виду обещание немедленного мира и помещичьей земли народу. Не власти, а именно мира и земли.

С последним переломным моментом – конец 80-х, начало 90-х гг. прошлого века – ситуация несколько иная. Большинство авторов, пишущих об этом периоде, склонны считать, что именно по причине радикального отказа от прежде коллективно санкционированных ценностей и норм в 90-х в нашем обществе возникла аномия. Думается, состояние аномии началось гораздо раньше, когда официальные идеологические мифы были полностью десакрализованны в общественном сознании и в социальном поведении господствовал ритуализм. Напротив, в конце 80-х наблюдался национальный подъем, связанный с идеями очищения и обновления, гласностью и перестройкой. Воодушевление, которое вызвали гласность, популярность нового телевидения и других СМИ, ставших «рупорами» перестройки, раскрепощение частной инициативы, свидетельствует, что политика М.С. Горбачева не была насилием над общественным сознанием, поскольку

переживалась большей частью общества с энтузиазмом. А вот с чем связан спад народного оптимизма?

Возможно, с массовой разочарованностью результатами первых преобразований, с тем, что опять обманули, сыграли на лучших чувствах народа и предали. Когда реформаторы той эпохи провозглашали возрождение частной собственности на средства производства, они не предупреждали, что в стране, где отсутствовали частные капиталы, это возможно только за счет присвоения бывшей государственной собственности прежде всего той группой лиц, которая была ближе всех к этой собственности. Что в итоге реформа приведет к резкой поляризации населения, где немногие станут богатыми, а большинство бедными. Хотя то, что именно так по законам возрождавшегося тогда же рынка и должно было все случиться, понятно любому, кто эти законы более или менее себе представляет. Но это сейчас, а тогда в стране, выученной скорее на теории ленинизма, чем истинного марксизма, это понимали не многие, а уж принимали только те, кто преуспел.

Возможно ли было иное осуществление радикальных рыночных преобразований той командой, которая их проводила, – вопрос спорный. Это требует сопряжения целого ряда параметров, их характеризующих: экономической грамотности и опыта хозяйственной и руководящей деятельности, личных связей с партийно-государственной элитой и мировоззренческих установок, таланта, наконец. Но исследовать, как воспринимает современное поколение россиян преобразования последних двух десятилетий, можно, и это сделали в Институте социологии РАН. Результаты были представлены в аналитическом докладе «Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров)».

Из него следует, что бесспорная поддержка команды Б. Ельцина в начале реформ двумя третьими активных граждан быстро начала снижаться по мере их осуществления уже в 1992 г[262]. В 2001 г., по итогам первого

[262] Двадцать лет реформ… С. 8–10.

десятилетия, явной доминантой общественного сознания было недовольство реформами – об этом говорило уверенное большинство респондентов (59%). В апреле 2011 г., спустя еще одно десятилетие, доля людей, выражающих недовольство реформами 90-х, снизилась с 59 до 43%, а доля тех, кто оценивает их позитивно, выросла с 28 до 34%. Прирост позитива во многом связан с вхождением в активную жизнь поколений, не знающих альтернативы современному состоянию общественной системы, по которым реформы катком не прошлись. Но почему же тогда такой высокий процент негативных высказываний, почему время не лечит?

Исходя из материалов доклада, сегодня недовольство россиян связано скорее не с тем, как осуществлялись реформы, а с тем социальным порядком, к складыванию которого они привели. Сегодня идёт постепенное переосмысление россиянами основных достижений и неудач реформ – как для общества, так и для себя лично. Стихает главный лейтмотив недовольства реформами – снижение уровня жизни большинства населения, наиболее актуальный в первое десятилетие реформ. На смену ему в общественном сознании приходят новые мотивы для недовольства ими: отсутствие должного порядка в стране и рост коррупции, отсутствие социальной справедливости, резкое деление общества на богатых и бедных.

Одним из самых тревожных выводов, прозвучавших в докладе, является ухудшение социального самочувствия большинства россиян. Самым распространённым по частоте переживания негативно окрашенным чувством является ощущение несправедливости всего происходящего вокруг[263]. Авторы доклада полагают, что это чувство свидетельствует о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России. В апреле 2011 г. хотя бы иногда его испытывало подавляющее большинство всех россиян (свыше 90%), при этом 46% испытывали его часто. Хотя в начале 2000-х гг. доля тех, кто ощущал несправедливость происходящего вокруг часто, резко сократилась. Однако последние годы

[263] Двадцать лет реформ… С. 60.

вновь дали прирост, и весьма ощутимый, распространённости этого чувства. Происходит делигитимация власти в глазах российских граждан.

Следующим по частоте распространенности среди россиян является чувство стыда за нынешнее состояние своей страны[264]. Обратим внимание, что это не связано с позиционированием РФ на международной арене. Напротив, многие признают, что здесь наши позиции укрепились. Да и желание «нравиться» западному сообществу ослабло. «Стыд за страну в условиях её достаточно прочного внешнеполитического положения и в целом успешного и стабильного прохождения наиболее острой фазы глобального экономического кризиса последних лет связан с отрицанием сложившегося в России «порядка вещей», «правил игры» и т.п., которые представляются людям не просто несправедливыми, но и позорными. Правомерность такой интерпретации подтверждает тот факт, что теснее всего чувство стыда за свою страну связано с чувством несправедливости происходящего вокруг и чувством, что дальше так жить нельзя. Фактически три эти чувства образуют внутренне целостный, единый компонент мировоззрения значительной группы россиян, при том что лишь 3% их не испытывают трёх анализируемых чувств практически никогда»[265], – резюмируют авторы исследования.

Итак, российское общество опять разочаровано и чувствует себя обманутым в своих ожиданиях со стороны власти. На фоне очевидного, и это признается ими самими, улучшения материального положения большей части населения, роста стабильности на внутриполитической и внешнеполитической арене негативное переживание социального существования, заложенное в модели жизненного мира россиян, может свидетельствовать о нарастании энтропийных тенденций в социуме. Недовольство властью, сложившимся социальным порядком может

[264] Двадцать лет реформ… С. 60.
[265] Там же. С. 66–67.

рассматриваться как проявление самоорганизационной составляющей в системе, может стать ее трендом при условии «выпадения на аттрактор».

У российского общества чрезвычайно обремененная история отношений по линии власть – общество. Из истории этих отношений, возможно, и произрастают многие особенности социальной аномии. Во-первых, как было показано выше, обществу постоянно на протяжении последних двухсот лет приходилось приспосабливаться к принудительным преобразованиям, проводимым властями, менявшим между тем коренные устои этого общества. Это нигде не проходит безболезненно, вспомним процесс «огораживания» в Великобритании, лишавший крестьян земли. Между тем, институционализированных способов выражать и таким образом разряжать накопленное недовольство в России за этот же период так и не сложилось. М. Вебер называл эти способы вкупе структурой политических возможностей, обеспечиваемой демократическими правами, легитимации которых европейское общество добилось к концу XIX в.

Для российских властей, что имперского пошиба, что советского, на протяжении всего взятого нами для анализа периода характерен был неадекватно жесткий ответ на инициативы снизу. Это порождало недоверие, раскольничество, представление том, что «властью владеет злая сила», как писал Н.А. Бердяев[266]. Подтверждения этому положению у него есть. Он описывает рождение русской интеллигенции. Первым был А.Н. Радищев. Сострадал народу. За свою книгу был приговорен к смертной казни с заменой ее каторгой. Тогда же в крепость был заключен Н.И. Новиков, человек «очень умеренных политических взглядов». «Так встречено было образование русской интеллигенции русской властью. Первые шаги русской интеллигенции на путях просвещения сознания, а не революции, сопровождались жертвами и страданиями, тюрьмой и каторгой»[267].

[266] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма : репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М., 1990. С. 11.
[267] Там же. С. 19.

П.Я. Чаадаев высказал мысль о потенциальной непроявленности русского народа, что могло быть залогом будущего величия, русское правительство ответило объявлением его сумасшедшим и устроило медицинское освидетельствование. «Чернышевский был обвинен в составлении прокламаций к крестьянам, при этом обвинение было основано на фальсификации почерка и ложных показаниях. Он был приговорен к семи годам каторги и после этого провел еще двенадцать лет в Восточной Сибири в исключительно тяжелых условиях»[268]. Вспомним из истории того же периода, что случилось с Ф.М. Достоевским, который за чтение в собрании у М.В. Петрашевского письма В.Г. Белинского к Н.В.Гоголю прошел весь путь до голгофы, а затем отбывал каторгу и солдатчину в Сибири. «Русская историческая власть, – резюмирует Н.А. Бердяев, – нравственно себя убивала, создавая мучеников»[269].

Наша история демонстрирует всегда неадекватно жесткий ответ власти на инициативы снизу и неумение делать организационные выводы по итогам событий. Наша власть не умеет и не желает слушать и слышать свое общество. Что мы имеем в результате?

Во-первых, как показал неоднократный зондаж общественного мнения командой Ю. Левады, закреплен и неизменен высокий уровень **отчуждения** населения от власти, недоверия к государственным институтам и деятелям. Ю. Левада делает по этому поводу очень интересный вывод: «такое «разделение труда» между повседневной жизнью населения и деятельностью власть имущих в высшей мере удобно обеим сторонам, поскольку охраняет их от вмешательства со стороны партнера»[270]. Также в своем исследовании он отмечает, что «гласность» первых лет перестройки сделала очевидной проблему отсутствия адекватного социального и политического языка для выражения общественного недовольства,

[268] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма… С. 42.
[269] Там же. С. 62.
[270] *Левада Ю.А.* Сочинения: проблема человека… С. 186.

отсутствуют и адекватные структуры, в которых этот язык мог бы работать. Отсюда преобладание «настроенческого», эмоционального протеста.

То есть в нашем обществе не развился механизм «обратной связи», столь необходимый для диалога, для понимания друг друга властью и обществом. Изменилось ли что-нибудь за последнее десятилетие? По данным еще одного социологического исследования, проведенного Институтом социологии РАН «Готово ли российское общество к модернизации» (опрос проводился в 2010 г.), у россиян не сформировалась идея гражданского участия. Только 3% признают свою ответственность за происходящее в стране. Полностью согласна с авторами, когда они связывают эту черту нашего национального сознания с «неверием» россиян в то, что они могут повлиять на положение дел в стране, так рассуждает подавляющее большинство опрошенных (80%)[271]. Это как раз тот признак аномии, который мы операционализируем как **«бессилие».**

Отсутствие адекватного понимания друг друга усугубляется наличием иллюзии такого понимания. Иллюзия власти о том, что она понимает свое общество, в России существовала издавна. Яркое ее воплощение – идеологема «православие, самодержавие, народность», которая подразумевала, что между монархом и его народом существует живая связь, а через монарха народ соединяется с богом. Монарх составляет с народом единое, неразрывное целое и знает волю народа, проверяет ее на соответствие воле божьей[272]. Представители самодержавной власти несколько упрощенно понимали это так, что царь любит народ свой и отечески о нем заботится, зная, что тому нужно, а народ платит ему ответной любовью и покорностью. То, что в начале XX в. это стало иллюзией, доказала февральская революция 1917 г., когда в стране не нашлось общественных сил, готовых выступить в защиту царя.

[271] Готово ли российское общество к модернизации... С. 91–92.
[272] См.: *Хомяков Д.А.* Православие Самодержавие, Народность. Монреаль, 1983. 231 с.

Еще одно заблуждение власти того времени – отношение к крестьянской общине. В литературе очень много писалось об иллюзиях народников по отношению к крестьянам. Но на поверку оказывается, что и официальные властные институты заблуждались на их счет. Когда в 1902 г. С.Ю. Витте, тогда министр финансов, создал специальную комиссию с целью введения личной собственности в деревне, что предполагало разрушение общины, ему этого сделать не позволили. Как он сам позднее писал, противоборствующие силы провозгласили крестьянскую общину особенностью российского общества, и посягать на нее – значило разрушать «цемент русской народной жизни»[273]. Самодержавие полагало, что община кроме хозяйственных функций выполняет еще и полицейские, и разрушение ее приведет к неуправляемости многомиллионой массы крестьян. Иллюзия покорности и управляемости была разрушена активным участием деревни в Первой русской революции, после чего П.А. Столыпину позволили сделать в отношении общины то, что не позволяли С.Ю. Витте.

Сегодня много говорят о «национальной идее», сплачивающей общество, и очевидно, что ведется целенаправленная политика по ее формированию. Посмотрим на конституирующие смыслы, вокруг которых она строится. Будучи Президентом Российской Федерации в первом своем сроке, Владимир Путин заявлял: «Основная Национальная идея сейчас в России – это патриотизм и благосостояние, гарантированные государством». Сами по себе идеи превосходные, вопрос только в том, обладают ли они, с точки зрения социосинергетики, потенциалом аттрактивности.

Согласно одному из определений, патриотизм (греч patris – отечество) – нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, гордость за его прошлое и настоящее,

[273] См.: История России в вопросах и ответах : учеб. пособие / сост. С.А. Кислицин. Ростов н/Д., 2001. С. 342.

готовность подчинить свои интересы интересам страны, стремление защищать интересы родины и своего народа[274].

Итак, патриотизм – это и идея, и чувство; идея может сопрягаться с чувством и тогда будет обладать свойством аттрактивности, а может и не спрягаться и останется лозунгом. Не случайно патриотизм приобретает актуальность в моменты опасности для целостности общества и государства. Лучшие страницы отечественной истории, которыми мы гордимся по праву, связаны с борьбой с врагами отечества: армией Наполеона, гитлеровскими войсками. Но в каждом ли из военных столкновений, в которых приходилось участвовать россиянам, мы проявляли высокий градус патриотизма? Л.Н. Толстой сокрушался, что в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. россияне его не проявили и сдали Порт-Артур. «Мне странно, – писал он, – что у моих сыновей нет патриотизма... Я вижу молодых людей, которым это нипочем... В наше время этого не было бы. Умереть всем, но не сдать»[275]. П. Струве уже по итогам войны и революции констатировал в 1910 г., что общественные силы сейчас «стали перед необходимостью напрячь все усилия для того, чтобы зажечь и организовать угасший в народе патриотизм»[276]. В годы Первой мировой войны, несмотря на наличие очевидного врага, армия как часть общества не только не сплотилась, но была полностью деморализована, и революционные агитаторы находили понимание своей пропаганде. Как поражалась просвещенная часть российского общества, верившая в исконный патриотизм русского народа, когда этот народ позволил большевикам отдать значительную часть российской территории по Брестскому миру!

Приходится признать, что патриотизм нашего народа носит нерефлексивный характер. Сознание не направлено на осмысление того, что есть патриотизм и какое значение он имеет. Это характерно для

[274] Патриотизм [Электронный ресурс] // Энциклопедия социологии. Электрон. дан. URL: http://slovari.yandex.ru/~книги/Энциклопедия%20социологии/Патриотизм/
[275] Цит. по: *Подласый И.П.* Педагогика. М., 1999. Кн. 2. С. 173.
[276] Там же. С. 173.

интеллектуалов, для которых привлекательная идея способна заместить собою чувство. И когда интеллектуалы формулируют национальную идею, а она вдруг не сопрягается с чувством народа, они очень «удивляются» и даже не хотят этого признавать.

Значит ли это, что патриотизма у нас нет вообще? Конечно, не значит. Если враг придет на нашу территорию, если он вдруг окажется у ворот нашего дома, без всякой рефлексии того, что есть патриотизм, мы возьмем вилы. Но не иначе. Русско-японская война задумывалась В.К. Плеве как «маленькая и победоносная», которая сплотит российское общество, задушив в нем нарастающую революционность. И что из этого получилось? Война с Наполеоном и Гитлером велась на нашей территории. Русско-японская война и Первая мировая воспринимались как идущие за пределами нашего порога.

В приведенных выше выкладках есть уязвимый момент. Процесс нациестроительства в начале двадцатого века не был завершен, а в начале двадцать первого его можно считать завершенным. Высшая форма этнической общности характеризуется в том числе тем, что в ней есть осознанная идейная составляющая, та самая национальная идея, составной частью которой является патриотизм. Вернемся теперь от истории собственно к социологии.

В своем исследовании по программе «Человек советский» Ю. Левада обращает внимание на очевидную консервативность стереотипов сознания. С его точки зрения, ситуация глубокого перелома, в которой уже 10 лет пребывает общество, «не столько формирует новые, не существовавшие ранее ориентиры и рамки общественного сознания, сколько обнаруживает, выводит на поверхность его скрытые структуры и механизмы»[277]. И очевидное оказывается парадоксальным. То, что видится как будто простым глазом, на поверку оказывается не бесспорным. На данный вывод Ю. Левады обратим особое внимание. То, что кажется очевидным с точки зрения

[277] *Левада Ю.А.* Сочинения : проблема человека. М., 2011. С. 74.

спекулятивного мышления, как патриотизм, например, подвергаясь социологической исследовательской процедуре, зачастую оказывается зыбким, неверифицируемым. Замеры показали, что россиянин в меньшей степени связывал понятие Родина с государством, а в большей – с местом, в котором он родился. Это как раз то место, которое он готов защищать, если на него покусится какая-либо сила.

Изменилось ли что-нибудь на сегодняшний момент? По результатам исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян», Российская идентичность – исторически быстро формирующаяся. Ещё по опросам 2004 г. она по масштабам интенсивности, очевидно, уступала и этнической идентичности, и общности людей по взглядам на жизнь, и профессиональной, и локальной идентичности. Тогда россиянами называли себя 78% опрошенных, а сильную связь отмечали (часто чувствовали себя россиянами) – 31%. На апрель 2011 г., определяя свою идентичность, 95% опрошенных в стране в той или иной степени воспринимают себя как «граждане России», из них 72% ощущают свою общность с гражданами России «в значительной степени»[278].

Однако авторы доклада справедливо отмечают, что важны основания интегрированности. То, что государство – общий дом для российских народов, все они должны обладать равными правами, никто не должен иметь никаких преимуществ, в 90-е гг. было точкой зрения очевидного большинства россиян (64–65%). В 2011г. доля её сторонников сократилась до 47%. Зато доля людей, которые полагали, что «Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав», выросла вдвое (с 14 до 31%), а вместе с теми, кто считает, что «Россия должна быть государством русских людей», они составили 45% (25% в 1995 г.)[279]. Для россиян сегодня актуально «против кого дружим?» и на кого обижаемся, т.н. негативная идентичность.

[278] Двадцать лет реформ... С. 202.
[279] Там же. С. 207–208.

Патриотизм – это не только гордость за историческое прошлое своей страны, к которой постоянно взывает официальная пропаганда. Это чувство защищенности, безопасности, которое возникает именно у себя дома, чего сегодня нет. Утрату чувства стабильности и безопасности как наиболее значимую потерю для себя лично в 2011 г. указывало более четверти россиян[280]. Патриотизм – это желание строить жизненные планы, связанные с проживанием именно в своей стране не только себя самого, но и для своих детей. «Российская газета» от 26.08.2010 г. разместила на своих страницах данные исследовательского центра рекрутингового портала Superjob.ru, который провел опрос 1000 представителей экономически активного населения страны о том, какое государство привлекает их в качестве второй Родины. 73% респондентов ответили, что если бы имели возможность жить в любой стране мира, покинули бы Россию. И только 23% оказались патриотами[281].

Любопытны комментарии, которые оставили после данной публикации пользователи сети Интернет (отзывы учтены на 06.06.2011 г. – Н.М.) Обратим внимание, что в отзывах содержится не только ответ на вопрос, где бы вы хотели жить, но и отношение к тому, что 73% россиян не хотят жить в своей стране, а также попытки объяснить себе и другим, почему не хотят.

Всего представлены 77 отзывов. 8 из них не содержат прямого ответа на вопрос, где бы они хотели жить, представляют собой скорее эмоциональный отклик на входящую информацию. Это 10,4%. Хотели бы жить в России 19 человек (24,7%); хотели бы жить в России, но не такой, как сейчас 7 человек (9,1%); не хотели бы жить в России 43 человека (55,8%). Итоговые цифры опроса и отклика на опрос разнятся, но не слишком. По опросу однозначное желание жить в России выразили 23% респондентов,

[280] Двадцать лет реформ... С. 26.
[281] 73 процента россиян не хотят жить в своей стране. [Электронный ресурс] // Российская газета. 26.08.2010. Электрон. дан. М., 2010. URL: http://www.rg.ru/2010/08/26/opros-anons.html

в откликах 24,7%, результаты тех, кто хотел бы жить в другой стране и другой России допустимо сложить, поскольку и там, и там выражено нежелание жить именно в этой стране.

Обратим внимание на то, что субъекты Интернет-пространства, а именно они оставляют свои отзывы на информацию, размещаемую в сети, социально активны, в том числе входят в социально активные возрастные когорты, готовы вступать в новые межличностные контакты и социальные взаимодействия. В Интернет-пространстве они более открыто, чем в реальной жизни, выражают свою общественную позицию, поскольку Интернет даёт им ощущение своей анонимности и безопасности. Их мнение по тем или иным вопросам может быть типичным собственно для среды Интернет-пользователей. Вероятно, именно они являются носителями рефлексивной аномии, ценят свободу выбора, самовыражения и нелинейно реагируют на управленческие усилия властей. Исследуя Интернет-пространство, нельзя изучить общественную позицию всех реальных социальных общностей и групп, но такие исследования особенно важны для структурно ориентированных социологических подходов. Общественная позиция наиболее социально активных граждан может быть более важной при изучении социальных процессов, ведущих к изменениям в системе.

Недавние события в арабском мире, имеются в виду «революции Fase-book», прокатившиеся волной по северной Африке и Ближнему Востоку, инициированные, как известно из социальных сетей, свидетельствуют о самоорганизационных процессах, протекающих в Интернет-пространстве и объективирующихся в реальности. Применяя социосинергетический подход к изучению социальной системы, можно сказать, что именно здесь возникают аттракторы, притягивающие вектор развития системы в целом. Становится очевидным, что коммуникации, устанавливаемые в виртуальном пространстве, имеют тенденцию к объективации. В виртуальном пространстве разворачивается реальная жизнь.

Почему же представленная группа россиян не хочет жить в собственной стране? Обращаем внимание, что нижеприведенные выкладки используются для приближения к проблеме, определения ее контуров, а не для строгого научного анализа. Для обобщения выбраны смысловые элементы, повторяющиеся в ответах. Не все респонденты объясняли свою позицию, почему они не хотят жить в этой стране, к сожалению, с психологической точки зрения, они даже не нуждаются в рационализации, т.е. самооправдании. Итак (часть высказываний перефразированы, объединяясь по смыслу):

1. «Власть живет не по закону, а от народа требует, чтобы он закон соблюдал» – 6
2. «Коррупция (жулье, казнокрадство)» – 4
3. «Хочется бежать из этой страны» – 4
4. «Не хочу жить в военно-полицейском государстве» – 2
5. «Не устраивает власть» – 2
6. «Страна рабов (народ), страна господ (чиновники, депутаты, олигархи)» – 2
7. «России русские не нужны» – 2
8. «Бездарность чиновников, их наглость и алчность» – 1
9. «Хочу забыть не Родину, но государство, как страшный сон» – 1
10. «Страшно за будущее ребенка» – 1
11. «Вранье» (из контекста со стороны власти – Н.М.) – 1
12. «Нищета, издевательство над народом» – 1
13. «Все делается не для людей, а против них» – 1
14. «Хочется уважения к человеку» – 1

Обратим внимание, что все ответы мы можем разделить на две группы. К первой будут относиться ответы, сгруппированные в пунктах 3, 7, 10, 13, 14. Они представляют собой эмоциональный выплеск, негативно окрашенный, безадресный. Вторая группа ответов – 1, 2, 4, 5, 6, 8, 9, 11, 12 –

содержит информацию о том, что конкретно вызывает негативное переживание своей социальной идентичности, и что (кто) это переживание провоцирует. Очевидно, что негатив связан с властью и всеми, кто ее олицетворяет, в первую очередь чиновничеством как социальной общностью. Из анализа ответов видно, что в первую очередь протест респондентов вызывает двойственность российских стандартов в отношении законов, власть живет не по закону, а от народа требует, чтобы он закон соблюдал, во вторую – коррупция в чиновничьей среде. Далее упоминаются «военно-полицейский» режим, вранье, наглость. Любопытно, что бедность (в ответе «нищета») как важнейшая причина желания уехать звучит в ответах единожды. Более того, среди тех, кто хочет жить в России, есть замечания (2 человека), что зарабатывать при этом они хотели бы за пределами Родины, но навсегда уезжать не хотят. Есть стереотип, что россиян не устраивает в родной стране низкий по сравнению с передовыми образцами уровень жизни. Анализ приведенных материалов свидетельствует, что россиян не устраивает в первую очередь низкий уровень собственной правовой защищенности и коррумпированность властных структур.

Данный вывод совпадает с результатами исследования по программе «Готово ли российское общество к модернизации». В качестве ключевой идеи развития страны большинство россиян называет создание такого общества, в котором были бы обеспечены законность и правопорядок, что невозможно без действительно бескомпромиссной борьбы с коррупцией. В этом абсолютно едины и модернисты, и традиционалисты, представители всех возрастных и социальных групп.

Одним из главных признаков российского варианта аномии исследователи называют «правовой нигилизм» – отрицательное отношение к праву как социальному институту, пренебрежение и сознательное игнорирование правовых норм. Это не только образ действий, но и состояние умов и даже подсознательное сопротивление любым нормативным

ограничениям, идущим сверху. Тотальность проявлений **безнормности** связывают с разрушением **ценностного обоснования** права.

Ю. Левада в анализе данных по программе исследований «Советский человек» не раз подчеркивал, что особенностью состояния российского общества является отсутствие общезначимых критериев оценки человеческих действий. Доминируют прагматические, утилитарные, партикуляристские ценностные ориентации. Считается оправданным то, что полезно конкретному субъекту действия. Нормативные (правовые, в том числе и государственно-правовые, конституционные) рамки рассматриваются с точки зрения той же «полезности», что многократно было подтверждено зондажами общественного мнения[282].

Еще дальше в своих исследованиях идет В.В. Кривошеев. Он пишет о «небывалой криминальной насыщенности общества». «Криминализация общества – это такая форма социальной аномии, когда стирается сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения, действия»[283]. Право как ценность утрачивает свою привлекательность, считает исследователь, подменяется групповой целесообразностью, своеволием.

Что при этом происходит с пресловутым «правовым нигилизмом» россиян в последние годы? С одной стороны, в 2010 г. было отмечено, что практически по всем позициям, отражающим отношение россиян к закону, за последние 15 лет произошли изменения, свидетельствующие об уменьшении их правового нигилизма и росте готовности воспринимать «писаное право» как социальный регулятор[284]. И хотя группа считающих, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет – главное, чтобы это было справедливо, по-прежнему самая многочисленная, все же впервые за время наблюдений она стала составлять менее 50%, сократившись примерно на

[282] См.: *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию: социологические очерки… 576 с.
[283] *Кривошеев В.В.* Особенности аномии в современном российском обществе… С. 96.
[284] Готово ли российское общество к модернизации… С. 46.

четверть в относительном выражении. Сократилась и доля увязывающих необходимость соблюдать закон с тем, насколько законопослушны представители органов власти. Зато выросла доля тех, кто полагает, что всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реальностям. Но, как свидетельствует исследование 2011 г. наметилась другая тревожащая тенденция: толерантность к таким неправовым практикам как «сознательный обман кого-то для достижения своих целей», «допущение взяток» у молодежи до 35 лет. Притом что абсолютно безнравственной эту социально-демографическую общность назвать нельзя, у нее есть собственные табу. Растет в молодежной среде, например, отрицание наркотиков, видимо, вместе с осознанием их угрозы[285]. Приходится признать, что наше общество, насквозь пронизанное неправовыми отношениями, взрастило «нездоровое поколение».

Причиной правового нигилизма россиян может являться принципиальное несогласие массового сознания с наличием двойных стандартов в российском обществе: обязательности соблюдения правовых норм внизу и необязательности в верхних слоях общества. Несмотря на то, что бинарность нормативно-ценностных регуляторов может считаться свойством любых социокультурных систем и эпох, именно сознание россиян в меньшей степени склонно с этим считаться. Возможно, это проистекает из особенностей нашей ментальности, таких как противопоставление истины правде, которую отмечали русские религиозные мыслители, например П.А. Флоренский в произведении «Столп и Утверждение Истины»[286], «анархическое свободомыслие» и «правдолюбие», подчеркнутые Н.А. Бердяевым, а так же максимализм русского народа и стремление русской души к целостности у него же. «Для русского сознания важно не

[285] Двадцать лет реформ... С. 274–275.
[286] *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. 1914. 496 с.

отношение к принципу собственности, а отношение к живому человеку»[287], – эта мысль Н.А. Бердяева совпадает с высказанным уже ранее положением, что россияне могут оставаться вполне равнодушными к отвлеченной идее, если она не сопрягается с чувством, укорененном в более глубоких пластах психики.

Философский стиль мышления достаточно умозрительный, спекулятивный, он сам может сотворить стереотип общественного сознания, который, тем не менее, будет очень живуч в культуре, но на поверку не иметь в самом сознании глубоких корней. Как можно измерить это «правдолюбие» россиян? Очень интересный материал по этому вопросу содержится в работе К. Касьяновой «О русском национальном характере»[288]. Автор рассматривает в ней социальные, этнические и архетипические стороны русского национального характера, опираясь на исследовательские подходы научной школы «культура и личность». Исследование базируется на эмпирических данных, полученных путем сравнения усредненных характеристик русских и американцев по шкалам Миннесотского многоаспектного личностного опросника (MMPI). Исследование выполнено на основе сопоставления русского и американского характеров. И в том, и другом случае реконструируется типичная для данных обществ модель поведения как определенный выбор, обусловленный устойчивыми личностными качествами, которые сформировались в популяции благодаря влиянию соответствующей культуры. На американском материале реконструируется личность модальная (типичный американец, вне зависимости от этнических корней); в российском – базовая или культурная личность (россиянин русской этничности или определяющий свою национальную идентичность через русскую этничность).

[287] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма… С. 50.
[288] *Касьянова К.* О русском национальном характере… 560 с.

В исследовании ставятся задачи сравнить свои «социальные архетипы» с американскими по одним и тем же переменным, показать, что главные принципы, на которых основываются наши модели поведения, различны, доказать, что наша культура исходит из другого представления о мире и месте человека в нем, а потому она задает иную модель поведения. Общая задача – «Получить некоторое знание о самих себе и о своей культуре посредством сопоставления рядов эмпирических данных и их интерпретации»[289].

Один из выводов работы состоит в признании за русскими так называемого «судейского комплекса». Мы являемся явными носителями «судейского комплекса» (показатели мужчин на 16% превышают среднеамериканские показатели, женщин на 20%). Комплекс включает в себя правдоискательство, стремление к абсолютной истине, стремление примерять ее как шкалу ко всем обстоятельствам, людям и поступкам. И в этом своем стремлении к абсолютной истине мы, с точки зрения автора, «эпилептоидно упрямы». А если на нас давить и навязывать нам что-то этой истине противоположное, то мы сначала уклоняемся, а потом можем взорваться[290].

По мнению К. Касьяновой, «судейский комплекс» для нашей культуры – способность «отвлекаться» от непосредственных субъективных побуждений, желаний и потребностей момента и стремление руководствоваться принципами, которые в сознании человека обосновываются некоторой вечной и объективной истиной. «Мы всегда остаемся волюнтаристами, и при анализе поступка идем не от ситуации и состояния человека, а от его намерения, установки, т.е. от смысла совершенного им поступка, и по этому смыслу определяем его отношение к объективной истине. Именно этот архетип – «судейский комплекс» – по-видимому, играл и играет в нашей культуре «негэнтропийную» роль: он активно и

[289] *Касьянова К.* О русском национальном характере… С. 119.
[290] Там же. С. 252.

последовательно противодействует тенденциям к распаду ценностно-нормативных этических представлений»[291].

Возможно, невыполнение норм, тот самый пресловутый правовой нигилизм, является формой протеста против существующих двойных стандартов, противоречащих «абсолютной истине». Ю. Левада, анализируя результаты опроса по программе «советский человек», задавался вопросом, почему российскому обществу свойственно молчаливое терпение; мы предлагаем сформулировать проблему по другому: почему российскому обществу свойственен молчаливый протест. Игнорирование предлагаемых сверху правил организации общества является проявлением этого молчаливого протеста. В данной работе уже приводился ряд доказательств того, что для российских властей всегда был характерен неадекватно жесткий ответ на любые инициативы снизу. Выражение протеста было загнанно внутрь как глухое сопротивление власти. Личность ли, общество всегда вынужденно адаптируются к предлагаемым физическим и социальным условиям существования. Как писала российский психолог, лингвист Р.М. Фрумкина, это могут быть попытки с негодными и даже чудовищными средствами. Сюда она отнесла агрессию, самоубийство, вандализм, наркоманию и любое другое девиантное, т.е. отклоняющееся от принятых норм, поведение. В ее интерпретации это неудачные и часто антисоциальные попытки адаптации[292].

Общество есть единство социального и культурного, человек – единство биологического и социокультурного. Ментальность общества преломляет факторы внешнего социокультурного воздействия. И если российское государство последних столетий отечественной истории всегда обладало достаточным аппаратом насилия, чтобы подавлять ростки социального протеста, то общественное сознание вынужденно адаптировалось к этой ситуации, пусть и не всегда «годными», но достаточно эффективными

[291] *Касьянова К.* О русском национальном характере… С. 267.
[292] *Фрумкина Р.М.* Аномия // Знание сила. 1996. № 9. С. 69–79.

средствами. В своем неприятии начинаний, идущих сверху, общество в массе своей прибегает не к открытому протесту, а тихому саботажу.

Ю.А. Левада обосновывает в своем исследовании, что для российского общества как наследие советского периода характерен социальный тип «человека лукавого», который приспосабливается к социальной действительности, ища допуски и лазейки в ее нормативной системе, то есть способы использовать в собственных интересах существующие в ней «правила игры». Автор исследует социальные структуры, формирующие соответствующие типы поведения, и приходит к выводу, что одной из важнейших особенностей советской нормативной системы была принципиальная невыполнимость предъявляемых к человеку требований. Отсюда формирование «человека лукавого» на советский манер. «Абсолютное насилие порождало абсолютную готовность к лукавому приспособлению. Лишенный возможностей для сопротивления, человек торжественно или молчаливо соглашался с императивными предписаниями – и настойчиво искал лазейки, позволяющие их обойти»[293].

Это «двоемыслие», фактически всеобщее и доминирующее лицемерие рационализировалось обществом с точки зрения вынужденной необходимости. Нельзя жить, не нарушая закона, не выражая показной лояльности властям, не поступая вопреки совести. Советские времена закончились, но по данным социологических исследований, проводимых по программе «Советский человек», в целом лукавства в поведении людей за десятилетие, последовавшее за распадом СССР (90-е – Н.М.), стало больше. Произошли изменения в соотношении факторов, которые побуждают людей так поступать. «Человек лукавый» обладает высокими адаптационными возможностями, которые помогают ему выстоять в переломные периоды общественного развития. Но в относительно «благополучные» времена, он «разочаровывает» тем, что не умеет и не желает «играть по правилам» в рамках существующего правового поля.

[293] *Левада Ю.А.* Сочинения: проблема человека… С. 200.

Это «лукавство» как свойственная россиянам приспособительная поведенческая реакция требует крайней осторожности и аккуратности в применении традиционных опросных методов социологических исследований. Так, по результатам опроса, проводившегося в августе 2014 г. Левада-центром, резко отрицательно относятся к введению руководством России запрета на импорт продуктов питания и сельскохозяйственной продукции из стран Европейского Союза и США только 5% респондентов, а признаются, что в результате введения санкций и связанного с этим роста цен вынуждены отказаться от покупки некоторых привычных продуктов – 10% опрошенных[294]. Что за мобилизационное мышление, свойственное военному времени? Нет ли здесь лукавства в ответах, характерного для россиян, по мнению Ю. Левады?

Именно с таким вариантом адаптационного поведения Ю. Левада связывает хрестоматийное «долготерпение» россиян. Особенностью массовой реакции наших граждан на бесконечные испытания, выпавшие на их долю на протяжении по сути всей отечественной истории, является, как показывают социологические исследования, безусловное преобладание терпения над активным протестом, приспособления над бунтом, пассивного недовольства над борьбой за свои права. Как показывает исследователь, это терпение основывается и на отечественной традиции («всегда так было»), и на особенностях национальной психологии («хотим малого, ждем худшего, терпим все» и т.п.), и на неэффективности современных на момент исследования проявлений социального недовольства. С точки зрения Ю. Левады, сами социальные структуры и институты формируют и поддерживают такое парадоксальное взаимодействие недовольства и терпения в обществе; обесценивают массовое недовольство, направляя его в русло пассивного терпения или в сторону поисков «внешнего» источника зла. «Никакой общественный протест не может быть эффективным, – делает

[294] Санкции: оценки и ожидания. [Электронный ресурс] // Левада-центр. Электрон. дан. М., 2014. URL: http://www.levada.ru/28-08-2014/sanktsii-otsenki-i-ozhidaniya оформить как ресурс

вывод автор, – если он не артикулирован, не опирается на определенную структуру сформировавшихся общественных интересов, групп, институтов. И пока эта ситуация не изменится принципиально, социальный протест будет укреплять ресурсы социального терпения»[295].

Прошло уже два десятилетия после краха советской политической и социально-экономической системы, но «лукавства» и «своей правды» в нашей социальной жизни не становится меньше, а правового сознания и поведения – принципиально больше. В чем причина? Любопытно, что россияне, постоянно живущие за границей, пересекая таможню, тут же становятся законопослушными гражданами тех стран, где пребывают. Да, они бывают эмоционально невыдержанными, излишне шумными, но сознательно следуют общепринятым нормам. Стереотип о вездесущей «российской мафии», конечно, существует, но это скорее наследие 90-х, вместе с «братками» и «малиновыми пиджаками». Гипотетически одной из причин сохраняющегося правового нигилизма может быть то, что социальные институты по-прежнему структурируют молчаливый протест в форме саботажа институционализированных норм. Косвенным подтверждением этого является признание, что основными причинами нежелания жить в родной стране являются беззаконие и коррумпированность властных структур. Второй возможной причиной, и потенциально весьма опасной, является утеря капитала «социального доверия» российским обществом.

Понятие социального капитала ввел в социологию П. Бурдье своей статьей «Формы капитала» (1983). В данном исследовании это понятие используется в трактовке Дж. Колмана, изложенной в работе «Социальный капитал в производстве человеческого капитала» (1988)[296]. Социальный капитал является общественным благом и предполагает социальный контракт, набор социальных норм, базовый уровень доверия в обществе. Он

[295] *Левада Ю.А.* Сочинения: проблема человека… С. 196.
[296] *Coleman J.* Social Capital in the Creation of Human Capital // American J. of Sociology. 1988. № 94. P. 95–121.

уменьшает издержки в процессе координации совместных действий, отчасти замену правил и бюрократических процедур отношениями доверия, неформальными нормами, которые усваиваются в процессе воспитания и образования. Социальный капитал, как и любая другая форма капитала, должен приносить свои дивиденды. На уровне общества (само понятие более разработано в применении к групповому уровню общественной организации – Н.М.) ими становятся облегчение социального контроля и передачи социального опыта, солидарность, удешевление бюрократической машины. Теория социального капитала до конца не разработана, особенно в части его измерения и влияния на социальные процессы, но как объяснительное понятие является крайне привлекательным. В общественном сознании россиян, возможно, разрушен кредит доверия по отношению к власти, да и между различными социальными группами и слоями.

Недоверие к власти, как было показано выше, складывалось на фоне негативного социально-исторического опыта. О разрушении доверия между общественными группами и слоями может свидетельствовать отсутствие в современном российском обществе персонифицированного в личности или социальной группе положительного социального идеала.

«Идеальный герой и есть концентрированное выражение социальной нормы. По существу, безгеройное время – это показатель неопределенности нравственного выбора. Отсюда один шаг до аномии»[297], – замечает Р.М. Фрумкина. В Российской империи, например, таким персонифицированным идеалом был царь. От царя-батюшки ждали отеческой заботы, надеялись, что он придет и всех рассудит, защитит крестьян от произвола бояр и т.п. Целенаправленно формировала положительный социальный идеал советская идеология: павки корчагины, александры матросовы, бамовцы и пр. Сегодня об этом энтузиазме, пафосе созидания, чувстве идентичности с подобными социальными образцами не случайно вспоминают с ностальгией.

[297] *Фрумкина Р.М.* Аномия… С. 70.

«Здоровому» обществу необходимо иметь подобные нравственные ориентиры, персонифицированные неким социальным типажом или группой: благочестивый монах, благородный рыцарь, трудолюбивый и скромный в быту буржуа, комсомольцы-добровольцы. Есть ли потребность в таких нравственных социальных образцах сегодня? Вероятно, есть.

Это объясняет, например, результаты замеров общественного мнения, проводимых Левада-центром по вопросу одобрения деятельности правительства России и деятельности лично премьера правительства 15–18 апреля 2011 г. По результатам опроса в целом одобряют деятельность правительства 48% опрошенных, не одобряют 50%. В целом одобряют деятельность премьер-министра 71%, не одобряют 27%. Получается, что деятельность правительства вызывает неодобрение половины взрослого населения России, но лицо, руководящее деятельностью этого правительства, встречает поддержку подавляющей части опрошенных. Возникает вопрос, что есть премьер правительства в отрыве от деятельности этого правительства и почему на нем не персонифицируется ответственность за неудачи возглавляемого им кабинета? Многие усматривают в этом живучесть в российском сознании мифологемы все того же царя-батюшки, от которого подлые бояре скрывают правду о бедственном положении народа. Но все же необходимо делать поправку на историческое время. Можно предположить, что в этой иррациональной «любви» реализуется неудовлетворенная потребность в «герое нашего времени» в ситуации нравственного вакуума, в которой оказалось наше общество. Социум не может самосохраняться без слоев и групп, способных поддерживать символические и поведенческие образцы, т.е. быть теми самыми аттрактивными структурами, определяющими конфигурацию порядка в системе. Напомню один из выводов к третьему параграфу первой главы данной работы: ценности и нормы должны репрезентировать группы, обладающие социальным капиталом.

Если говорить стереотипами массового сознания, очевидными в информационном контексте нашего общества, то чиновничество полностью дискредитировало себя. Жажда власти, так же как и жажда богатства, нашей культурой не легитимируется. В общественном сознании чиновники самого разного рода всегда плохи: алчны, корыстолюбивы, не думают о благе народа, только о личном. При этом они не слишком умны и дальновидны. Приличному человеку негоже идти в чиновники. Мы сначала общественным мнением не пускаем приличных людей во власть, а для «приличных» общественные ценности всегда сильнее, а потом предъявляем претензии к тем, кто по определению менее щепетилен, почему они не соответствуют нашим же ценностям. Люди же приличные, все же во власти оказавшиеся (какое отличие от советского периода, там кооптировали лучших во власть, апеллируя к чувству долга, другое дело, что с ними система потом делала своим формализмом, равнодушием и ложью), отгораживаются от этой общественной нелюбви и неуважения корпоративными перегородками. Нашему управленческому аппарату без чего-то подобного конфуцианству, наверное, из этой трясины и не выбраться.

Авторитет армии, где офицерский состав закрывает глаза, а то и прямо поощряет дедовщину, в мирное время можно поддерживать лишь искусственно через официальные СМИ, не говоря уж об авторитете иных силовых структур. Крупный бизнес вкупе все с теми же чиновниками «разворовывает страну». Средний и мелкий бизнес задавлен налогами, а если кому-то и удалось преуспеть, то, как историческое наследие советского периода, да и 90-х годов, в сознании общества всегда присутствует подозрение, что любое богатство не без греха, что честным путем у нас большие деньги не заработаешь. Авторитет «человека труда» низок как никогда, поскольку из всего спектра возможной легитимации его ценности у нас осталось только утверждение его необходимости для экономики страны. Кто остается? Интеллигенция?

Российская интеллигенция, как не раз подчеркивалось, весьма специфична и, как весь российский народ, с весьма изломанной исторической судьбой. Столкнувшись все с той же неадекватно жесткой позицией власти по отношении к ее желанию просвещать народ, русская интеллигенция начала революционизироваться, сформировалась как раскольническая, противопоставляя себя власти по типу «мы–они». «В то время как на Западе просвещение и культура создавали какой-то порядок, подчиненный нормам – хотя и относительный, конечно, порядок, – в России просвещение и культура низвергали нормы, уничтожали перегородки, вскрывали революционную динамику», – писал Н.А. Бердяев [298].

Так распорядилась историческая судьба, что интеллигенция у нас не скрепляет, а скорее расшатывает. Интересно поразмыслить, с точки зрения синергетической методологии, не были ли ожидания интеллигентов XIX – начала XX в., связанные с революцией, и чрезмерная жестокость власти тем резонансным когерентным воздействием на общество, которое в конечном итоге расшатало систему? Любопытно, доказывая неотвратимость русского коммунизма, Н.А. Бердяев ссылается на то, что большевики больше соответствовали и русскому национальному характеру, и традициям власти: «В характере Ленина были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе»[299]. «Он (В.И. Ленин – Н.М.) отрицал свободы человека, которые и раньше неизвестны были народу, которые были привилегией лишь верхних культурных слоев общества, и за которые народ совсем не собирался бороться. Он провозгласил обязательность целостного, тоталитарного миросозерцания, господствующего вероучения, что соответствовало по навыкам и потребностям русского народа в вере и символах, управляющих жизнью.

[298] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма… С. 71.
[299] Там же. С. 94.

Русская душа не склонна к скептицизму, ей менее всего соответствует скептический либерализм. Народная душа легче всего могла перейти от целостной веры к другой целостной вере, к другой ортодоксии, охватывающей всю жизнь»[300]. Можно не соглашаться со всеми выводами Н.А. Бердяева, но идея о том, что большевики больше резонировали с ментальными установками русского народа, чем интеллигенция и буржуазия, является перспективной с точки зрения социосинергетики для объяснения событий октября 1917 г. и последующего периода.

Сегодня отношение к интеллигенции в среде исследователей противоречивое. И поскольку данная среда сама по себе насквозь интеллигентская, ее позицию вполне можно рассматривать как кризис самоидентификации. В.Г. Федотова, с одной стороны, пишет о поражении этой социальной общности на общенациональном рынке культуры и торжестве масс, порвавших с «чуждой интеллигентской культурой», а с другой, предлагает сделать ставку на интеллектуальную и нравственную элиту. «Сегодня опорой нашего общества может стать нравственный индивид, являющийся носителем тех норм, которые могут вдохновить других людей и быть институционализированы в обществе»[301].

К. Касьянова, с одной стороны, считает, что интеллигенты всегда строили культуру «мимо» представлений народа, не учитывая, не понимая их, а с другой, называет миссией интеллигенции формулирование социально-нормативного каркаса нации. «Будущая нация должна воспринимать вырабатываемые интеллигентами идеи и принципы как выражение собственных представлений и убеждений. Другими словами, интеллигенты должны выявить и сформулировать некоторые важные принципы и основы национального характера»[302].

---

[300] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма… С. 115.
[301] *Федотова В.Г.* Хорошее общество… С. 84.
[302] *Касьянова К.* О русском национальном характере… С. 25.

Н.Е. Покровский говорит о самоисчерпании российской интеллигенции как значимой социальной группы[303], поскольку она не исполнила свою историческую роль проводника нравственного сознания. Он пишет об углубляющемся кризисе нравственных ценностей российского общества, о разрушении единого поля нравственных ориентиров. Автор предлагает систему нравственных принципов, которые могли бы нейтрализовать аномию и консолидировать общество: уважение к личности, уважение к труду, трудолюбие как самодостаточная нравственная норма, уважение к профессии и знаниям, уважение к нравственности и духовным ценностям, ограничение потребностей, справедливость, но вопрос о том, кто мог мы стать «проводником» этого нравственного сознания, повисает в воздухе Другими словами, интеллигенция свой народ до конца не понимает, но должна повести его за собой в нравственном плане, потому что больше некому.

Данные социологических исследований также показывают некоторое ухудшение отношения к интеллигенции со стороны других социальных и социально-профессиональных общностей. К 2010 г. доля рассматривающих ее как способствующую развитию страны за 12 лет сократилась на 3%, а как препятствие в этом развитии – выросла за эти годы с 5% до 9%[304]. Это же исследование показывает, что положительно оценивают роль друг друга в развитии России попарно рабочие и крестьяне, предприниматели и руководители разных уровней[305], при этом представители других социальных групп оценивают эту роль по-разному. Мы наблюдаем формирование интеграционных связей по горизонтали социальной структуры при очевидном отсутствии их по вертикали. Пониманию того, что у каждой социальной группы свой функционал по отношению к системе в целом, что-то мешает складываться. В отношении госчиновников и сотрудников

[303] См.: *Покровский Н.Е.* Транзит российских ценностей…
[304] См.: Готово ли российское общество к модернизации… С. 132.
[305] Там же. С. 128–129.

различных правоохранительных органов, как показывает обследование, этому мешают обвинения их в коррумпированности. Однако очевидно, что без самоорганизационного формирования взаимозависимостей между элементами системы, такими как различные социальные и социально-профессиональные общности, энтропия системы, с точки зрения синергетики, будет только нарастать.

Может быть, российское общество настолько жестко иерархично, организационно соподчинено по вертикали, что представить социальную общность, которая бы самостоятельно выработала представление о собственной социокультурной роли в обществе и проводила эти представления в жизнь без санкции сверху, невозможно? Эта одна из проблем российского общества, требующая дальнейшего самостоятельного исследования.

Поскольку аномия – это не просто объективное состояние социума, но и переживание этого состояния, anomia как состояние индивидуальной депривации, то она проявляется через общественную апатию и анархию, что особенно актуально для нас. Апатию как свойство массы, «молчаливого большинства» концептуально разработал Ж. Бодрийяр. Апатичной, по его мнению, масса стала на этапе современного общества из-за своего господства, утеряв социальное. «Рациональная коммуникация и массы несовместимы. Массам преподносят смысл, а они жаждут зрелища. Убедить их в необходимости серьезного подхода к содержанию или хотя бы к коду сообщения не удалось никакими усилиями… Масса – это те, кто… порабощен стереотипами, это те, кто воспринимает все, что угодно, лишь бы это оказалось зрелищем»[306].

В.Г. Федотова в своей работе «Хорошее общество» обращает внимание, что апатия россиян несколько другого свойства. Феномен массы как продукта массового индустриального производства и объекта

[306] *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства… С. 14.

манипуляции СМИ, можно, конечно наблюдать и у нас. Но для апатии в России есть и другие причины, например, «политическая разочарованность» и «растущая уверенность, что от человека мало что зависит»[307]. Автор резюмирует, что если на Западе апатия в первую очередь психологическая и экзистенциальная, то в России историческая и социальная.

Пассивность пресыщения, как у Ж. Бодрийяра, или форма неявного несогласия, как мы наблюдаем в российском обществе, обе эти трактовки апатии базируются на одной основе – убывании социального смысла, того самого веберовского смысла, который конструирует структуру социальных взаимодействий. А соответственно, апатия – еще одно проявление социальной энтропии, как снижение уровня когерентности во взаимодействии отдельных элементов социума. Апатия и аномия, пассивность и игнорирование норм – явления одного порядка. Так же как и анархия, если ее трактовать так, как это делает В.Г. Федотова: не как движение, а как состояние общественного сознания, в котором имеют значение такие факторы, как разрушенность установлений – норм и правил социального характера, ослабление моральных устоев, потеря структур идентичности. Последнее автор считает наиболее характерным признаком.

Идентичность в традиционной для социологии трактовке, например, у С. Хантингтона[308], – это осознание своей тождественности с какими-либо идеями, принципами, структурами. Она формируется на личностном и групповом уровнях и подвержена изменениям под давлением новых обстоятельств, мнений и других впечатлений. Именно экстремальные социальные ситуации могут разрушать или резко менять идентичность как индивидуальную, так и групповую. Сама идея идентичности появилась на фоне кризиса принадлежности, возникшего из-за убыстрившегося темпа социальных перемен.

---

[307] *Федотова В.Г.* Хорошее общество… С. 147.
[308] *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. 635 с.

Идентичность – атрибут и больших групп в том числе. Например, идентичность россиян – самопонимание себя как нации, отождествление с определенными характерологическими установками, ценностно-нормативным содержанием, культурными стереотипами. Можно различать культурную, социальную, моральную идентичность, – смысловое зерно во всех определениях будет сохраняться единым: идентификация себя с определенными социальными группами, обществом в целом, его ценностно-нормативной основой. Идентичность позиций людей в социальном пространстве делает их похожими в стиле жизни, образцах поведения и т.д., что П. Бурдье называет габитусом (ментальными моделями постижения социального мира)[309]. Очевидность этой похожести заставляет нас придумывать объединяющие этих людей понятия вроде классов, иных социальных групп или ценностно-нормативных конфигураций.

Кризис идентичности как кризис принадлежности – атрибут любых социальных перемен. В.Г. Федотова, например, признает необходимость смены идентичности наиболее трудным, но вынужденным шагом для модернизирующегося общества. Если на уровне самосознания человек не идентифицирует себя с существующим социальным порядком, затрудняется с определением своего в нем места, то уровень социальной энтропии растет, а устойчивость системы снижается. Проблема в том, что эти сопряженные с аномией-энтропией явления – кризис правосознания, апатия, страхи, тревоги, дисперсия социальной идентичности – приняли в российском обществе массовый и затяжной характер. Это меняет социальные качества людей, причем, учитывая стохастический самоорганизационных характер этих изменений, меняет непредвиденным образом.

Ситуация усугубляется тем, что кризис социальный, провоцирующий состояние аномии, сопровождается кризисом культурным – утратой

[309] *Bourdieu P.* Social Space and Symbolic Power… P. 18.

культурой смыслообразующего начала. Эпоха массового потребления создает псевдоощущение своей принадлежности, но самоидентификация происходит не через общие ценности и нормы, а через стандарты потребления. Имиджевая составляющая подменяет собою культурно-смысловую, и это не специфически российская проблема. Но смыслы – это то, что скрепляет общество; нормы, не опирающиеся на глубокие, укорененные смыслы надежной скрепой служить не могут.

Преодоление аномии полностью в принципе невозможно. Она имманентно присуща обществу «быстрых перемен», в котором стремительно меняются социальные структуры, жизненные планы, ценностно-нормативные конфигурации. Более того, если еще раз обратиться к авторитетному мнению Р. Мертона, то он внес «конформизм», согласие с общественными целями и узаконенными способами их достижения в формы девиантного поведения. Развитие общества без осознанного разрешения возникающих противоречий оказывается невозможным. Девиация как отклонение от организованного вектора развития может рассматриваться как проявление самоорганизационной составляющей в системе и может стать ее трендом при условии «выпадения на аттрактор», привести не только к распаду, но к рождению новых, продвинутых, более адекватных историческому моменту форм социальной организации.

Специфика российской аномии состоит в том, что это социальное явление приняло у нас хронический характер в силу затянувшегося «переходного периода» и неудач современного строительства. В результате у современного россиянина нет четких критериев различения добра и зла, истины и неправды, четких жизненных идеалов. Фактически это означает **утрату ценностей**, к которым восходят нормы; в силу развенчания первых, вторые не соблюдаются и мы имеем ситуацию **безнормия**.

В итоге прерывистой исторической судьбы российского общества и политических и социально-экономических просчетов настоящего момента мы получаем:

1) высокий уровень отчуждения общества от власти. При этом представители власти сохраняют иллюзию, что это не так, в результате управленческие решения, принимаемые на всех уровнях, пробуксовывают в исполнении, сталкиваясь с равнодушием, злоупотреблениями, формализмом, «лукавством» в практиках социального поведения, саботажем и правовым нигилизмом. Механизм вроде и работает, ресурсы тратятся, но отдача невелика. Это можно наблюдать это на примере реформ в образовании, здравоохранении и пр. Качественных изменений не происходит;

2) недовольство в российском обществе сегодня главным образом связано не с тем, как осуществлялись реформы в постсоветский период, а с тем, к какому результату они привели: проблемы с законностью и правопорядком, коррупция, отсутствие социальной справедливости, высокий уровень поляризации в обществе по доходу;

3) особая опасность аномии в российском обществе связана с тем, что ее проявления загнаны внутрь из-за того принудительного единодушия, которое долгое время культивировалось и культивируется в нашем обществе, из-за неразвитой структуры возможностей безопасно выражать свою общественную позицию, из-за неадекватности властей в оценке морального состояния общества и чрезмерно жесткого отношения ко всему, что власти оценивают как нарушение общественного порядка. В результате, аномия – это то, что разрушает нас изнутри;

4) на индивидуальном уровне она проявляется в «кризисе правосознания», апатии, страхах, тревогах, дисперсии социальной идентичности;

5) разрушается капитал «социального доверия», нет общностей и групп, представители которых воплощали бы морально-нравственный идеал социума. Между тем, атомизация общества есть проявление социоэнтропийного роста, угрожающего целостности системы. В ситуации ценностно-нормативного вакуума общественное сознание легко поддается манипуляциям различного рода маркетологов, политтехнологов, имиджеологов и других не слишком щепетильных «специалистов»;

6) затянувшаяся ситуация социальной аномии деформирует структуры общественного сознания, делая аномию частью модели мира человека, что придает ей особую устойчивость.

По ходу повествования в данном параграфе мы отметили все признаки, которые заложили в теоретическую модель социальной аномии: кризис ценностей, безнормие, неэффективность механизмов социального контроля, бессилие и отчуждение. Кроме того, российское общество имеет ряд специфических черт, которые, в том числе, требуют и особого подхода к измерительным процедурам. Это такие черты как лукавство, традиция «молчаливого протеста», ведущего к общему правовому нигилизму. О том, что российская аномия – сложная, свидетельствует формирование социальных групп и слоев, нелинейно реагирующих на управленческие усилия властей, а также неоднородный характер развития российского общества.

Остаются вопросы о том, насколько сильно деформировало общественное сознание россиян затяжное состояние аномии и насколько необратимым является процесс рассогласования ценностно-нормативных оснований солидарного общественного существования.

2.3. Значение стереотипов в представлениях о национальном характере россиян

Любой управленческий проект предполагает постижение свойств тех, кем собираются управлять, и к обществу это относится в первую очередь. Понимание особенностей национального характера и специфики его реагирования на изменения социально-исторических условий, как естественных, так и инициируемых организационным путем, – залог успешного проведения реформ. Кроме того, в рамках данной работы важно разобраться, существуют ли какие-то особенности национального характера, которые определяют предрасположенность россиян к аномии, различного рода проявлениям социальной деструктивности.

Национальный характер – это отличительные черты своей национальности от других, совокупность устойчивых психологических качеств, сформированных у представителей нации в определенных природных, исторических, экономических и социально-культурных условиях ее развития. В последние десятилетия, благодаря отечественным медиевистам, в нашем научном словаре закрепилось понятие ментальности, менталитета, разработанное французской школой «Анналов» и используемое сегодня в качестве синонима национальному характеру. Менталитет применительно к социальной группе включает коллективные представления и неосознаваемые установки, ценности, мотивы и модели поведения, стереотипы реакций на внешнюю среду. Долгое время в подходах к его изучению доминировало представление, что различия в национальных характерах народов детерминируются средой. Не умаляя значимости последнего фактора, сегодня исследовательская традиция много внимания уделяет вопросу коллективного бессознательного, специфика которого определяет, как его носители отвечают на вызов среды. Итак, особенности

национального характера определяют способы адаптации этноса к среде и сами, в свою очередь, испытывают влияние средовых факторов.

Для определения коллективных форм бессознательного К. Касьянова в своей работе, посвященной русскому национальному характеру, вводит понятие «социального архетипа» – основы «моральной интуиции личности». Согласно развиваемой ею концепции, ценностная структура личности «погружена» в ее архетипы, а те элементы, которыми личность соприкасается с окружающим миром («типичные действия»), и составляют ее этнический характер, лежащий в основании характера индивидуального. Автор отмечает, что до сих пор исследование ценностей проводилось методом опроса, что имеет границы познавательных возможностей, поскольку не вскрывает глубинные пласты бессознательных структур, связанных с «социальными архетипами»; сама она пытается сделать это, применяя современные личностные тесты. «Силовым полем» ценностных ориентаций автор называет «терминальные» ценности, составляющие как раз «социальные архетипы», к ним тяготеют «инструментальные» ценности как шаги к достижению ценностей «терминальных». Специфика «инструментальных» ценностей в том, что они более осознанны и вербализированы. И именно последние доступны к изучению опросными методами. Но конструирование терминальных ценностей только по инструментальным – процедура сложная и не допускающая проверку[310].

Российский философ, специалист в области синергетики В.Г. Буданов изучает социальное бессознательное, которое он соотносит с коллективным бессознательным как родовое с общечеловеческим. Социальное бессознательное он называет также социальной генетикой, воспроизводимой в культурных образцах, навыках, привычках, стилях мышления и поведения, тем, что прорастает из глубины времен в сегодняшний день и что неизбывно проявится в будущем. Содержание социального бессознательного

[310] *Касьянова К.* О русском национальном характере… С. 102–103.

сгруппировано в социально-исторические архетипы. «Поведение целостной социально-исторической системы определяется небольшим числом *социально-исторических архетипов*, задающих базовые характеристики истории общества, его параметры порядка, если говорить синергетическим языком»[311]. Автор разрабатывает нелинейные модели развития социокультурных психологических архетипов – ценностно-смысловых блоков в укладах жизни, которые отличают разные времена и народы, моделирует развитие плохо формализуемых социокультурных и социопсихологических структур. Модель объясняет динамику социальных архетипов за последние четыре века и дает прогноз на ближайшие десятилетия. Прогнозируются не исторические события, но потенциалы некоторых качеств социокультурных архетипов, которые могут активироваться либо переходить в пассивное состояние. Подход отнюдь не отрицает необходимость социально-экономического моделирования, но скорее дополняет его культурно-историческим прогнозом, без которого картина будущего вряд ли может быть представлена адекватно. Социально-исторические архетипы являются структурами социального поля, которое локализуется на месте бытования общности и «захватывает» отдельных личностей своим притяжением. Раз возникнув, социальное поле живет в личностях помимо их желания и знания о нем.

Обратим внимание, что и «социальные архетипы» К. Касьяновой, и «социально-исторические архетипы» В.Г. Буданова, представляют собой социальную память общности, укорененную в бессознательных структурах ее представителей. Они могут либо активироваться, либо переходить в пассивное состояние, как пишет В.Г. Буданов. К. Касьянова отмечает, что черты характера если и меняются, то крайне медленно, на протяжении многих поколений, и никакие политические и экономические кризисы не

[311] *Буданов В.Г.* Ритмокаскады истории и прогноз развития социально-психологических архетипов России до 2050 года [Электронный ресурс] // Синергетика : сайт С.П. Курдюмова. Электрон. дан. М, 2013. URL: http://spkurdyumov.narod.ru/budanovvl.htm.

могут на этот процесс повлиять. Но меняется проявление черт характера в поведении применительно к меняющейся политической ситуации. Изучение национального характера не отменяет изучение социально-исторического контекста, в котором он проявляется, поскольку он может проявляться по-разному. Исторические процессы актуализируют, притягивают те или иные черты, делая неявными другие. Поэтому судить о национальном характере если и можно, то только в социально-историческом контексте.

Что еще имеет значение при изучении национального характера? Приоритеты, иерархия ценностей. Если рассматривать по отдельности ценности, которые имеются в «ценностном наборе» различных культур, то мы обнаружим удивительную схожесть: ценности семьи, деторождения, образования, служения, долга, верности, порядочности и т.д. Но их конфигурация, приоритеты будут у каждой культуры свои, определяя удивительное культурное разнообразие нашей человеческой цивилизации. «Оригинальность каждой из культур заключается прежде всего в ее собственном способе решения проблем – перспективном размещении ценностей, которые общи всем людям. Только значимость их никогда не бывает одинаковой в разных культурах, и потому современная этнология стремится познать истоки этого таинственного собора»[312], – писал в свое время французский этнолог и социолог К. Леви-Стросс. Российские исследователи тоже единодушны в этом. Крупнейшие специалисты в области социологии культуры предлагают изучать культуру как определенную целостность, полагают, что ее особенности определяются спецификой времени и пространства[313].

Но всегда ли понимание того, что человеческая культура – это некое поле смыслов и каждый этнос собирает на этом поле свой неповторимый букет, да еще и разный в зависимости от сезона, закладывается в

[312] *Levi-Strauss C.* Rasaahistoria. Warszawa, 1961. S. 153–154.
[313] См.: *Егоров В.К.* Культура как двигатель и тормоз глобализации…; *Здравомыслов А.Г.* Тройственная интерпретация культуры и границы социологического знания // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 3–18.

принимаемые управленческие решения? Существует такое стереотипное представление об особом чувстве коллективизма, свойственного русскому этносу. Якобы отечественная модель хозяйственного развития всегда принадлежала к общинному типу экономики. Она развивалась на традиционных ценностях крестьянской общины и артели, на коллективизме, взаимопомощи, трудовой демократии, местном самоуправлении. Эффективный труд мотивировался в ней преимущественно моральными, а не материальными стимулами. Из истории помнится, что иллюзии «духа общинности» придерживались и народники, и Николай II; между тем, наиболее динамичные результаты развития российское хозяйство демонстрировало после столыпинских реформ, вводивших частную собственность крестьян на землю, и в годы НЭПа, опять-таки раскрепощавшего индивидуальную инициативу.

Ю. Левада в своем исследовании[314] обращает внимание: общественное мнение о том, что в России привыкли ставить мнение коллектива выше, чем индивидуальное, существует на уровне деклараций, но в конкретных суждениях респонденты не готовы жертвовать своим суждением в угоду мнению большинства. Отсюда он делает вывод, что коллективизм – явление преимущественно политическое и возрастное, то есть наследие известной традиции. Социологические исследования сегодняшнего дня говорят о том, индивидуалистами западного образца россияне еще не стали, значимость интересов отдельного человека для них не слишком легитимна, даже если речь идет лично о них и их собственных интересах. Однако при этом в массе своей они будут ориентироваться все-таки не столько на интересы коллектива, общества и государства, сколько на интересы своей семьи. Приоритетность происходящего в семье для большинства россиян носит безусловный характер и значительно перевешивает то, что происходит в «большом» мире[315].

[314] *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию… 576 с.
[315] См.: Готово ли российское общество к модернизации… С. 55.

Проблема индивидуализма и коллективизма актуальна не только для отечественной социологии. Например, Дж. Александер, уделяя этой проблеме много внимания в связи с размышлениями о сущности гражданского общества, приходит к выводу: «Гражданское общество парадоксально, это измерение социальной организации, уходящее корнями одновременно в радикальную индивидуализацию и в бескомпромиссный коллективизм»[316]. То есть как начала и коллективизм, и индивидуализм наличествуют в культуре. Вопрос состоит в том, что является приоритетом, какова иерархия ценностей на настоящий исторический момент, какие культурные феномены востребованы обществом. Сегодня странно говорить о свободном рынке, о конкурентных отношениях и при этом апеллировать к коллективистскому началу в национальном характере. Сегодня коллективизм может разворачиваться только как когерентное взаимодействие индивидуальных стратегий, как понимание того, что от успеха коллектива выиграет каждый его участник лично.

Какие еще стереотипы относительно национального характера россиян живы сегодня? Это не праздный вопрос. Стереотипы есть не что иное, как ожидаемые модели поведения, эмоционального реагирования и пр. Эти модели через многочисленные подтверждения, что должно быть так, а не иначе, навязываются обществу. Представим себе школьника-подростка, на которого повесили ярлык местного хулигана. Ему очень трудно освободиться от данной модели поведения еще и потому, что любое его деяние рассматривается сквозь призму: какую «пакость» он еще задумал. Существует стойкий и, естественно, небезосновательный стереотип, что в силу исторической судьбы в россиянах равным образом представлено западное и восточное духовные начала, что позволяет нам пытаться сочетать стремление к достижению западных либеральных ценностей с восточными деспотическими элементами в управлении. Стереотипы как аттракторы

[316] *Александер Дж.* Парадоксы гражданского общества // Социология: теория, методы, маркетинг. 1999. № 1. С. 36.

притягивают актуальное поведение тех, относительно кого они сформированы.

Большой вклад в формирование стереотипных представлений о «структуре русской души» внесли в начале XX в. русские философы, в частности Н.А. Бердяев[317]. Он писал о противоречивости русской души, о ее стихийной, природной силе, широте, безграничности, бесформенности, устремленности в бесконечность, что он связывал с безграничностью русского пейзажа, сложностью, даже катастрофичностью исторической судьбы, столкновением и противоборством в русской душе западного и восточного элементов. С российским православием автор связывал такие национальные качества как догматизм, аскетизм, жертвенность, страдательность, склонность одновременно к ортодоксии или ереси, что тоже является проявлением ее полярности. Русскую душу можно характеризовать только противоречиями: государственный деспотизм и анархическое свободолюбие, национальное самомнение и универсальный дух, жестокость и необычайная человечность, склонность причинять страдания и необычайная сострадательность. По мнению Н.А. Бердяева, это проистекает из вечного конфликта инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа. Это он одним из первых начал говорить об особых надеждах, которые связывал русский народ с личностью царя, о чуждости ему западных понятий о собственности, о характерных для общественного сознания идеях «оправдания страдания» и «цены прогресса»[318].

Эти идеи перетолковывались и перелицовывались в дальнейшем множество раз, они прочно вошли в наше сознание, став составной частью нашей идентичности. «Русская культура расколота, полярна, лишена серединности, как считали многие русские философы…»[319]. Этот же автор

[317] См.: *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма… 224 с.
[318] Там же. С. 33.
[319] *Федотова В.Г.* Хорошее общество… С. 143.

называет характеристики самопонимания, т.е. идентичности россиян: великая бескрайняя страна, способная построить новый мир, догнать и перегнать, победить в войне, быть мостом между Европой и Азией, патриотичное, умное и образованное население. Но! Нехватка порядка, чередование деспотизма и анархии, наличие культурного разрыва между элитой и народом, отсутствие «серединной культуры», т.е. склонность к крайностям, идея справедливости и т.д. А.С. Ахиезер пишет о противоречиях, расколе, несовместимости[320].

В начале XXI в. нам необходима ревизия национальной идентичности. Этого требует исторический момент, так же как это требовалось в начале прошлого века. Новый цивилизационный виток – новые глобальные вызовы. Еще в веке девятнадцатом гениальный Ф.М. Достоевский писал: «У нас дошло до того, что России надо учиться, обучаться как науке, потому что непосредственное понимание ее в нас утрачено»[321]. Его слова можно повторить и сегодня. И не потому, что в России ничего не меняется, а мы, россияне, не учимся на своих ошибках. А потому, что за полтора столетия, прошедшие с тех пор, Россия не раз проходила через точки бифуркации, меняя направленность, темп и ритм развития общественной системы. Возникали социокультурные аттракторы, которые притягивали те или иные качества национального характера, отводя в тень другие, переструктурировались ценностно-нормативные системы. Каждая новая ситуация требует своего переосмысления.

Ревизия национальной идентичности не может состояться без того, чтобы обратиться к мнению самих россиян. Любые умозрительные рассуждения, не будучи подкрепленными измерительными процедурами, возможность которых предоставляет социология, останутся интеллектуальными спекуляциями.

---

[320] *Ахиезер А.С.* Насколько мы разные? // Неприкосновенный запас. 2002. № 6. С. 68–73.
[321] Цит. по Исповедь Кельсиева // Архив русской революции. М., 1991. Т. XI. С. 177.

К. Касьянова в своем исследовании отмечает, что и по самоощущению, и по мнению иностранцев, русские не отличаются ни целеустремленностью, ни индивидуалистичностью. Слабо выражена в нас и черта, которую американцы называют «достижительностью» («целеустремленность», «деловая установка»). Но данные опросника говорят, что мы в среднем имеем бóльшую силу воли и бóльшую упорядоченность, чем американцы. Шкала «сила воли» у нас отклоняется вверх на 12,75% у мужчин и 11,25% у женщин соответственно. По «конкурентности» мы совпадаем со «средним американцем»[322].

Что же касается шкалы «достижительности», то здесь наблюдается очень интересная картина. Люди, которые по достигнутым жизненным результатам являются очевидными «достижителями», оказываются то вверху, то внизу шкалы, то же происходит с «достижителями» слабыми. Автор осторожно формулирует гипотезу, что на нашей выборке эта шкала не работает, что в нашей культуре существуют собственные архетипы целеполагания и целедостижения, не похожие на западные образцы[323].

Разницу в том, что мы есть и что о нас думают, попытались установить с помощью социологического исследования «Самоидентификация россиян в начале XXI века» Татьяна Кутковец и Игорь Клямкин. Опрос был проведен по всероссийской выборке 1600 человек на базе ВЦИОМ по заказу Клуба «2015» исследовательской группой в составе Т.И. Кутковец (автор исследования), А.И. Гражданкина, И.М. Клямкина и И.Г. Яковенко[324]. Основной вывод, который был сделан в ходе исследования, гласит, что большинство наших сограждан ориентируется сегодня на нормы и принципы современной (модернистской) культуры, в то время как политическая и административная элита пытается управлять ими, опираясь на традиционные стереотипы в отношении россиян.

---

[322] *Касьянова К.* О русском национальном характере… С. 183–184.
[323] Там же. С. 185–186.
[324] *Клямкин И., Крутковец Т.* Самоидентификация россиян в начале XXI века // Новые известия. 2002. № 170–171.

На одной стороне – главенство интересов личности, ее прав и свобод над интересами любых общностей, включая государство, на другой – личность подчинена некоему стоящему над ней целому (общине, трудовому коллективу, а в конечном счете – государству). Здесь на первом месте не права и свободы человека-субъекта, а обязанности человека-объекта. С одной стороны, установка на постоянное развитие потребностей и их удовлетворение в свободной конкуренции умений, способностей и талантов, с другой – культивируется заниженность притязаний («нестяжательность»), выживанию отдается предпочтение перед развитием, а свободная конкуренция допускается в локальных сферах или не допускается вообще. С одной стороны, это самостоятельность и персональная ответственность, при делегировании государству общих функций и при контроле общества за их выполнением, с другой – государственный патернализм, государство, берущее на себя роль «справедливого отца», в лице первого должностного лица обожествляется (сакрализируется), государственные служащие несут ответственность не перед населением, а только перед вышестоящим начальством и контролируются не обществом, а лишь репрессивными органами. С одной стороны, это верховенство закона, гарантирующего права граждан и равенство перед ним; последнее обеспечивается в том числе юридической и материальной ответственностью государства за нанесение ущерба гражданам. С другой – закон защищает прежде всего интересы государства, что выводит государственных служащих за пределы реальной ответственности перед населением и неизбежно сопровождается их самоизоляцией от общества, круговой бюрократической порукой. Первый тип культуры, которую авторы исследования называют модернистской, – это культура рационального проживания, легализирующая принципы личного интереса и компромисса на взаимовыгодной основе. Второй тип культуры – «Русская система» – выгоду этически принижает и профанирует, противопоставляя ей идеал бескорыстия, а вместо компромисса культивирует

и возвышает бескомпромиссность, переносящую в мирную жизнь моральный пафос военного времени.

Исследователи видят проблему в том, что ориентация на анахронизмы может являться тормозом общественного развития. Кроме того, именно в этом они усматривают глубинный источник нарастающих в обществе бессилия и отчужденности, т.е. аномии. Общество чувствует и все больше понимает, что все осуществляется помимо его воли и желания, а знания и опыта, позволяющих противостоять такому ходу вещей, у него нет. Даже несмотря на некоторую политическую ангажированность данного исследования, нельзя закрывать глаза на проведенные статистические выкладки, замеры состояния общественного сознания россиян.

Т. Кутковец и И. Клямкин обнаружили, что во всех социально-демографических группах (кроме пожилых людей и респондентов с неполным средним образованием) их представители из 14 предложенных качеств очень часто в числе своих главных личных особенностей называют способность к саморазвитию вопреки притеснениям и запретам власти. Более того, во всех этих группах данное качество вышло в первую тройку наиболее высоко ценимых. Благодаря СМИ и собственному опыту россияне хорошо осведомлены о нынешнем правовом беспределе, а значит и о том, что «сильное государство», «вертикаль власти» и «диктатура закона» оказываются с этим беспределом вполне совместимыми. Но главную его причину они видят не в том, что «народ не тот», и даже не в плохих законах, а в том, что законы нарушаются самой властью – теми людьми, которые по долгу службы должны гарантировать их соблюдение. Так считают 78% респондентов.

Обратим внимание, что одной из главных проблем российского общества, судя по результатам вышеприведенного исследования, является нарушение законов представителями власти, что совпадает с теми выводами, которые уже делались по ходу данной работы и усиливает их.

Второй важный момент: из результатов исследования видно, что респонденты не находят места государству в своей жизни, воспринимают его либо как помеху (33% опрошенных), либо констатируют, что оно вообще не играет в их жизни никакой роли (45%). А как же традиционная для российского государства политика патернализма? Еще по итогам опросов, проведенных в 90-е гг. XX в., в годы, как известно, во всех смыслах очень сложные для России, Ю. Левада сделал следующий вывод: «Что же касается совершенно иной по своей природе и функции апелляции к государству как высшей инстанции социальной заботы, то она усилилась по вполне понятным причинам: надежды «романтического» периода нашей демократии на быстрое становление свободного и самостоятельного человека не оправдались. Накопленные человеком ресурсы (имущество, статус, знания) в значительной мере обесценены, уверенность в завтрашнем дне утрачена, негосударственные институты социальной защиты неразвиты или дискредитированы, и человек снова вынужден обращаться за помощью к ослабевшему и обедневшему государству… И, кроме того, вспоминая об опекунских возможностях прошлого государства (и переоценивая их – так уж устроена массовая память), человек сегодня ищет защиты у нынешних государственных институтов, которым пока далеко до современных образцов»[325].

По сути, политика патернализма не столько атрибут сильного государства, сколько слабого и бедного общества. Как только общество начинает укрепляться, пусть не во всех своих слоях, оно начинает тяготиться мелочной опекой и даже воспринимать ее как помеху. И в этом российское общество, несмотря на имеющиеся стереотипы, мало отличается от западного. Дайте людям возможность самостоятельной деятельности, как можно менее регламентированной различными предписаниями, разрешениями и запретами, и они перестанут просить помощи. Не все,

[325] *Левада Ю.* Сочинения: проблема человека... С. 93.

конечно, но большинство. Вопрос только в том, допустит ли это власть, ведь такая ситуация необходимо требует ослабления властных рычагов и перераспределения ресурсов.

Вывод о том, что претензии на усиление регулирующей роли государства – признак «нездоровья» общества, можно подтвердить социологическими замерами. Представления большинства россиян об оптимальной модели государственного управления в сфере социальной политики выглядят на 2011 г. следующим образом: государство должно обеспечить всем определённый минимум, а остального каждый должен добиваться сам. В настоящий момент такую точку зрения разделяют 45% населения, она немногим уступает точке зрения «Государство должно обеспечить полное равенство всех граждан (имущественное, правовое, политическое)» – 41%[326]. Вот оно, казалось бы, доказательство нашей склонности к уравниловке, апелляция к патернализму. Но в 2001 г. первый вариант набирал 55%, тогда же делала свои замеры команда Т. Кутковец. То есть мы сегодняшние перещеголяли себя же десятилетней давности по архаичности восприятия роли государства в социальной сфере? Но десять лет назад и мироотношение россиян было гораздо оптимистичнее, и уверенность в завтрашнем дне выше. Да и мировой экономический кризис добавляет разочарования в том, что западная модель отношений государства и его граждан, к которой мы вроде бы стремились, столь уж оптимальна.

Откуда возникают эти противоречия в том, что об обществе думают и что оно представляет собою на актуальный исторический момент? Ведь общим местом в исследованиях, посвященных национальному характеру, является утверждение, что основные ментальные черты мало подвержены изменениям во времени, несмотря на все исторические пертурбации.

К. Касьянова, оперирующая понятием «социальных архетипов», подразумевает под ними внешние, фиксируемые проявления свойств

[326] Двадцать лет реформ глазами россиян… С. 162–163.

этнического характера. Они существуют в представителях того или иного этноса на уровне поступка и чувства и актуализируются при первом же толчке извне. Т.е. это привычные способы эмоционального и поведенческого реагирования на те или иные ситуации. Например, на основе анализа данных личностного опросника, примененного к российской аудитории, она делает вывод о наличии в русском этносе социального архетипа «правдоискательство», архетипа «судейский комплекс», т.е. поиска объективной и абсолютной вечной справедливости. «Мы всегда остаемся волюнтаристами и при анализе поступка идем не от ситуации и состояния человека, а от его намерения, установки, т.е. от смысла совершенного им поступка, и по этому смыслу определяем его отношение к объективной истине»[327]. Мораль в нашей культуре имеет более высокий смысл, чем формализованный закон. С точки зрения автора потому, что законодательство списано с западных образцов и не накладывается на наши социальные архетипы. Архетип «хождения за правдой» к лицу, имеющему статус, в сочетании с архетипом «судейский комплекс» являются, с точки зрения К. Касьяновой государство созидающими.

Пока в этих выкладках ничего не противоречит сложившемуся стереотипному представлению о ментальности россиян, русской этничности. К тому же подкрепляет наши выводы, что одна из главных управленческих проблем российского общества – его отказ поддерживать власть, придерживающуюся двойных стандартов в отношении к закону.

Но вот другой вывод К. Касьяновой относительно долготерпения русских. По результатам анализа данных опросника, мы «эмоционально невоспитаннее», т.е. идем на поводу у своих эмоций (превышение относительно среднеамериканских показателей на 13,3% у мужчин и почти на 20% у женщин). Кроме того, по шкале «установка на социальное отклонение», характеризующей готовность человека нарушать

[327] *Касьянова К.* О русском национальном характере… С. 267.

общепризнанные нормативы, мы набираем гораздо больше американцев (мужчины на 16%, женщины на 15,1%). Суммируя данные, автор делает предположение, что смирение и терпение соответствует установкам нашей культуры, но не природы[328]. И это очень важный момент: культура обладает мощным негэнтропийным потенциалом, именно она заставляет ее носителей поступать так, как должно, а не так, как хочется. Понимание культуры как «совокупного антиэнтропийного механизма» (Ю. Лотман, П.А. Назаретян[329]), как высшего типа социального действия, выполняющего функцию «удержания образца» (Т. Парсонс), остается в социологии неизменным, также как и то, что основным содержанием культуры является ценностная составляющая.

Нет такой системы представлений, такого комплекса идей, на который бы сориентировались все бессознательные структуры, заложенные в людях данной страны, данного народа, считает К. Касьянова. Но система идей, комплекс идеалов, сформулированные культурой, организуют наши социальные архетипы в нечто целое. Те архетипы, которые не получают «поддержки» со стороны сознания, пусть и медленно, но разрушаются. И только тот порядок, в основании которого эти бессознательные структуры заложены, будет нашим внутренним чувством принят. По сути, автор ощущает как проблему то, что архетипы существуют на уровне поведения и чувств и не оформлены никаким определенным комплексом вербально сформулированных идей, на который все мы могли бы, без всякого сомнения, сориентироваться как на свой, лично близкий каждому. Этот комплекс идей должен иметь для нас культурно обусловленный смысл, и мы не будем работать с полной отдачей на цели, которые не обоснованы ценностно, – делает она вывод.

---

[328] *Касьянова К.* О русском национальном характере… С. 141.

[329] *Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (синергетика – психология – прогнозирование). М., 2004. 367 с.

Из вышеприведенного анализа следует очень важный вывод. В любых управленческих стратегиях, модернистских проектах нельзя не учитывать «природу» этноса, то есть те бессознательные структуры или социальные архетипы, которые составляют генетическую память социума. Но вместе с тем не меньшее значение имеет культурная составляющая: ценности, идеи, нормы – они как аттракторы создают структуру порядка, притягивая или отталкивая те или иные архетипы. И «эмоционально невоздержанные» русские кажутся тем же американцам эмоционально холодными и сдержанными в проявлении подлинных чувств. В отсутствие же или неадекватности нашему внутреннему чувству комплекса идей мы чувствуем себя растерянными, ущербными, невостребованными, из нас прорываются самые «низменные» составляющие наших национальных особенностей. По данным опросника, мы набираем больше по шкале «порочного поведения» (социально неодобряемые привычки и склонности, «алкоголизм» и «риск самоубийства»), зато меньше, чем в американцах, в нас «открытости, доверия, оптимизма» (у мужчин на 6,1%, а у женщин на 17,5%). По шкале «тревожность» – беспокойство, неуверенность, ожидание чего-то плохого – мужчины набирают на 17%, а женщины на 21,6% больше, чем американцы[330].

Противоречия в том, что об обществе думают и что оно представляет собою на актуальный исторический момент, возникают не только из-за консервации стереотипных представлений в культуре. Вторая причина – это «поколенческие» сдвиги в общественном сознании. С очевидностью это доказывает в своем исследовании Ю. Левада. С одной стороны, он говорит о консервативности стереотипов сознания, а с другой – пишет о расхождении ценностных ориентаций старших и младших возрастных групп. Это касается, например, комплекса «ненавидящей зависти» по отношении к «Западу» с его привлекательными достижениями и ценностями, который характерен для

[330] *Касьянова К.* О русском национальном характере... С. 217.

«советского» сознания, т.е. для тех, кто сформировался в идеологической системе СССР, и слабо выражен у последующих поколений. Ю. Левада показывает амбивалентность установок на примере отношения к частной собственности и предпринимательству: «Налицо сочетание отторжения на *декларативном*, идеологическом уровне и *практической* привлекательности. Притом «идеологичности» подвержены преимущественно люди старших поколений»[331].

Переконфигурация ценностных и целевых установок, сдвиг происходят прежде всего на поколенческом разломе. Особенно сильно это проявляется, если вхождение в жизнь нового поколения приходится на переломную эпоху. О важности «судьбоносных» исторически значимых событий, происходящих в годы подростковой и юношеской социализации, для поколенческих сдвигов в области личностных ценностей, установок, мотивов деятельности писал еще К. Мангейм[332]. С точки зрения психологии, структуры сознания, личностные структуры формируются довольно рано и в дальнейшем тяготеют к консерватизму, но каждое новое поколение не наследует социальный опыт генетически (социальный опыт, а не бессознательные установки). И меняющиеся условия социального существования и взаимодействия в большей степени сказываются на сознании молодежи, чем их родителей. Выразителями же общественного мнения зачастую являются люди в социальном смысле «состоявшиеся», что требует от них прохождения достаточной длительного жизненного отрезка. Поэтому «разлитое» в обществе представление о национальных особенностях россиян может не проецироваться на молодежную среду, и установить это можно только с помощью социологического анализа. Традиция и инновация, стабильность и развитие – это проблемы каждого нового поколения, которые каждый раз приходится решать заново.

---

[331] См.: *Левада Ю.* Сочинения: проблема человека… С. 86.

[332] *Мангейм К.* Очерки социологии знания: проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. М., 2000. 164 с.

Широкую известность имеют исследования ценностной сферы различных обществ по методике Ш. Шварца[333]. С ее помощью было установлено, что восточно-европейскому ареалу более свойственны консерватизм и иерархия, а западно-европейскому – равноправие, мастерство, интеллектуальная и аффективная автономия. Из этого следовал вывод, что ценностный профиль, выявленный у народов Восточной Европы, мало подходит для развития демократии, поскольку ценности равноправия и автономии выражены слабо[334]. В 1999, 2005 и 2009 гг. по этой методике были проведены исследования, где респондентами выступали студенты российских вузов. Если в 1992–1996 гг. студенты Восточной Европы уступали своим сверстникам из Западной в мастерстве, интеллектуальной и аффективной автономии, и у россиян это отставание было особенно заметным, то в 1999 г. наши студенты обогнали по мастерству и интеллектуальной автономии не только сверстников из Восточной, но и из Западной Европы. В 2005 г. у россиян был отмечен одновременный рост ценностей консерватизма (поддержание социального порядка, уважение традиций, защита семьи, самодисциплина) и равноправия (равенство, социальная справедливость, свобода, ответственность, честность). А в 2009 г. зафиксированы рост ценностей и иерархии, интеллектуальной и аффективной автономии. Хотя первая предполагает следование авторитетам и подчинение, а две других – открытость и творчество. Ценности мастерства и интеллектуальной автономии стали наиболее значимыми по отношению к другим[335]. Следует обратить внимание, что несмотря на утверждение особой косности именно ценностных компонентов культуры, данные замеров, особенно на молодежной аудитории с ее еще не закостеневшими

[333] *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России… С. 43-70.
[334] См.: *Лебедева Н.М.* Ценностный компонент в характеристике русского национального характера… С. 62.
[335] Там же. С. 63–64.

личностными структурами, говорят о подвижности ценностной сферы, где за считанные годы меняются сопряжения ценностей и их иерархия.

Особенности национального характера, как было показано выше, реализуются в формах, адекватных социокультурным реалиям. Что же с ними происходит сегодня в условиях затянувшейся социальной аномии? Еще раз вернемся к работе Ксении Касьяновой «О русском национальном характере». С точки зрения автора, национальный характер – это генотип плюс культура. «При этом культура не представляет собой пассивного слепка с генотипа, она во многих моментах активно ему противостоит, поскольку *главная задача культуры – адаптировать генотип человека к его окружению и условиям существования*» (курсив автора – Н.М.). «В таком постоянном взаимодействии-противостоянии генотип и культура выработали на протяжении многих веков и даже тысячелетий устойчивые модели поведенческих комплексов и систем установок, применимых для множества сходных ситуаций, которые можно назвать здесь социальными архетипами. Они и представляют собой внешние, фиксируемые проявления свойств этнического характера»[336].

Таким образом, культура, воздействуя на генотип, формирует национальный характер, адекватный условиям существования. Более того, с точки зрения автора, зачастую наша русская культура (автор исследует этнический характер русских, а не национальный россиян – Н.М.) действует против нашего же генотипа. На основании результатов полученных при применении Миннесотского многоаспектного личностного опросника, К. Касьянова усматривает в нашем этническом характере эпилептоидные черты, в том числе замедленность и способность задерживать реакцию; стремление работать в своем ритме и по своему плану; некоторую «вязкость» мышления и действия; трудную переключаемость с одного вида деятельности на другой; взрывоопасность. Вместе с тем, автор считает, что

[336] *Касьянова К.* О русском национальном характере… С. 453.

мы – культурные эпилептоиды, особенности генотипа у нас смягчены культурой.

В заключение автор называет нашу культуру требующей от человека очень сильного самоограничения, репрессии своих непосредственных внутренних импульсов, своих личных, индивидуальных целей в пользу глобальных культурных ценностей. Тем более что именно по шкале «репрессии» наши средние характеристики существенно отличаются от среднеамериканских. И это самое большое расхождение, выявленное при анализе тестов. У мужчин этот показатель выше американского на 20%, у женщин на 22,7%. Репрессия – это бессознательное исключение из осознанного понимания некоторых видов психологической активности или содержаний. Непроизвольность исключения отличает репрессию от суппрессии. Это то, как трактует данные термины психология. В обоих случаях блокируются импульсы, идущие из подсознания. «В том и в другом случае происходит воздержание от реализации инстинктивного влечения, если оно не соответствует определенным, признанным эталонам»[337].

С точки зрения автора, данная особенность нашего «социального архетипа» реализуется в таком личностном качестве русских как «терпение». К. Касьянова называет эту черту основой нашего этнического характера. Она интерпретирует ее в терминах: «человек должен приспосабливаться к миру не потому, что он чувствует себя бессильным перед ним или боится его, но потому, что он его уважает»; «терпение для нас – не способ достигнуть «лучшего удела», ибо в нашей культуре терпение, последовательное воздержание, самоограничение, постоянное жертвование собой в пользу другого, других, мира вообще – это принципиальная ценность, без этого нет личности, нет статуса у человека, нет уважения к нему со стороны окружающих и самоуважения»; «терпение и самоограничение являются не только способом завоевания свободы духа, но имеют более глобальное

[337] *Касьянова К.* О русском национальном характере... С. 122.

значение – принципа существования, поддержания гармонии и равновесия в мире»[338]. Получается, что условием эффективного приспособления русского общества к окружающей действительности является оформление национального характера культурным каркасом.

Как показывает исследование, в представлениях о русском национальном характере очень много стереотипов, которые живучи во времени и которые, в свою очередь, могут влиять на принимаемые управленческие решения, но при этом не иметь под собой достаточных оснований. Нам одновременно приписывают и «анархическое свободолюбие» и «любовь к деспотизму», но прикладные социально-психологические исследования доказывают, в русской культуре заложен огромный негэнтропийный потенциал, а в национальном характере есть склонность к подавлению непосредственных эмоциональных импульсов в угоду существующим культурным ценностям и нормам. Поэтому причины российской аномии скорее социальные, чем психологические, на чем и следует делать акцент в исследованиях этого феномена.

Черты национального характера являются устойчивыми образованиями и медленно изменяются во времени, но меняются их проявление в поведении. Последнее зависит от того социально-исторического контекста, в котором существует каждое поколение этноса. Большое значение имеют приоритеты, иерархия ценностей, конфигурация ценностно-нормативных оснований общества, и данные образования могут меняться достаточно быстро как ответ на изменение социальной реальности, как способ адаптации нации в целом к культурно-историческим реалиям своего времени. Особенно быстро сопряжения ценностей и норм меняются на поколенческих разломах в обществах «быстрых перемен».

Культурные элементы – ценности, идеи, нормы – это аттракторы, создающие структуры порядка, отталкивающие или притягивающие те или

[338] *Касьянова К.* О русском национальном характере... С. 125–131.

иные архетипы сознания, «культурный каркас» оформляющий национальный характер. Репрезентируя перед аудиторией желательные смыслы, группы носителей способны оказывать косвенное управленческое влияние на общество в целом.

Принимать управленческие решения необходимо не только целерациональным выбором, но и считаясь с ментальными особенностями национальной общности. Но опора при их принятии не на актуальные на данный момент идеи, смыслы, а на анахронизмы, может породить только отчуждение.

3. Социокультурные аттракторы как параметры порядка

3.1 Сложная аномия как социальный процесс

Поскольку в данной работе предлагается рассматривать аномию не только как состояние, но в первую очередь как процесс, связанный с ростом рассогласованности между ценностями и нормами, в ходе анализа эмпирических данных ставится задача предложить методический прием оценки динамики развития данного процесса. Для ее выполнения используется вторичный анализ данных, полученных в ходе социологических опросов двух ведущих центров изучения общественного мнения в России: ВЦИОМа и Левада-Центра.

В параграфе 2.1. мы уже обращали внимание, что обобщая различные модели аномии, можно выделить несколько ведущих признаков, через которые исследователи описывают данный социальный феномен. Изменение ценностных значений ведет к ослаблению нормативной составляющей общественной жизни, закреплению в общественном сознании представлений об относительности, необязательности норм, что в целом определяется понятием «безнормие». Как следствие, происходит общее ослабление механизмов социального контроля. Кроме нарушения ценностно-нормативной составляющей, признаками аномии являются настроения бессилия, невозможности на что-нибудь повлиять и что-либо изменить, отчуждение от основ общественной жизни.

Предлагаемый здесь методический прием направлен на установление факта «безнормия», глубины ценностно-нормативного рассогласования, обратимости / необратимости процесса аномии (необратимость может свидетельствовать, что общество критически близко к точке бифуркации – Н.М.). Также ставится задача установить независимую переменную,

влияющую на процесс рассогласования ценностно-нормативной составляющей общественной жизни.

Предлагаемый методический прием задумывался как «экспресс-диагностика» и подразумевает включение наименьшего числа показателей, достаточных для измерения аномии, для того, чтобы создать методическую платформу мониторинга процесса.

Для проведения анализа эмпирических данных разработана система индикаторов, характеризующих изучаемую предметную область, методика их исчисления и объединения полученных значений с целью получения комплексной оценки уровня аномийных проявлений в сознании россиян в целом и обратимости / необратимости происходящего разрушения ценностно-нормативного консенсуса. Разработка индикаторов социальной аномии и сама переформулировка этого феномена из категории «состояние» в категорию «процесс» дает возможность отследить колебательную динамику его развития.

В качестве основных признаков, характеризующих состояние российского общества как аномию, предложено выделить следующие.

Правовое бескультурье. В данном случае сознательно не используется понятие правового нигилизма, поскольку оно предполагает отрицание права как социального института, который может и должен регулировать общественные взаимодействия. Члены нашего общества, судя по социологическим опросам, не отрицают необходимость и обязательность права, напротив, взывают к большему присутствию права как регулятора общественных отношений. Но в реальных социальных практиках сами прибегают к неправовому поведению, взывают к здравому смыслу в ущерб законности и пр. В данном исследовании под правовым бескультурьем будем иметь в виду **нерефлексивное отношение к праву**, нечеткое проведение границ между правовым и неправовым поведением в сознании и социальной практике.

Нормативный релятивизм – представление об относительности и условности нравственных норм, провоцирующее необязательность их соблюдения в практике социальных взаимодействий.

Обратим внимание, что зачастую даже в научной литературе понятия мораль и нравственность приводят через запятую, как схожие. Например, один из вопросов ВЦИОМ, который представлен в опросах центра на протяжении нескольких лет, звучит так: «В какой мере Вы удовлетворены тем, что происходит сейчас в стране в области морали и нравственности?» В предлагаемом исследовании понятия мораль и нравственность используются как тождественные, имеющие разные языковые корни, славянский и латинский. Они обозначают нормы общественной жизни, восходящие к идеальным представлениям о том, что такое добро, красота и справедливость.

В качестве показателей выделенных признаков социальной аномии были сформулированы два основных индикатора, дающих количественную оценку состояния общественного сознания. Использование данных временных рядов позволит нам изучить корреляции между ответами респондентов на два (или более) вопроса.

(1) **Индикатор правосознания (ИП)**. Рассчитывается как разница долей ответов между теми, кто считает, что подарки, деньги врачам, преподавателям школ и вузов, работникам ЖЭКов и т.д. являются столь же опасным явлением для общества, что и коррупция чиновников, поскольку коррупция как раз и начинается с мелких взяток, и теми, кто считает эти социальные практики явлениями другого порядка: люди либо вынуждены прибегать к этому, либо делают это от чистого сердца. Данный индикатор является важным показателем наличия / отсутствия **правовой культуры**.

(2) **Индикатор нормативного релятивизма (ИНР)**. Для его расчета были использованы данные трех волн измерений, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2005, 2007 и 2012 гг. по вопросу:

«Существуют разные точки зрения, как нужно относиться к тому, соблюдают люди общепринятые морально-нравственные нормы или нет. С какой из ниже перечисленных точек зрения Вы скорее согласны?». Этот индикатор является комплексным. Рассчитывается в данном исследовании как среднее арифметическое трех вспомогательных индикаторов:

1) актуальность норм (ИАН) – оценивается как разница долей ответов «Основные моральные нормы не подвержены влиянию времени, они всегда актуальны и современны» и «Сегодня мы живем в другом мире, чем раньше, и многие моральные нормы сегодня уже устарели»;

2) обязательность норм (ИОН) – оценивается как разница долей ответов «Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные принципы и нормы» и «Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы»;

3) социальность норм (ИСН) – оценивается как разница долей ответов «Поддержание благоприятного морально-нравственного климата в обществе невозможно без участия государства» и «Мораль и нравственность – это сфера частной жизни человека, и государство не должно в нее вмешиваться».

Согласно данной методике расчета индикатора нормативного релятивизма, чем выше его значение, тем менее выражен релятивизм по отношению к нормам, которые сшивают социальную ткань. Он свидетельствует о распространенности в обществе представлений о том, что нормы относительны, зависят от исторического времени, от обстоятельств, что они являются личным делом каждого. Этот индикатор может быть обобщенным показателем динамики массовых настроений, напрямую зависящей от того, как различные факты общественной жизни отражаются в массовом сознании. Он является интегративной оценкой такого состояния массового сознания, которое мы характеризуем как социальную аномию.

Для проведения корреляционного анализа был сформулирован дополнительный индикатор:

(3) **доверие правительству (ИДП)**. Оценивается как разница долей респондентов, которые доверяют правительству, и не доверяющих ему. Чем больше значение индикатора, тем выше уровень доверия. Именно «доверие к правительству» станет той независимой переменной, влияние которой на процесс ценностно-нормативного рассогласования мы попытаемся отследить.

Индикаторы правосознания и нормативного релятивизма высчитывались отдельно не только по годам измерений, но и по возрастным категориям: 18–24 года, 25–34 года, 35–44 года, 45–59 лет и старше 60 лет. Предполагается, что несформированность правосознания, нормативный релятивизм могут быть возрастным явлением (молодежный максимализм, конфликт «отцов и детей») и не провоцироваться социальной средой, что предстояло обнаружить или опровергнуть.

Во всероссийских опросах ВЦИОМ опрашивались (если не указано особо) 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. Всероссийские опросы Левада-Центра проводятся на выборке объемом 1600 человек, статистическая погрешность также не превышает 3,4%.

Индикатор правосознания рассчитывался на основе данных трех волн измерений: 10.2004 г., 05.2006 г., 09.2008 г. Полное распределение долей ответов на вопросы представлено в табл. 1–3 Приложения к данному исследованию.

Представим динамику изменения ИП за 2004–2008 гг. (табл. 3.1), а также в виде графика (рис. 3.1), сохранив деление респондентов по возрастным группам.

Таблица 3.1 – Значения индикатора правосознания по возрастным группам

ИП	По всем возрастным группам	Возрастная группа				
		18-24	25-34	35-44	45-59	>60
2004 г.	16	7	2	17	16	30
2006 г.	31	9	18	31	40	34
2008 г.	15	1	5	5	22	34

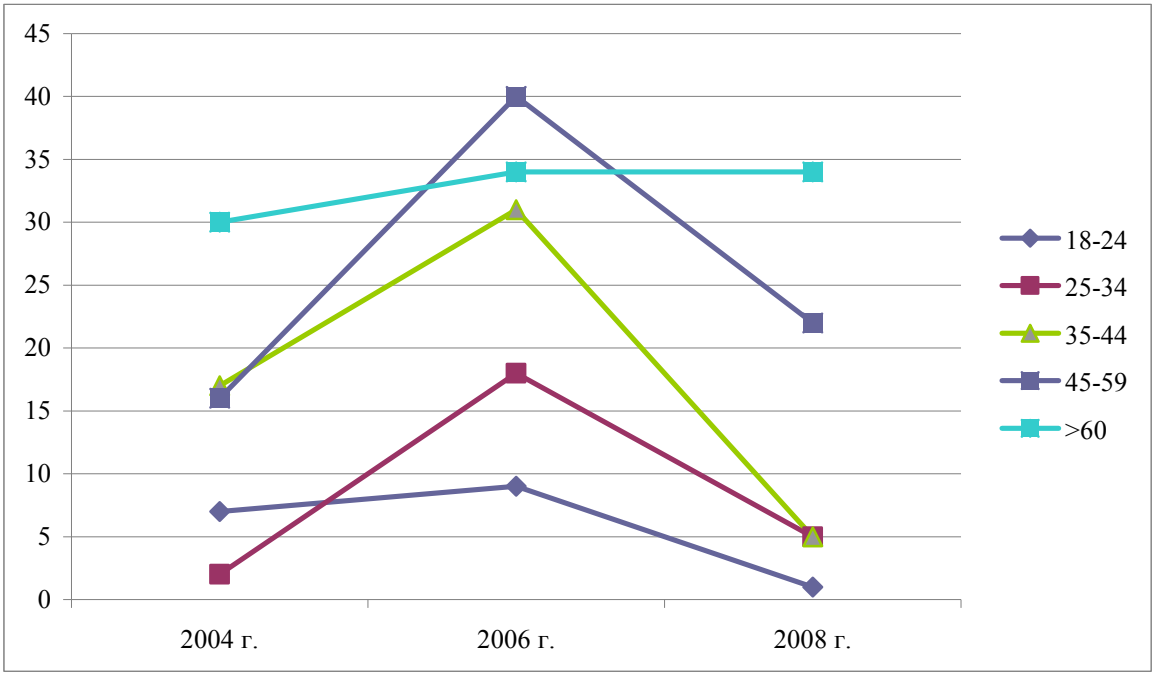

Рисунок 3.1 – Динамика индикатора правосознания

Временной промежуток последовательных замеров слишком мал, чтобы однозначно говорить о динамике изменения правосознания россиян. Не совсем понятен «всплеск» правосознания у всех групп в 2006 г., как и последующее снижение значения индикатора, кроме самой старшей группы. Однако из расположения рядов на диаграмме видно, что в целом, чем младше возрастная категория, тем выше процент оправдывающих неправовые практики. У двух возрастных групп – 18–24 года и 35–44 года – отношение индикатора 2008 г. к индикатору 2004 г. имеет отрицательное значение, т.е. доля «оправдывающих» неправовые практики увеличилась. Учитывая, что последняя возрастная категория представлена людьми зрелого возраста, активно участвующими в самого разного рода социальных взаимодействиях, а у нее как раз наиболее сильное падение ИП, списать причины этого только

по принципу «молодо-зелено» мы не можем, искать их надо в социальных реалиях.

Одно выглядит очевидным: граждане России, прошедшие первичную и вторичную социализацию в советский период, более четко относительно норм формальных и неформальных определяют варианты девиантного поведения. Мы же сегодня имеем социальную ситуацию, когда к активной социальной деятельности приступили поколения, у которых понимание правового поведения размыто. То есть такое положение – не столько следствие национального характера россиян или возрастных особенностей поведения, сколько влияние на ранних периодах социализации социальных практик, характерных для ситуации социальной аномии.

Индикатор нормативного релятивизма (ИНР) рассчитывался как среднее арифметическое трех вспомогательных индикаторов: актуальности норм (ИАН), обязательности норм (ИОН) и социальности норм (ИСН). Полное распределение ответов, участвующих в расчете данных индикаторов представлено в табл. 4–12 Приложения к данному исследованию.

При данной методике расчета ИНР, чем выше его значение, тем менее выражен релятивизм по отношению к нормам, которые сшивают социальную ткань. С одной стороны, находит подтверждение предположение о том, что нравственный релятивизм имеет возрастную специфику. Чем старше возрастная группа, тем жестче позиции ее представителей по отношению к актуальности, обязательности норм, тем отрицательнее отношение к их нарушению, по крайней мере если судить по заявленным позициям. Возможно, это связано с особенностями периодов социализации. У тех, кто старше 60, она затухает, все меньше новых социальных взаимодействий, все меньше необходимости определения и переопределения ситуации, ценностно-нормативная структура личности утрачивает подвижность, костенеет. У младших возрастных групп, напротив, постоянное расширение опыта социальных взаимодействий, достройка и перестройка внутриличностных структур, ценностно-нормативных переопределений делают их позицию по отношению к нормам менее жесткой.

Таблица 3.2 – Значения индикатора нормативного релятивизма и его составляющих по возрастным группам

Индекс	По всем возрастным группам	Возрастная группа				
		18-24	25-34	35-44	45-59	>60
ИАН						
2005 г.	1	–32	–5	–7	10	22
2007 г.	25	–16	10	20	43	49
2012 г.	39	14	25	41	42	64
ИОН						
2005 г.	12	–32	0	2	32	38
2007 г.	20	–33	–7	6	35	37
2012 г.	33	–20	5	21	27	66
ИСН						
2005 г.	50	34	36	32	48	46
2007 г.	58	35	56	54	65	72
2012 г.	56	37	49	52	50	74
ИНР						
2005 г.	21	–10	10,3	9	30	35,3
2007 г.	34,3	–4,7	19,7	26,7	47,7	52,7
2012 г.	42,7	10,3	26,3	38	39,7	68

В графическом выражении ИНР представлен на рис. 3.2.

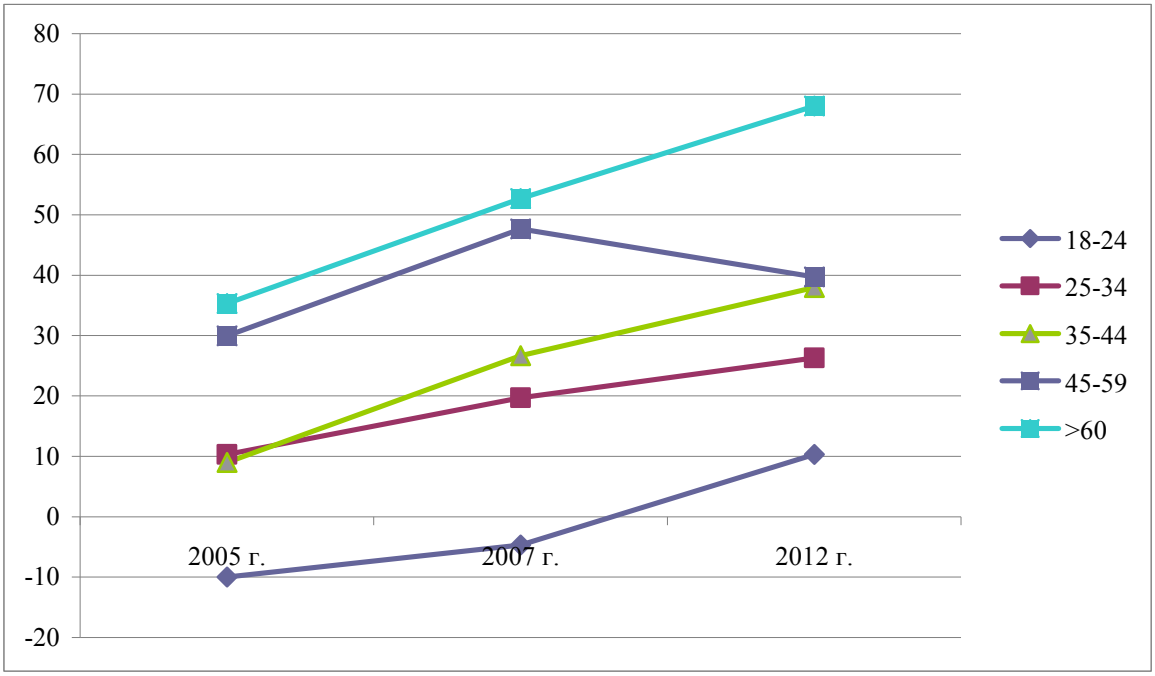

Рисунок 3.2 – Динамика индикатора нормативного релятивизма

Но вместе с тем мы наблюдаем значительное изменение ИНР на протяжении не очень длительного временного отрезка 2005–2012 гг. внутри заявленных возрастных групп. У самой младшей группы 18–24 года ИАН резко вырос с отрицательных значений –32 в 2005 г. к положительным 14 в 2012 г., хотя он и значительно ниже, чем у старших возрастных групп. Но там та же значительная положительная динамика. У тех, кто старше 60, ИАН в 2005 г. – 22, а в 2012 г. – 64. То есть, если в 2005 г. в самой младшей возрастной группе только 30% считали, что основные моральные нормы не подвержены влиянию времени, они всегда актуальны и современны, а 62% полагали, что в сегодня мы живем в другом мире, чем раньше, и многие моральные нормы уже устарели; то в 2012 г. эти же позиции набрали 54% и 40% соответственно. Такая же положительная динамика, как это видно на диаграмме, и во всех остальных возрастных группах. И здесь мы не можем ссылаться на поколенческие разрывы, причины динамики надо искать в социальной среде.

Обратимся за помощью к индикатору оценок деятельности государственной власти по методике Левада-Центра[339]. Индикатор строится как разность положительных и отрицательных ответов на вопросы: «Одобряете ли вы деятельность председателя правительства?» и «Одобряете ли вы деятельность правительства в целом?».

Возьмем значения индикатора доверия правительству и проследим динамику его изменения по тем же числам, что и ИНР: июнь 2005 г., февраль 2007 г. и апрель 2012 г., благо Левада-Центр рассчитывает его ежемесячно.

Таблица 3.3 – Значения индикатора доверия правительству

ИДП	06.2005 г.	02.2007 г.	04.2012 г.
Доверие правительству	–32	–15	2

Представим в графическом выражении соотношение ИНР (по всем возрастным группам) и ИДП (рис. 3.3).

[339] Индексы [Электронный ресурс] // Левада-центр. Электрон. дан. М., 2014. URL: http://www.levada.ru/indeksy.

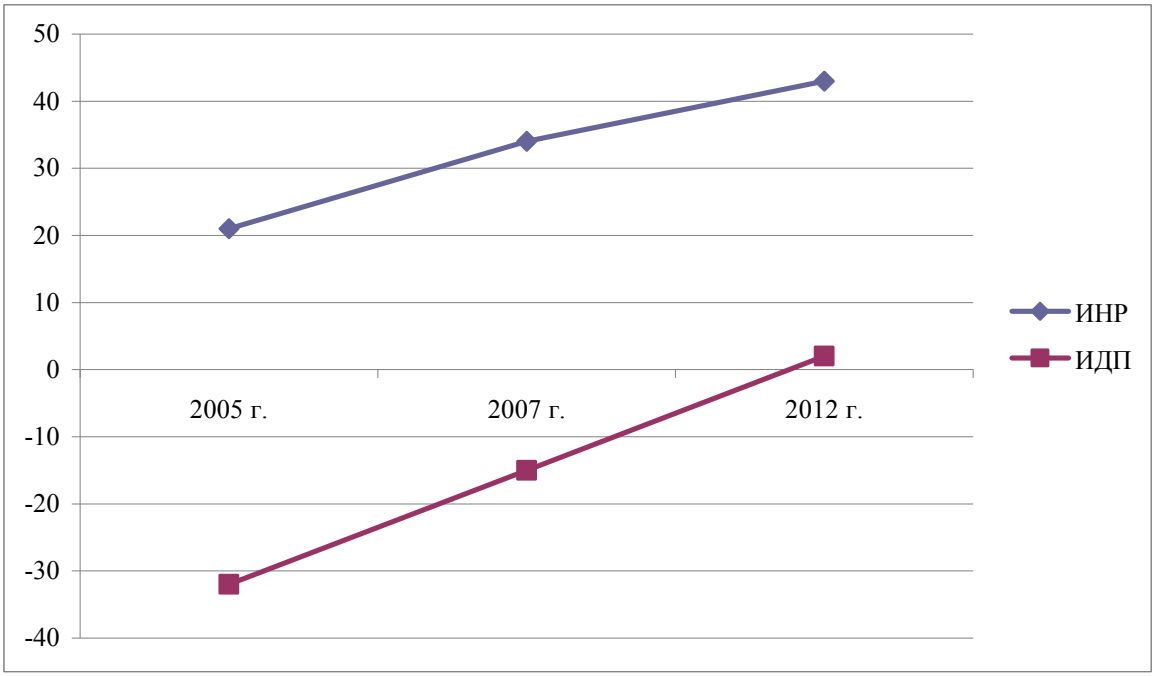

Рисунок 3.3 – ИНР, ИДП

Наглядно видно, что линии графиков идут почти параллельно. Мы наблюдаем обратную зависимость: чем выше уровень доверия правительству, тем ниже уровень нормативного релятивизма.

Здесь для проведения корреляционного анализа необходимо сделать одно важное допущение о том, что динамика ИДП в целом соответствует динамике изменения отношения к государственной власти. Конечно, государство – это и законодательная, и исполнительная, и судебная, и федеральная, и региональная, и местная власть и еще целый ряд институтов. Но в данном случае для анализа важна именно динамика изменения индикатора. Можно предположить, что чем выше уровень доверия к государству и его институтам, тем ниже уровень нормативного релятивизма.

В данном исследовании уже обращалось внимание на то, что в России разлажены отношения по линии власть – общество, тому есть и исторические предпосылки, и сегодняшняя действительность оставляет мало места для социального оптимизма. Но недовольство государственной властью не означает, что общество в ней не нуждается. Взглянем еще раз на индикатор социальности норм, построенный по разнице долей ответов на вопросы: «Поддержание благоприятного морально-нравственного климата в обществе

невозможно без участия государства» и «Мораль и нравственность – это сфера частной жизни человека, и государство не должно в нее вмешиваться». Графически динамика изменения данного индикатора по возрастным группам во времени представлена на рис. 3.4.

Рисунок 3.4 – Динамика индикатора социальности норм

ИСН демонстрирует устойчиво высокие положительные значения по всем возрастным группам, хотя возрастная разница, конечно, наблюдается. У всех групп ИСН гораздо выше по своим значениям, чем ИАН и ИОН. То есть даже считая, что сегодняшняя ситуация не та, что прежде, и что действовать зачастую приходится по обстоятельствам, а не по правилам, представители возрастных групп дружно считают, что без участия государства невозможно поддержание благоприятного морально-нравственного климата в обществе.

Возможно, это связано с тем, что все мы, так или иначе, признаем договорной характер норм, относительно которых отсчитывается моральный или неморальный, правовой или неправовой характер нашего поведения. Мы нуждаемся в третейском судье, который разбирал бы конфликтные ситуации в случае их возникновения. В роли такого третейского судьи, мы считаем,

должны выступать государственные институты. Но если мы не доверяем этому третейскому судье, то и нормы, которые он провозглашает, не считаем для себя обязательными – возникает ситуация социальной аномии.

О том, что российское общество не собирается отказываться от моральных регуляторов общественных отношений, говорят результаты замеров, проведенных ВЦИОМ в июле 2008 г. На вопрос «В какой мере Вы удовлетворены тем, что происходит сейчас в стране в области морали и нравственности?», 67% респондентов всех возрастов выразили свою озабоченность тем, что происходит в этой сфере (табл. 13 Приложения).

У этой категории респондентов узнали, что в первую очередь волнует представителей различных возрастных категорий среди нравственных проблем общества (табл. 14 Приложения). Тройки лидеров в ответах различных возрастных групп выглядят следующим образом:

18–24 года: 1. Затрудняюсь ответить – 20%. 2. Алкоголизм и наркомания; бездуховность, безнравственность, сексуальная распущенность; деградация молодежи – по 15%. 3. В СМИ пропагандируют насилие секс, пошлость, бескультурье – 11%.

25–34 года: 1. В СМИ пропагандируют насилие секс, пошлость, бескультурье – 20%. 2. Деградация молодежи – 16%. 3. Бездуховность, безнравственность, сексуальная распущенность; затрудняюсь ответить – по 14%.

35–44 года: 1. Деградация молодежи – 20%. 2. Бездуховность, безнравственность, сексуальная распущенность – 19%. 3. В СМИ пропагандируют насилие секс, пошлость, бескультурье – 18%.

45–59 лет: 1. Деградация молодежи – 24%. 2. В СМИ пропагандируют насилие секс, пошлость, бескультурье – 18%. 3. Бездуховность, безнравственность, сексуальная распущенность – 16%.

>60 лет: 1. В СМИ пропагандируют насилие секс, пошлость, бескультурье – 24%. 2. Деградация молодежи – 22%. 3. Алкоголизм, наркомания – 19%.

Обратим внимание на несколько фактов. Во-первых, во всех группах лидируют одни и те же позиции. Деградация молодежи более всего беспокоит людей средних лет, что можно было бы отнести к извечной проблеме «отцов и детей», если бы эта позиция не была на вторых местах и в младших возрастных группах. В чем выражается эта деградация? Судя по сделанным выборам представителей всех возрастных групп, ни жестокость, ни расцвет насилия, ни грубость и хамство, ни даже неуважение к старшим и общее равнодушие друг к другу не набирают высокий процент. Так в чем выражается деградация молодежи и общества в целом? Видимо, в неопределенной и трудно измеримой бездуховности, безнравственности вообще, ну и, конечно, сексуальной распущенности, которые, судя по ответам, провоцируются в первую очередь деятельностью СМИ.

Возможно, в данном случае состояние тревоги за нравственность – это скорее показатель «здоровья» российского общества, как глас коллективной внутренней совести. Этот вывод подкрепляет большое количество тех, кто затруднился с ответом, что же беспокоит конкретно, в младшей возрастной группе (каждый пятый), притом что на этот вопрос отвечали только те, кто считает, что нравственное состояние общества неудовлетворительное. Мы обеспокоены тем, каково нравственное состояние нашего общества, как проходит социализацию подрастающее поколение, каким образом выполняют свою роль агента социализации СМИ.

Если с нравственным сознанием у россиян дела обстоят не так плохо, они во всех возрастных группах понимают, «что такое хорошо, а что такое плохо», только вести себя по этим нормам согласны в большей степени в ситуации социального оптимизма, то с правовым сознанием дело обстоит хуже. Динамика ИП ни с чем, по сути, не коррелируется, это может означать, что неправовое поведение, подношения, взятки и пр. стали закрепившейся социальной практикой, «оправданной» общественным сознанием.

Данные, полученные нами в ходе анализа, подкрепляются и сами усиливают в отдельных моментах результаты целого ряда исследований, на которые мы ссылались выше:

– толерантность к неправовым практикам у молодежи до 35 лет, по результатам исследования ИС РАН[340];

– мораль в нашей культуре имеет более высокий смысл, чем формализованный закон, по данным полученным К. Касьяновой в ходе социально-психологического исследования русского национального характера[341];

– «люди похожи на свою эпоху больше, чем на своих отцов» (Гай Деборд)[342];

– эффективность правительства – мощный источник снижения аномии, а неэффективность и коррумпированность ее стимулируют (К. Сводер, Л. Косалс)[343].

Российское общество, возможно в силу незрелости своего правосознания, возможно в силу негативного общественного опыта, пока готово только к консенсусному соблюдению норм общественной жизни при одном непременном условии: если они будут соблюдаться всеми без исключения. Особенно оно желает видеть правовое поведение со стороны тех, кто эти правовые нормы формулирует и отслеживает их исполнение. В социологии существует позиция, что сама идея возможности консенсуса в гетерогенном плюралистическом меняющемся обществе выглядит нереалистично, поэтому использование шкал «низкого уровня консенсуса относительно предписанных, разрешенных и запрещенных моделей поведения» в качестве показателя социального хаоса невозможно[344]. Но сама идея «общественного договора», заложенная в основание модели

[340] Двадцать лет реформ... С. 274–275.
[341] *Касьянова К.* О русском национальном характере... С. 267.
[342] *Debord G.* Comments on the Society of the Spectacle. London, 1990. P. 16.
[343] S*wader C.S., Kosals L.Y.* Post-socialist anomie… P. 28–29.
[344] *Seeman M.* A Prolegomenon on Empirical Research Regarding Anomie. P. 124–125.

демократической политической системы предполагает компромисс и договоренность. И особенно важен этот консенсус в общественной жизни для россиян.

«Как вы считаете, насколько важно для снижения уровня коррупции и взяточничества, чтобы все общество соблюдало законы?», – к сожалению, именно в такой формулировке ВЦИОМ проводил замер единожды в далеком уже 1999, очень непростом году. Но тогда за то, что это очень важно и довольно важно, высказались 94% опрошенных, и только 6% заявили, что это не очень важно или не имеет значения. 21.09.2005 г. ВЦИОМ провел замер общественного мнения по вопросу «Если предположить, что сотрудники милиции будут действовать строго по закону, готовы ли Вы также соблюдать все законные правила и процедуры (платить штрафы за нарушение правил дорожного движения через Сбербанк, соблюдать общественный порядок и т.п.)?». «Если сотрудники милиции будут действовать строго по закону, то я также готов выполнять все законные требования», –ответили 83,81% респондентов; «соблюдение всех норм и законов требует слишком много сил и времени, поэтому мне проще договориться с работниками правоохранительных органов напрямую, пусть даже это будет формальным нарушением закона» – 8,13%; 8,6% затруднились с ответом.

Выводы по результатам измерений

Россияне более четко отдают себе отчет в том, что такое нравственные нормы, те, что восходят еще к десяти заповедям, и более рефлексивно относятся к их исполнению или неисполнению. Они отдают себе отчет, когда их нарушают. В целом нельзя сказать, что наше общество нравственно деградирует, поскольку при малейшем росте социального оптимизма граждане готовы к соблюдению норм на договорной основе.

Хуже дело обстоит с правовыми нормами, сам характер которых более релятивен. В нашем обществе закрепились различные неправовые практики в виде неформализованных образцов социальных отношений,

которые передаются в процессе социализации. В целом рост правовой культуры в обществе возможен при наведении большего правопорядка на всех этажах властной организации, и общем росте социального оптимизма.

Правовая культура и нормативный релятивизм имеют возрастную специфику, связанную с особенностями этапов социализации, но гораздо большее значение для этих феноменов имеют социальные условия, в которых и проходит социализация, и осуществляются социальные взаимодействия, и развиваются социальные отношения. Главный вывод, который можно сделать по результатам проделанной работы: аномию как рассогласование ценностно-нормативных оснований российской общественной жизни нельзя считать процессом необратимым, можно и нужно конструировать социальные условия, при которых будет происходить «выздоравливание» социума.

Российское общество, возможно в силу незрелости своего правосознания, возможно в силу негативного общественного опыта, пока готово только к консенсусному соблюдению норм общественной жизни, т.е. при одном непременном условии: если они будут соблюдаться всеми без исключения. Особенно оно желает видеть правовое поведение со стороны тех, кто эти правовые нормы формулирует и отслеживает их исполнение. Моральные нормы опираются на ценностные представления в большей степени, чем правовые, которые являются результатом общественного договора. Поэтому, если одна из сторон не будет соблюдать условия данного договора (казнокрадство, коррупция и иные неправовые практики), то и другая сторона соблюдать их не станет.

В современных условиях существования социума изучать феномен социальной аномии необходимо, конечно же, и в статике, воссоздавая целостную картину состояния массового сознания с точки зрения характера взаимодействия в нем ценностей и норм. Работу над разработкой методики измерения аномии хотелось бы продолжить в дальнейшем, предложив

приемы оценки того, какие нормы, опирающиеся на какие ценности, продолжают оставаться актуальными, а в отношении каких ценностно-нормативных конфигураций мы наблюдаем эрозию основ их взаимодействия.

Еще более важным представляется изучение сегодня динамики процесса аномии, на что нацелен предлагаемый здесь методический прием. Скорость протекания социальных процессов сегодня такова, что пока мы воссоздаем с помощью социологического инструментария статическую картину общества, она уже изменяется, а социологические прогнозы, кажется, теряют свою силу. В 2008 г. Е. Головаха и Н. Панина, наиболее авторитетные специалисты по постсоветской аномии в Украине, писали[345], что Россия и Украина на полпути от тотальной аномии начала 90-х гг. к «нормальному обществу». В начале 2014 г. мы наблюдаем ситуацию распада украинской государственности, тяжелейшего кризиса нравственных, правовых основ украинского общества. Значит ли это, что в 2008 г. тренд развития общественной системы в сторону ее оздоровления был выделен неверно? Представляется, что не значит. В ситуации ускорения процессов социальной динамики снижается их инерционная сила. Казалось бы, украинские исследователи зафиксировали снижение аномической деморализованности граждан, связанное с заметным улучшением их материального положения[346], но дополнительные факторы, связанные с ошибками правительства во внутренней и внешней политике, региональными противоречиями, вмешательством внешних агентов, свели определившийся тренд на нет.

Ситуацию, связанную с состоянием общественного сознания, необходимо мониторить постоянно. В том числе отслеживая как те или иные события в общественной жизни, проводимые реформы, предпринимаемые управленческие усилия преломляются в общественном мнении, сказываясь на реальном поведении субъектов относительно установленных в обществе

[345] *Головаха Е.И., Панина Н.А*. Постсоветская аномия. С. 5–10.
[346] Там же. С. 6

норм и восприятии ими общественных ценностей. Почему недостаточно просто руководствоваться индикатором доверия к правительству (власти)? Зачем предлагаемый методический прием предполагает его корреляцию с индикатором нормативного релятивизма и анализом изменения индикатора правосознания?

В российском обществе исторически сложились, превратившись в передаваемые в процессе социализации, практики бесконсенсусного существования с властью: молчаливый протест, саботаж, партикуляризм. В случае несогласия общественных сил с политикой властей мы получаем не очевидно артикулированное выражение недовольства через СМИ или участие в социальных движениях, а «ползучую аномию». И оценку ситуации с помощью косвенных свидетельств о том, что нормы необязательны, потому что устарели или ситуация не та, можно счесть более тонкой.

3.2 Перспективы социального конструирования в ценностной сфере общественной жизни

Чем нам грозит затянувшаяся ситуация аномии? Социальная система развивается стохастически, прогноз может носить только вероятностный характер. Но по закону развития сложных систем, процессы диссипации, которые мы, очевидно, наблюдаем сегодня в таких проявлениях, как атомизация общества, снижение зависимости социальных элементов друг от друга, могут привести к прорастанию из хаоса нового порядка и структурированности. Проблема в том, что, во-первых, точка ветвления социальной эволюции, после прохождения которой система выходит на новый режим функционирования, – это всегда жесточайший кризис, революционные потрясения, а соответственно, жертвы. Во-вторых, новый порядок вовсе необязательно будет лучше предыдущего, он будет соответствовать новой расстановке элементов в системе. Мы уже это не раз

проходили в нашей истории. Общественная система может, например, распасться на части, как это было в 1991 г., и новые структуры будут возникать не в целом, а в определенном наборе частей.

Современная потребительская культура как способ организации общества загоняет это самое общество в тупик. Ее экономические институты стимулируют все больший и больший спрос как условие экономического роста. И никакие соображения об исчерпаемости сырьевых ресурсов, о потенциальной опасности предприятий современной энергетики, о том, что планета не в состоянии утилизовать отходы этого бесконечного потребления, не могут остановить или хотя бы снизить рост потребительства, поскольку требуют пересмотра всей макроэкономической системы, ее перестройки, а к этому, естественно, никто не готов. Энтропия системы нарастает.

Социальные последствия развития системы расширенного потребления выражаются, и это не парадокс, в том, что с ростом в целом материального благосостояния общества напряженность, связанная с неудовлетворенностью доступным уровнем благ, не снижается, а только нарастает. Это очевидно на примере российского общества. В своем многоэтапном исследовании по программе «Человек советский» Ю. Левада обращает внимание, что на неудовлетворенность уровнем материального достатка жалуются наиболее обеспеченные социальные группы. Объясняет он это известным в социологии «правилом Матфея»: прежде всего запросы растут у зажиточных[347]. Здесь же Ю. Левада ссылается на феномен «относительной депривации», выявленный в свое время Р. Мертоном: люди оценивают достаточность или недостаточность некоторых благ не просто в соответствии с количеством таковых, но с оглядкой на других людей, которые задают уровень запросов[348]. То есть с некоторого уровня потребления, своего для каждого общества, связанного с воспроизводством себя и своей семьи, удовлетворенность существующим достатком

[347] *Левада Ю.А.* Сочинения: проблема человека... С. 419.
[348] См.: *Merton R.* On theoretical sociology. New York, 1967. P. 40–41.

решающим образом зависит от динамики потребностей и ожиданий, а не от абсолютных цифр.

В условиях роста коммуникаций в современном обществе, усиления «демонстрационного эффекта» люди уже не удовлетворяются достаточным уровнем потребления, они претендуют на расширенное потребление по образцам наиболее развитых стран, растиражированным СМИ. Неравномерное распределение материальных благ по странам и регионам стимулирует миграционные процессы, приводя к конфликту интересов и росту международной напряженности на стыке регионов с высоким и значительно более низким уровнем жизни. Учитывая, что никакие реформы, даже будучи проведенными, не способны подтянуть индексы потребления в менее развитых регионах к более высоким уже в силу того, что ресурсов Земли не хватит на то, чтобы поднять жизненный уровень развивающихся стран до уровня «золотого миллиарда», конфликтность в отношениях будет нарастать.

И хотя на декларативном уровне, например по итогам конференции ООН 1992 г. в Рио-де-Жанейро, заявляется необходимость перехода к «устойчивому развитию», что подразумевает отказ от экстенсивного развития экономики, уменьшение разрывов в уровнях жизни и более эффективное удовлетворение потребностей большинства населения мира (пятый принцип Декларации Рио), ограничение и ликвидация нежизнеспособных моделей производства и потребления (восьмой принцип), за прошедшие двадцать лет ничего принципиально не изменилось. Мировое сообщество демонстрирует неспособность выхода за пределы своей трансценденции, т.е. к организованному переструктурированию, сдаваясь стохастическим процессам самоорганизации.

Как мы видим, общественные процессы, происходящие в России, усугубляются мировой ситуацией. Допустимо предположить, что мировая экономика, такая, которую мы знаем, рухнет. Это будет означать некоторое

(мы только предполагаем – Н.М.) возвращение на витальную стадию существования общества. И здесь жизненная сила россиян и условия местобытования общества, возможно, станут залогом выживания, а не тормозом к развитию, как сегодня. Имеется в виду малая численность населения на большом пространстве. Россия, по сути, страна самодостаточная. Наши земли не всегда годятся для интенсивного хозяйствования, но вполне пригодны, чтобы выжить. У нас достаточно пресной воды и ресурсов, чтобы себя напоить и обогреть. Но это в условиях изоляции. Если наши недалекие соседи с численностью населения более миллиарда человек будут испытывать недостаток ресурсов, что мы сможем противопоставить им с нашими 140 миллионами? Оружие? Итак, выход на точку бифуркации означает жертвы и непредсказуемый результат.

Социосинергетика, постулируя определяющее влияние самоорганизационных процессов в развитии системы, допускает, что организационные усилия могут быть направлены на недопущение выхода на точку бифуркации. Это требует изменения управленческих стратегий поведения, правильно организованного резонансного воздействия на систему для обеспечения ее приспособления к изменяющимся внешним условиям и изменяющемуся внутреннему состоянию. Отталкиваясь от всего этого круга проблем, ответим на ряд взаимосвязанных вопросов:

1. Предполагают ли существующие в социологии методологические подходы теоретическую возможность социального конструирования смыслов и ценностей, которые могли бы стать социокультурными аттракторами, определяющими вектор развития общественной системы в целом?

2. Каких изменений требуют стратегии управления обществом?

3. При каких условиях модернистский проект будет поддержан обществом?

Теоретическое обоснование возможности социального конструирования в определенных пределах дает нам микросоциологические

подходы. Их представители исходят из предпосылки, согласно которой познание есть одновременно созидание нового. Если факт познания меняет познаваемый объект, то вопрос об истинности просто излишен. Каждое новое определение ситуации порождает новую объективную ситуацию, объективность которой состоит в том, что она воспринимается как объективная самими действующими в этой ситуации людьми. В таком случае познание ситуации и есть ее изменение. Без идей, каким бы статусом они не обладали, невозможны как функционирование общества, так и социальные изменения. Феноменологи считают идеи, коллективные представления важнейшим социальным институтом и основой социального конструирования реальности. Именно тогда, когда идея овладела массами, совершается переопределение, возникает новая объективная ситуация. Далее происходит институционализация идеи, структурирование масс и прочее, благодаря чему новая ситуация становится объективной для каждого члена общества.

М. Вебер, от которого мы отсчитываем понимающую социологию, в своих работах показывал, как между целостным мировоззрением, охватывающим реальность, и самой эмпирической реальностью накапливаются противоречия, и как именно внутренняя логика мировоззрения становится определяющей для социальных изменений. Эта внутренняя логика делает мировоззрение относительно независимым от других социальных институтов[349].

Уже в наше время П. Бурдье обосновывает роль субъективного фактора в конституировании смыслов[350]. Именно категории восприятия, системы классификации – слова и понятия – воссоздают социальную реальность и отображают ее, и эту их особенность используют политические силы в борьбе за избирателя, навязывая ему определенное мировоззрение. На коллективном уровне, и в частности в политической сфере, социальные

[349] *Shrőder R.* Max Veber and the Sociology of Culture. London, 1992. P. 10–13.
[350] *Бурдье П.* Начала. Choses dites : пер. с фр. М., 1994. С. 181–208.

субъекты применяют все возможные приемы для утверждения нового видения социального мира. П. Бурдье обосновывает, что конструировать реальность, навязывая смыслы, возможно.

У российского социолога Л. Ионина разработана теория «культурных инсценировок»[351], в рамках которой он пытается объяснить, как новые культурные модели, партикулярные ли, или претендующие на универсализм, рождаются из зародышевого состояния. В ходе их развертывания осуществляется процесс идентификации индивидов в новой культурной форме. На первом этапе происходит обретение внешних признаков идентификации. К внешним свидетельствам идентификации, осваиваемым на начальном этапе культурной инсценировки, относятся усвоение поведенческого кода и символики одежды, выработка лингвистической компетенции, освоение пространств, в которых происходит презентация избранной культурной формы. На втором этапе усваиваются теоретический образ мира и моральная доктрина. Усвоение теории и морально-эмоционального настроя постепенно ведет к трансформации индивидуальной жизни. Одновременно с процессом идентификации индивидов и параллельно этому процессу в рамках культурной формы происходит развертывание ее самой из зародышевого состояния. Автор пишет: «Теоретически и практически актуален вопрос, как в обществе, находящемся в состоянии равенства, равнодушия и незаинтересованности, вызванном массовой утратой идентификаций, возникают новые интересы, новые социальные и политические силы, новые акторы, новые элиты, в конечном счете, новые структуры и институты. Из стремления объяснить их возникновение в условиях отсутствия преемственности родилась излагаемая здесь концепция культурных инсценировок»[352].

Но показывая принципиальную возможность рождения новых культурных смыслов и их разворачивание в общественной жизни, в том

[351] *Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000. С 251–252.
[352] Там же. С. 287–288.

числе с инициированием социальных изменений, все авторы подчеркивают, что не все смыслы будут обладать этим свойством, как мы бы сказали, аттрактивности. Еще великий Э. Дюркгейм говорил по поводу укоренения в обществе принципиально новых для него моральных идей: «Самая великая энергия не может извлечь из небытия силы, которых нет, и неудачи опыта всякий раз рассеивают эти детские иллюзии»[353]. Л. Ионин считает, что сколько-нибудь значимые и успешные, то есть порождающие новую среду деятельности, переопределения ситуации не происходят когда угодно и по чьему угодно произвольному желанию. «Точка абсолютного отождествления культуры и общества находится там, где идея, «активно поддержанная» действием, превращается в реальность; как следует из теоремы Томаса, идея оказывается реальностью, потому что реальна по своим последствиям. Точка абсолютного отождествления вещи и идеи в символе оказывается там, где с вещью обращаются таким образом, как будто она и есть то, что она символизирует»[354].

П. Бурдье обосновывал, что легитимация социального порядка, в противовес общепринятому мнению, является не столько результатом преднамеренной, целенаправленной пропаганды или символического воздействия, сколько следствием соответствия объективных структур социального мира и порожденных ими структур восприятия и оценки**.** Именно последнее обстоятельство способствует тому, что субъекты стараются принимать окружающий мир как должное. Объективные отношения власти воспроизводятся в символических властных отношениях. «Для науки не может быть выбора между релятивизмом и абсолютизмом: истина социального мира поставлена на карту в этой борьбе между агентами, имеющими неравные возможности для достижения совершенного, т.е. самоконтролируемого видения. Легализация символического капитала придает перспективе абсолютную и универсальную ценность, позволяющую

[353] *Дюркгейм Э.* Самоубийство…. С. 364.
[354] *Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие… С. 193–194.

вырваться, таким образом, из относительности, которая, по определению, свойственна любой точке зрения как взгляду с какой-то отдельной точки социального пространства»[355]. В этом смысле символическая власть обладает свойством скрывать или обнаруживать реально существующие объекты. Итак, смыслы и ценности только тогда будут обладать свойством аттрактивности, когда они предзаданы средой.

Важнейшая управленческая проблема состоит в том, что попытки управлять, основываясь на неверных посылках, в том числе в оценке человеческого потенциала, достаточно бесперспективны. И понимание этого всегда присутствует в культуре. Несмотря на все организационные усилия со стороны государства, институт права демонстрирует в нашей стране свою неэффективность. Это выражается, с одной стороны, в коррумпированности соответствующих органов власти, правовом произволе, злоупотреблении властью, а с другой стороны, в «лукавом», как сказал бы Ю. Левада, приспособлении к ситуации со стороны общества. Оно исходит их того, что если власть несправедлива, то ее обман, увод в тень доходов, мелкие злоупотребления и т.д. не просто допустимы, но даже где-то морально оправданы.

Многие авторы, отмечая разного рода внеправовые практики, которые существуют в неформальной составляющей экономического института (уклонение от уплаты налогов, «черные» зарплаты, получение пособия по безработице при наличии работы, нелегальные трудовые практики врачей, учителей, прямое воровство государственных ресурсов, с использованием служебного положения), не дают однозначного ответа на вопрос, как их можно трансформировать. Сходятся они лишь во мнении, каким образом этого сделать нельзя: их нельзя изменить указом сверху. Невозможность трансформации сверху подтверждает основной тезис самоорганизационного подхода, утверждающего слабость организационных методов по сравнению с самоорганизационными.

[355] *Bourdieu P.* Social Space and Symbolic Power… P. 22.

Человек одновременно принадлежит к организационным и самоорганизационным социальным образованиям – это один из постулатов социосинергетики. Необходимость изменения управленческих и социотехнологических подходов – практический вывод из этого постулата. Так или иначе, проблем самоорганизационного управления касаются в своих работах А.Л. Андреев, В.В. Василькова, В.Н. Ермолаев, Л.Н. Родионова, Г.П. Зинченко, Г.Г. Малинецкий, С.П. Капица, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, А.И. Пригожин, Ю.В. Яковец и др.

В основе организационного управления лежат линейные модели, согласно которым причина, организованное воздействие по необходимости порождают следствие, запланированный результат. Проблема в том, что в сложных системах, к коим принадлежат социальные, по словам З. Баумана, «число факторов, принимаемых во внимание при планировании и осуществлении решения каждой проблемы, всегда меньше, чем сумма факторов, влияющих на ту ситуацию, которая породила, или зависящих от нее»[356]. Поэтому, самоорганизационно мыслящий субъект управления, считает Л.Д. Бевзенко, «осознает ограниченность своей субъектности, зависимость результата от свойств самой среды и выбирает компромиссные стратегии управленческих воздействий. Он либо стремится попасть в резонанс со структурной предзаданностью, заключенной в среде, и инициировать некоторое структурное состояние, которое в соответствии с принципом положительной обратной связи и принципом самодостраивания разовьется по самоорганизационным законам в зрелую социальную структуру, либо задается целью изменения параметров среды с тем, чтобы она была способна к порождению иных самоорганизационных структур»[357]. На примере неэффективно работающих институтов права автор доказывает, что организационно фиксированные институциональные отношения

[356] *Бауман З.* Мыслить социологически. М., 1996. С. 198.
[357] *Бевзенко Л.Д.* Социальная самоорганизация… С. 336.

оказываются неработающими в случае отсутствия резонанса с самоорганизационно устанавливаемыми правовыми нормами.

Реально существующие социальные взаимодействия, имеющие устойчивый повторяющийся характер, не могут не обрастать какими-то правилами регулирования. И они возникают, возникают самоорганизационно. Это и институт «телефонного права»: кому позвонить, чтобы пролоббировать, ускорить в свою пользу решение важного вопроса. И институт взяточничества: кому, что, в каких размерах, где-то и бутылки коньяка достаточно. Такие нормы не формализованы, но это не значит, что они не имеют обозначенных границ. И если кто-то пытается зайти за поставленные ему границы, к нему применяются санкции, а мы слышим об очередном громком коррупционном скандале. Парадокс ситуации в том, что как бы ни были ресурсно затратны такие «правила игры», они, пусть и с низкой эффективностью, но работают, обеспечивая функционирование чиновничьего аппарата на разных уровнях власти. Сложно спрогнозировать, что будет, если их действительно изъять из системы. Гипотетически, она может развалиться, поскольку самодостроилась именно под эти правила.

Примером может являться ситуация с пресловутым ФЗ-94 о размещении государственных, региональных, муниципальных заказов. Как известно, они осуществлялись, согласно этому закону, только через открытый конкурс, на котором выбирался наиболее выгодный поставщик или подрядчик. Из-за громоздкости всей процедуры и невозможности приступить к делу до официального подведения итогов, ремонт дорог и других объектов начинался зачастую вместе с осенними дождями. «Выгодные» подрядчики, выбранные по итогам конкурса, выполняли работы некачественно, из дешевых материалов, а то и просто бросали объекты, и работу приходилось начинать заново. Какой-нибудь хороший хозяйственник из прошлых времен сделал бы все быстрее и качественнее, хотя бы чтобы не поймали на том, что часть ресурсов осела в его собственном кармане.

Вместе с тем конкретной рекомендации, что следует делать, исследователи, в общем-то, не дают. Единственное общее требование: организационные усилия и самоорганизационная составляющая должны совпасть, резонировать друг с другом. «В случае же совпадения организационной и самоорганизационной составляющей правовых отношений, усилий по охране правопорядка от государства требуется значительно меньше – самоорганизация выполняет эту функцию с помощью своих культурных и психологических механизмов, помещающих точку социального контроля во внутреннее пространство индивида»[358]. Но как этого добиться?

Как мы помним, Н.Е. Покровский, сожалея о «великой нереализованной альтернативе», которая была реальна в начале 90-х гг. XX в., но не состоялась, говорил, что систему ценностей следовало строить на уважении к личности, уважении к труду, трудолюбии, уважении к профессии и знаниям, уважении к нравственности и духовным ценностям, ограничении потребностей (разумный минимализм), справедливости. Приходится признать, что данный социокультурный проект, если и был вербализирован, провалился. Но при каких условиях он мог бы быть реализован? Ведь мы еще существуем. Какие организационные и самоорганизационные составляющие должны для этого резонировать? Главным из вышеобозначенных принципов, по мнению Н.Е. Покровского, является уважение к личности, это подразумевает, что каждый человек обладает абсолютной ценностью для общества вне зависимости от положения, которое он в этом обществе занимает. Уважение к личности будет отзываться в ней самой ростом чувства удовлетворенности от членства в данном обществе, принятием его ценностно-нормативной составляющей.

Не так давно, 13 апреля 2011 г., российское общество было взбудоражено выступлением известного детского врача Л.М. Рошаля на

[358] *Бевзенко Л.Д.* Социальная самоорганизация… С. 297–298.

Всероссийском форуме медработников. Оно было опубликовано в газете Коммерсант 19.04.2011 г.. Известный врач раскритиковал работу Минздравсоцразвития РФ, в частности он заявил, что «это беда, что в Минздравсоцразвития нет ни одного нормального опытного организатора здравоохранения». Л. Рошаль подверг критике действия Минздрава по сокращению низкозагруженных клиник и фельдшерско-акушерских пунктов, по росту расходов на врачей общей практики без дополнительного финансирования узких специалистов, по децентрализации расходов на информатизацию в здравоохранении и т.д.

Для целей проводимого здесь анализа важно не то, за что Л.М. Рошаль критиковал проводимые в медицине реформы, а то, какую безусловную, безоговорочную поддержку он получил в обществе. В ходе попытки проанализировать мнения Интернет-сообщества по поводу его выступления оказалось, что анализировать, собственно, нечего. Нет разбора положений его выступления: в чем он прав, где, может быть, перегнул палку, что не учел. Есть массовое выражение недовольства состоянием российского здравоохранения и недовольство тем, как власть реформирует его и руководит им. Причем, недовольство здравоохранением только усиливает «нелюбовь» российского общества к чиновникам. Последние виноваты во всем. Если недовольство врачами и оказываемыми ими услугами, как правило, персонифицировано (тот проявил непрофессионализм, этот вымогает «благодарность»), то чиновничество плохое огульно и «по определению». Из прочитанных откликов на выступление Л.М. Рошаля в Интернете не встретилось ни одного, кроме анонимного письма чиновников самого министерства, где бы это выступление критиковалось. Оно само по себе стало аттрактором, притянувшим к себе разлитое в обществе недовольство.

Неудовлетворенность осуществляемой в стране реформой здравоохранения, возможно, дает основание задуматься не столько об

«отдельных недостатках» и «перегибах», сколько о самой сути реформы. В России осуществляется попытка ввести страховую медицину, в которой объем предоставляемых медицинских услуг напрямую зависит от средств, вложенных в медицинскую страховку. Соответственно человек, лучше обеспеченный и, скажем, более ответственный, гарантированно получает медицинские услуги большего объема и, что греха таить, лучшего качества. В странах, где десятилетиями существует именно такая организация здравоохранения, люди с рождения знают о необходимости нести частичную ответственность за свое здоровье, более того, здоровье воспринимается как некий товар, который, как и любой другой, придется купить. Понимание этого не противоречит традиционной ментальности западного человека.

В России мало того, что реформа по введению страховой медицины начала осуществляться в бедном обществе, не имеющем ресурсов на оплату отложенного спроса, но она еще и противоречит нашим социальным архетипам. Советская медицина не являлась частью рыночной экономики, чего и не могло быть. Она закрепила в массовом сознании представление о том, что здоровье – это не товар: «Здоровье не купишь». Право на здоровье не зависит от «заслуг», связанных с образованием, социальным положением или доходом. Право на здоровье связано с самим фактом рождения человека. Продвинутое образование дается тому, кто способен и мотивирован, слава тому, кто талантлив, богатство тому, кто предприимчив. А право на заботу о здоровье – любому живущему человеку. Это более соответствует одной из базовых характеристик нашей ментальности, «жить не по закону, а по справедливости», и более соответствует заявленному Н.Е. Покровским принципу нравственности – уважение к личности.

Как показывают результаты исследования по программе «Двадцать лет реформ глазами россиян», рост чувства беспомощности повлиять на происходящее у россиян коррелируется не столько с возрастом или доходом, сколько состоянием здоровья. Среди тех, кто оценил своё здоровье как

плохое, 59% испытывали чувство беспомощности часто (при 19% среди оценивших его как хорошее и 37% – как удовлетворительное)[359]. Именно сокращение доступа к бесплатному медицинскому обеспечению наряду с ростом тарифов на ЖКХ, коррупцией и засильем бюрократии, ростом наркомании и алкоголизма являются лидерами тревожащих россиян явлений.

Российскому обществу кажется несправедливым, что от распродажи природных богатств России выигрывают немногие, в то время как массовое сознание «справедливо» полагает их общенародной собственностью. Большинству не понять, какие дыры в бюджете покрываются за счет нефтегазовых доходов. На вопрос «Кому должны принадлежать природные богатства страны?», заданный в 2010 г. авторами исследования о готовности российского общества к модернизации, привел к следующему распределению ответов (табл. 3.5)[360].

Таблица 3.5 – Кому, по мнению россиян, должны принадлежать природные богатства страны, %

Варианты ответов	%
Народу	45,00
Государству	39,00
Жителям территории, на которой они расположены	8,00
Тем, кто непосредственно работает с этими богатствами	6,00
Тем, кто стал их официальным собственником в результате реформ последних лет	2,00

Если коснуться остальных принципов «нереализованного проекта», то окажется, что они также не сопрягаются с реалиями нашего сегодняшнего существования и состоянием массового сознания. Уважение к труду теоретически базируется на его социальной значимости и профессиональной сложности. В обществе же на настоящий момент труд оценивается сугубо по доходу, который он приносит. Доход же бармена, например, выше дохода квалифицированного врача. Но поскольку мы понимаем, что врачебная

[359] Двадцать лет реформ… С. 70–71.
[360] Готово ли российское общество к модернизации… С. 27.

помощь более значима не только для общества, но и для каждого из нас лично, само несоответствие связки профессиональный труд – доход, порождает состояние аномии массового сознания как рассогласованности ценностной системы.

Такая же неработающая схема касается и уважения к профессии и знаниям. Н.Е. Покровский пишет[361], что только общественно продуктивный труд, направленный на укрепление материального и духовного благосостояния всего общества, может стать основой возвышения человека и завоевания им общественного признания. Но пока в нашем обществе нет корреляции между образованием и профессионализмом, с одной стороны, доходом и социальным престижем, с другой, эта статусная декомпозиция будет порождать ситуацию аномичного состояния общества. Невозможно целостное состояние общества при единственном критерии престижности статуса – доходе. Упрощая таким образом социальную реальность, мы делаем ее однообразной, что тоже является признаком энтропийных явлений, выравниванием элементов относительно друг друга.

Ограничение потребностей или разумный минимализм, прозвучавший у Н.Е. Покровского, между тем, как уже рассматривалось выше, противоречит основам той экономической системы, которая возобладала в мировом сообществе. Она основана на стимулировании потребления, которое в свою очередь обеспечивает рост производства и экономики в целом. Призыв к разумному минимализму не находит отклика в российском обществе еще и потому, что оно в массе своей и не жило в условиях избыточного удовлетворения своих потребностей, сверхпотребления, которое характерно для «золотого миллиарда» планеты. Поэтому любой призыв к ограничению потребностей вызывает отторжение и протест, особенно на фоне характерной для нас, как общества переходного периода, резкой социальной поляризации, когда небольшая часть социума

[361] *Покровский Н.Е.* Транзит российских ценностей…

демонстрирует не просто потребление сверх необходимого, но сверх каких-либо разумно и морально обоснованных границ. Это выносится на всеобщее обозрение средствами массовой информации, причем в комплементарном ключе: «умеют же люди жить». В сочетании с отсутствием в России налога на богатство, пропорциональным, а не прогрессивным налогообложением, эти факты не оставляют у широких общественных слоев сомнений в том, что власть лоббирует интересы только чиновников и олигархов, и любые призывы к разумному минимализму встретят отторжение.

Между тем, именно представлениями о необходимом достатке возможно манипулировать. Еще раз вспомним феномен «относительной депривации»: люди оценивают достаточность или недостаточность некоторых благ не просто в соответствии с количеством таковых, но с оглядкой на других людей, которые задают уровень запросов. И.Г. Биченко в своей диссертации на соискание степени кандидата социологических наук[362] показывает, что если ценностные ориентации российских студентов на любовь, здоровье и семью остаются неизменными и стабильно высокими, то ценностные ориентации, даже опосредованно связанные с общественным взаимодействием, такие как материальная обеспеченность, образование, не обладают стабильностью. Кроме того, у автора звучит мысль, что студенты слабо представляют себе, что есть материальная обеспеченность, а следовательно, сделаем мы собственное умозаключение, этим представлением можно манипулировать. Что подводит нас к одному из основных вопросов данного исследования: насколько возможно сознательно формировать нравственность, ценностно-нормативную составляющую массового сознания. Идеологии потребительства нет в протестантской этике, но она продуцируется самим механизмом стимулирования спроса. Вопрос: можно ли инициировать изменение идеологии, не разрушая экономику и природу?

[362] *Биченко И.Г.* Ценностные ориентации студентов российских вузов в условиях социальной аномии : автореф. дис. … канд. социолд наук. М., 2009. 21 с.

Не все идеи, ценности, смыслы найдут поддержку в социальной среде, а только те, что обладают, говоря языком социосинергетики, потенциалом аттрактивности. Для этого им следует опираться на архетипы, существующие в массовом сознании; быть «чувствительными» к самоорганизационным процессам, происходящим в социальной среде; они должны быть адекватными историческому моменту. Ценности долговечны, но их актуальность, иерархия – ситуативны. То есть главным условием успешных управленческих воздействий, в том числе выдвижения неких сплачивающих общество идей, является знание объекта, которым собираешься управлять.

Об архетипах массового сознания мы подробно говорили во второй главе данного исследования. Еще раз остановимся на том, что же нужно россиянам в данный конкретный исторический период. Оказание эффективных управленческих воздействий на общество по укреплению ценностно-нормативных оснований солидарного общественного существования, снижению «градуса» аномии возможно только при наличии встречного движения общества, а последнее невозможно без известной доли социального оптимизма. Между тем измерение социального самочувствия россиян в 2010 г. показало, что у 73% респондентов оно определялось как «кризисное», а у 11% как «катастрофичное»[363]. Спрашивается, почему в тот исторический момент, когда, казалось бы, самая тяжелая фаза экономического кризиса преодолена, статистика показывала неуклонный рост доходов населения, обеспеченности минимально необходимыми социальными благами, российское общество отвечало на это ухудшением своего психологического состояния?

Изучением, измерением, описанием такого целостного социально-психологического состояния, как социальное самочувствие применительно к российскому обществу, сегодня занимается целый ряд отечественных социологов: Я.Н. Крупец, С.О. Лебедева, О.В. Лясковская, Н.П. Медведев,

[363] Готово ли российское общество к модернизации... С. 5.

Л.И. Михайлова, О.М. Пучкова, Т.Б. Сергеева, А.Л. Стризое. Л.И. Михайлова дает, например, следующее определение данного феномена: «Переживание по поводу комфортности – дискомфортности своего бытия в социуме»[364].

Исследователи главным образом сосредотачиваются на задаче создания методик измерения и интерпретации данного феномена. Мы сосредоточим свое внимание на сложном и динамичном характере взаимодействия социального мироощущения личности и социальной реальности. Вместе с изменением последней меняется не только социальное самочувствие людей, но и возникает необходимость модернизации подходов к его измерению.

Очень интересный опыт исследований по измерению социального самочувствия накоплен у наших «соседей». Украинские исследователи Е. Головаха и Н. Панина с 1995 г. применяют к изучению состояния массового сознания украинского общества, оказавшегося в начале 90-х на тех же исходных позициях, что и российское (распад одной социальной системы – складывание новой), интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС)[365].

Социальное самочувствие в их трактовке является обобщенным индикатором реакции населения на социальные преобразования. Поддержка населением социальных изменений, а следовательно, общественных сил, их инициирующих, связывается исследователями с надеждой людей улучшить свое собственное положение. Интегральная оценка восприятия ими собственного благополучия в основных сферах социальной жизнедеятельности и является, таким образом, индексом социального самочувствия. Социальное самочувствие человека определяется степенью удовлетворения его социальных потребностей, которые, в свою очередь, являются производными от существующей в обществе системы социальных

[364] *Михайлова Л.И.* Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 46.
[365] *Головаха Е., Панина Н.* Интегральный индекс социального самочувствия населения Украины до и после «оранжевой революции» // Вестник общественного мнения. 2005. № 6. С. 11–16.

благ, их производства и распределения. Чем больше человек ощущает нехватку социальных благ, тем хуже его социальное самочувствие.

Авторы методики измерения установили перечень эмпирических индикаторов, определяющих социальное самочувствие людей, и на их основе Институтом социологии НАН Украины с 1995 г. проводятся мониторинговые исследования. Поскольку все измерения, заложенные в методику, начинаются с вопроса: «Чего из перечисленного ниже Вам не хватает?», любопытно посмотреть, чего не хватает близким нам ментально и по характеру состояния общественной жизни гражданам Украины для благоприятного социального самочувствия.

Самый высокий процент неудовлетворенности в обществе связан с нехваткой: «защиты от преступности» – 63,6% (средняя по годам измерений 1995–2005 гг.), «руководителей, способных управлять государством» – 66,7%, «соблюдения в стране прав человека» – 61,9%, «стабильности в государстве и обществе» – 72,9%, «государственной защиты от снижения уровня жизни» – 83,1%, «уверенности в том, что ситуация в стране будет улучшаться» – 66,5%[366].

Нетрудно заметить, что также как и в российском обществе (см. доклады ИС РАН: «Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров)» (2011), «Готово ли наше общество к модернизации» (2010)), основные претензии граждан Украины направлены в сторону власти и ее представителей в руководстве страной и правоохранительных органах. Недовольство этими составляющими общественной жизни определяет низкий интегральный индекс социального самочувствия. Кроме того, высокий процент напряженности вызывает нехватка «экологической безопасности» – 74,0%[367], что, возможно, объясняется не проходящими болью и страхом после чернобыльской катастрофы. Высокий процент неудовлетворенности показывают ответы о

[366] *Головаха Е. Панина Н.* Интегральный индекс социального самочувствия… С. 12-13.
[367] Там же. С. 12-13.

«возможности полноценно проводить отпуск» – 62,5%, «возможности питаться в соответствии со своими вкусами» – 70,0%. Учитывая, что недостаток необходимой модной и красивой одежды, хорошего жилья, необходимой мебели признают менее 50% респондентов, можно говорить о росте уровня жизни и формировании потребностей, свойственных среднему классу, претендующему на качественную жизнь. Хотя процесс этот в самом начале, поскольку о нехватке «возможности приобретать самые необходимые продукты» говорит 51,8% респондентов, что, конечно же, очень много.

Из вторичного анализа результатов опроса по методике измерения ИИСС следует, что украинское общество находится в социальном плане на стадии складывания структуры, соответствующей развитым обществам, где наиболее весомой стратой является средний класс. Но поскольку это начало пути и велик удельный вес бедных слоев населения, в обществе сильны патерналистские настроения, жажда «государственной защиты от снижения уровня жизни». Ответственность за современное состояние общества в значительной степени перекладывается на власть. Именно с ее просчетами в деятельности связываются проблемы сегодняшнего дня. От нее ждут не столько «национальной идеи», которая апеллировала бы к традиционным этическим ценностям общественной солидарности, сострадательности и патриотизму, не столько политических свобод и полной информации о происходящем, потребность в которых, видимо, удовлетворена, сколько вполне конкретных дел, связанных с ростом правовой защищенности граждан, гарантий охраны здоровья и создания рабочих мест. В этом случае она может рассчитывать на поддержку своих действий, в том числе по реформированию различных сфер общественной жизни.

Думаю, что конечные выводы в значительной степени можно проецировать на российское общество в силу схожести социально-исторического контекста развития. И тогда из изменения самого характера социальной структуры общества, где пусть и медленно, но формируется

средний класс, где 23% населения, как показывают последние исследования[368], являются модернистами по своему сознанию, вытекают изменения претензий к качеству жизни, с обеспечением которого власти всех уровней очевидно не справляются. Ухудшение социального самочувствия может быть связано не только с абсолютным снижением уровня жизни населения, но и с неудовлетворенностью растущих ожиданий, и не только материальных. А это уже свидетельство роста качества человеческого капитала.

О несоответствии методик измерения социального самочувствия современному уровню развития российского общества пишет Д. Рогозин[369]. Он на российском материале анализирует отечественные методики измерения социального благополучия как оценку собственной жизни в контексте положения в обществе, в том числе операциональную схему, которую использует уже более десяти лет Фонд «Общественное мнение» (данные на 2007 г. – Н.М.). При этом концепты «социальное самочувствие» и «субъективное благополучие» исследователь уравнивает. Он приходит к выводу, что к настоящему моменту составленные в начале 1990-х гг. вопросы о социальном самочувствии, ориентированные на различение адаптировавшихся и не адаптировавшихся респондентов, перестали отражать динамику среднесрочных изменений в восприятии респондентами своего места в обществе. По всей видимости, считает автор, время перемен прошло, и общество из трансформирующегося становится все более стабильным. «Сегодняшний день» трансформируется в сознании респондента в «сегодняшнюю жизнь». Исследователь резюмирует по этому вопросу: «Концепт социального самочувствия слишком сложен, чтобы редуцировать его до нескольких элементарных суждений». Во-вторых, российская аудитория демонстрирует закрытость и нежелание обсуждать в формате

[368] Готово ли российское общество к модернизации... С. 25

[369] *Рогозин Д.* Как правильно задавать вопросы о социально-демографических характеристиках респондента // Социальная реальность. 2006. № 9. С. 97–105; *Рогозин Д.* Тестирование вопросов социального самочувствия // Социальная реальность. 2007. № 2. С. 97–113.

стандартизированного интервью личные моменты, связанные с личными целями, планами, пониманием счастья. Отсюда реальная опасность получить ложные или ситуативные сведения. В-третьих, в анкетах российских опросов заложена исследовательская позиция, что главный системообразующий показатель социального самочувствия – оценка респондентами своего материального положения. Д. Рогозин полагает, что социальное самочувствие не может быть сведено лишь к материальному благополучию, в особенности сегодня, когда шоковое восприятие действительности минуло и тематическое наполнение исходного концепта реально усложнилось.

Д. Рогозин предлагает такие «тонкие» индикаторы социального самочувствия, как корреляция личных целей и социальных возможностей, влияние успешности или не успешности дружеских, интимных отношений на данный показатель. В рамках нашей работы хотелось бы выделить те компоненты социального самочувствия, которые являются важнейшими при его оценке россиянами, «нащупать» аттракторы социального порядка, которые могут запустить механизм самодостраивания системы как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества в целом.

Ценностное ядро россиян можно представить как треугольник: семья, работа, здоровье. Эти же составляющие мы обнаруживаем в структуре ценностей любого другого национального общества. Но дело ведь в их иерархии, сопряжениях и конфигурациях. Неоднократные исследования состояния общественного сознания россиян показывают, что Россия пока не стала обществом «победившего индивидуализма», несмотря на упоминавшуюся уже разницу в социокультурном облике регионов, завершающих вторичную модернизацию, и остальных. Идея приоритета интересов личности не слишком легитимна для россиян, хотя отношение к индивидуализму у нас весьма толерантное и понятие «индивидуализм» вызывает положительные ассоциации у 61% респондентов[370]. Но это не

[370] Готово ли российское общество к модернизации… С. 48.

значит, что автоматически на передний план выносятся интересы коллектива. На первом месте у граждан России стоит семья. Значимость такой социальной группы, как «семья», подчеркивается в большом количестве «МЫ»-ответов, говорится в исследовании Рогозина, когда личное благополучие ставится в прямую зависимость от благополучия семьи. Респондент говорит о себе, но держит в голове ее образ. Увеличение ссылок на семейную принадлежность[371] может свидетельствовать об изменении способа достижения психологического, внутриличностного баланса. То есть в условиях ослабления социальных связей в иных социальных общностях особенно значимыми становятся внутрисемейные.

Почему при столь высокой значимости семьи столь высок процент разводов, неблагополучных браков, каковы причины внутрисемейной аномии? Социальные психологи усматривают их прежде всего в трансформации семьи как социального института. Происходит изменение традиционной семейной экономики, нуклеаризация, либерализация семьи. Любые принципиальные изменения происходят не безболезненно. Исследователи говорят об изменении ролей, занимаемых супругами, трансформации ценностных ориентаций, изменении соотношения поколений в семье, об изменении «детерминанты власти». Если раньше лидирующее положение в семье занимал мужчина, то сегодня положение супругов изменилось[372]. Особенно трудно эти перемены, связанные со сменой внутрисемейных ролей, переживают мужчины. Теряя позицию кормильца семьи, они утрачивают авторитет в собственных глазах. Отсюда эскапизм мужчин, когда они не просто уходят из семьи, но перестают нести ответственность за оставшихся детей, пьянство, бытовое насилие как проявление реакции замещения. Трансформация семьи – закономерный процесс, связанный с трансформацией всей общественной системы. Но

[371] По результатам исследования: О чем мечтают россияне (размышления социологов) : аналитический доклад. М., 2012. Именно с семьей в первую очередь россияне себя идентифицируют (64,6%). С. 154.
[372] См.: *Морозова Н.М.* Аномия в семье [Электронный ресурс] // POLIT.SPB.RU. Электрон. дан. М., 2010. URL: http://www.polit.spb.ru

глубина аномии, поразившей российскую семью, напрямую связана с неблагополучием общества. Безработица, низкий уровень заработной платы, низкий уровень правовой защищенности, невозможность решить жилищный вопрос – эти проблемы, усугубляют трудности, связанные с трансформацией семьи как социального института. По-прежнему признавая семью высшей ценностью, вынося на первое место по значимости того, что она дает – взаимное уважение, терпимость и понимание – россияне бывают не в силах ее сберечь. Проблемы общества проецируются на семью, усугубляя ее внутренние проблемы.

Фокусом мироздания для нынешних россиян выступает их личный микрокосм, считают авторы доклада по модернизации. Большой мир обязан, по мнению россиян, обеспечивать спокойствие в малом. Но забота о семье не отменяет у нас стремления к самореализации. У россиян, как показывают исследования, особо сильная ценностная мотивация на сферу духовного, включая сферу познания и образования. Так, частота благоприятных откликов на слово «учиться» в 2010 г. была зафиксирована на уровне 91%, «наука» – почти 93%, «душа» – свыше 93%, что выше, чем у европейцев, с которыми россиян сравнивали. Все понятия этого семантического кластера вызывают у населения России намного более благожелательное отношение, чем понятия, связанные с приобретением и закреплением за собой материальных богатств (так, слово «копить» в 2000 г. вызвало симпатии только у 65% опрошенных, а в 2010 г. – у 67%)[373]. Интересная работа также устойчиво входит в число лидирующих ценностей нашего населения, обгоняя значимость любых материальных факторов. Она является не только способом добывания средств к существованию, но сферой самореализации, раскрытия своего творческого потенциала.

Вопреки стереотипным представлениям о наших гражданах, более всего они ценят в людях трудолюбие (70% респондентов), честность (62%),

[373] Готово ли российское общество к модернизации… С. 165–166.

профессионализм (51%)[374]. В сочетании с устойчивым интересом к содержанию работы это может быть мощным импульсом для проведения преобразований, необходимых современному российскому обществу. Что же его блокирует, что не дает развернуться этому потенциалу?

Одним из главных социальных архетипов нашей ментальности является понимание справедливости, не столько опирающейся на закон, сколько восходящей к некой абсолютной правде. Причем чем выше располагается личность на социальной лестнице, тем больше требований предъявляется к соблюдению ею законов и защите правды. В случае, когда общество разуверилось в способности властей всех уровней жить «по правде», его представители в значительной своей части не считают для себя обязательным соблюдать правила, сформулированные теми, кто сам их не соблюдает. Но в силу специфики исторической судьбы протест против сложившегося порядка вещей носит не открытый характер, а форму глухого молчаливого саботажа. Впрочем последнее, возможно, вскоре претерпит изменение, поскольку выросло уже поколение, чья историческая судьба принципиально иная. И формы социального протеста в информационном обществе могут быть свои. Недоверие граждан к социальной системе как целому – главный фактор аномии-энтропии, не дающей ей интегрироваться.

Возможно именно реформа судебно-правовой системы могла бы стать аттрактором, притягивающим к себе векторы развития модернизационных процессов и придающим им ускорение. Российская история не раз доказывала, что идеи, обладающие свойством аттрактивности, организовывали российское общество на мощный рывок в отсутствие, казалось бы, объективных предпосылок. Попытка связать все ниточки сразу между реально существующим российским обществом, где не развит средний класс, где до сих пор движущей силой модернизации считают рабочих и крестьян, где стабильность ценят больше, чем развитие с неким

[374] Готово ли российское общество к модернизации… С. 163.

образцом общества модерна, – попытка с весьма проблематичным результатом. По крайней мере, в краткосрочной перспективе. «Удар» же в болевую точку общественного сознания – ощущение своего бесправия и творимого беспредела, которое влечет за собой эскапизм, бегство в сферу приватных отношений – поможет собрать те силы, на которые возможно будет опереться в модернизационном рывке. Россияне вложат в него присущую им активность, трудолюбие, ответственность и профессионализм, готовность договариваться с властью.

Необходимость изменения методик измерения социального самочувствия россиян вытекает из изменения самой социальной реальности, в которой мы существуем, адаптивные модели поведения трансформируются в модели развития, жизненные ориентиры меняются с «выжить» на «жить качественно». Прохождение «витальной стадии» общественного существования, рост претензий к качеству жизни, не только материальной, сохраняющееся в обществе упование на власть как источник ожидаемых преобразований и улучшений[375], неисполнение этих ожиданий – все это ведет к ухудшению социального самочувствия россиян.

Если предположить, что россияне не способны на самоорганизованную деятельность, то действительно с ними можно не считаться и руководить только организованными воздействиями. Но анализ эмпирики говорит, что это далеко не так.

Наблюдения свидетельствуют о самоорганизационных процессах, протекающих, например, в Интернет-пространстве, и объективирующихся в реальности. Применяя социосинергетический подход к изучению социальной системы, можно сказать, что именно здесь возникают аттрактивные структуры, притягивающие вектор развития системы в целом. Насколько в этом движении участвуют россияне?

[375] См.: О чем мечтают россияне… С. 31.

По данным Института статистических исследований ВШЭ доля интернет-пользователей в России в 2012 г. достигла 66 %. Межстрановые сопоставления показывают, что активность россиян в использовании интернета по отдельным направлениям превышает показатели большинства стран Европы[376]. Более репрезентативной выборки сложно себе представить. Социологам в последнее время становится очевидным, что коммуникации, устанавливаемые в виртуальном пространстве, имеют тенденцию к объективации. В виртуальном пространстве разворачивается реальная жизнь. Компьютеризация уже интерпретировалась в моделях трансформации современного общества как одна из тенденций. А. Бюль называет виртуализацией процесс замещения с помощью компьютеров реального пространства как места воспроизведения общества. Это технический процесс создания виртуального общества как «параллельно» существующего с реальным, при этом в реальном «сегменте» общества изменений нет, там вообще ничего не происходит. М. Паэтау рассматривает происходящие в обществе изменения как структурную дифференциацию системы вследствие появления в ней новых элементов – виртуальных аналогов реальных коммуникаций. Российский исследователь Д.В. Иванов, комментируя своих предшественников, справедливо, на наш взгляд, замечает, что дать ответ на вопрос «откуда взялись изменения?» можно, только рассматривая виртуализацию как процесс социальный, процесс изменения общества в целом, а не как создание «параллельного» виртуального общества[377].

Он полагает, что компьютеризация повседневной жизни вводит в обиход виртуальную реальность в качестве компьютерных симуляций реальных вещей и поступков. Взаимодействия в сети осуществляются как виртуальные аналоги реальных взаимодействий. При этом происходит замещение реального исполнения социальных ролей симуляцией. Общество в традиционном его понимании замещается киберпротезом. Виртуализация,

[376] Россияне в интернете // News Click. Электрон. дан. М., 2013. URL: http://islamclick.ru/news/2013/rossiyane-v-internete/
[377] *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб., 2000. 96 с.

по Д. Иванову, – это любое замещение реальности ее симуляцией / образом, не обязательно с помощью компьютерной техники. Виртуальный социальный феномен – это симуляция институционального строя общества, замещение реальных вещей и действий образами и манипуляциями с ними. Поэтому в рамках своего социологического подхода Д. Иванов утверждает, что не компьютеризация жизни виртуализирует общество, а виртуализация общества компьютеризирует жизнь. «Именно поэтому распространение технологий виртуальной реальности происходит как киберпротезирование. Оно вызывается стремлением компенсировать с помощью компьютерных симуляций отсутствие социальной реальности»[378].

В данном подходе виртуализация понимается шире, чем появление наряду с реальным пространством пространства, созданного при помощи компьютеров. Здесь под виртуализацией понимается абстракция ресурсов, замещение реальных предметов и действий с ними манипулированием образами. Но этот подход не объясняет объективацию взаимодействий, установленных в сети.

Россияне активно выстраивают коммуникации в социальных сетях, на различных профессиональных, тематических форумах, форумах общения, через персональные блоги, Интернет-дневники. Здесь можно высказаться по поводу наболевшего, получить профессиональный совет, узнать, сколько стоят березовые дрова, как себя чувствуешь в последнем триместре беременности, или получить консультацию по уплате налогов. Через такие форумы пристраивают бездомных котят, обмениваются вещами или ищут свидетелей произошедшего ДТП. Не секрет, что на обращение соответствующих служб к свидетелям событий россияне откликаются неохотно. Но если сам пострадавший размещает свой запрос на форуме автомобилистов, то Интернет-среда охотно откликается. Невозможно не заметить процессы самоорганизации, происходящие в сетевой среде

[378] *Иванов Д.В.* Виртуализация общества... С. 19.

общения. Они начинают оказывать воздействие на реальные события. Размещенная в сети информация публично обсуждается, ее осуждаю или, напротив, выражают поддержку. Размещаются материалы, связанные со злоупотреблениями представителей различных служб, фактами аморального поведения, хамства, имеющими место в нашей жизни. По поводу этих фактов выносится коллективное мнение, дается оценка. Официальные органы власти не могут игнорировать позицию общественности, поэтому мы слышим о начале служебных расследований, возобновлении уже закрытых судебных дел и т.д.

Для осмысления происходящего предлагаю еще раз обратиться к теории культурных инсценировок Л. Ионина. Автор утверждает, что становление и развертывание культурных форм в обществе, где утрачена идентификация большим числом его членов осознанного представления о личных и групповых интересах, происходит не с осознания своего социального интереса, а с предметных и поведенческих презентаций[379]. Индивиды стремятся выйти из их нынешнего неопределенного и неустойчивого положения. В условиях, когда теория и моральное учение недоступны, на первый план выходят внешние знаки идентификации, усвоение которых на определенное время становится единственным средством приобщения к той или иной культурной форме. К ним Л. Ионин относит усвоение поведенческого кода и символики одежды, выработку лингвистической компетенции, освоение пространств, в которых происходит презентация избранной культурной формы.

Это игра, и правила ее воспринимаются именно как правила игры, но не как правила жизни. Игра может быть интересной или неинтересной, во всяком случае в нее не обязательно играть. Но на втором этапе культурной инсценировки происходит, согласно Л. Ионину, усвоение некоторого теоретического ядра и выработка соответствующего морально-этического

[379] *Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие… С. 254–256.

настроя. Далее это уже не инсценировка, а настоящая жизнь в ее объективной реальности и необходимости.

Первый этап культурной инсценировки просматривается в выработке Интернет-средой лингвистической компетенции: язык «смайликов», например, что можно отнести к графическим способам выражения экспрессии и идентификации, использование буквенных аббревиатур, сложносокращенных слов и графических сокращений. Усвоение поведенческого кода и освоение пространств, в которых происходит презентация избранной культурной формы, просматривается в «культурных играх» тех же мобберов, где перед каждой акцией простраиваются правила социальных взаимодействий по линиям: моббер – организаторы акции, моббер – другой моббер, моббер – прохожий, моббер – сотрудник правоохранительных органов. Политизация же мобберовского движения может свидетельствовать о выработке идейного зерна, что означает выход культурной инсценировки на второй этап, то есть в реальную жизнь.

Что касается морально-этического ядра, то его наличие особенно важно установить, учитывая тематику данной работы. Был проведен сравнительный анализ правил поведения на форумах, сформулированных их администрацией, за выполнением которых следят модераторы сайтов. Что характерно, мы видим не только четко сформулированные нормы поведения участников форумов, но и санкции за их нарушение, что свидетельствует о достаточно развитой, в данном случае самоорганизационной культуре.

Во-первых, на всех форумах требуют соблюдать «стандартные нормы человеческого поведения». Отдельно обращаю внимание на этот момент, поскольку он свидетельствует о понимании наличия норм, их стандартизированности и необходимости их соблюдения. Что к ним относят? Безусловный запрет на всех форумах использовать ругательства, жаргонные, грубые и нецензурные выражения, блатной сленг. Запрещены проявления неуважительного отношения к собеседнику: грубость, некорректное

обращение, циничные высказывания, саркастические замечания, завуалированное ёрничество. Также запрещается «явная и скрытая пропаганда насилия, расизма, сатанизма, порнографии, алкоголя, наркотиков и любых вопросов, противоречащих нормам общепринятой этики и морали. Не допускается выражение взглядов, противоречащих нормам взаимоотношения и поведения людей в современном обществе (поощрение подлости и лжи, культивирование жестокости, подчеркивание равнодушия к человеческим страданиям…)». И даже не приветствуется «положительное отношение к супружеским изменам и иным формам аморального поведения».

Запрещены проявления крайнего фанатизма, страстной приверженности любой идее (подчеркивание мое – Н.М.), поскольку это всегда сочетается с нетерпимостью к инакомыслящим и пренебрежением нормами морали при ведении дискуссии.

На одном из форумов встретился такой запрет на выражение нелюбви к кому-либо: «Безусловно, ваше право не любить москвичей, провинциалов, американцев, русских, бедных, богатых, гаишников, библиотекарей, кошек, собак и опоссумов. В мире столько соблазнов что-либо не любить! Но если вы начинаете выплескивать эту свою нелюбовь сюда в агрессивной форме, мы вас в свою очередь за это не полюбим»[380]. Любопытно, что это тематический форум автолюбителей и среди обсуждения вопросов, связанных с объемом двигателя и потребления им бензина такой вот призыв «возлюбить ближнего своего».

Второй момент: на всех форумах излагаются правила, которые «учат» культуре дискуссии. Приветствуется грамотная речь, позитивный настрой и дружественность. Запрещается размещать заведомо ложную информацию, клевету, а также использовать нечестные приемы ведения дискуссий. Например, «переходить на личности», т.е. критиковать персону участника форума, передергивать высказывания, уничижительно намекать на возраст,

[380] Автомобильный клуб ПРАВОМСК. Электрон. дан. М., 2013. URL: http://pravomsk.ru/archive/index.php/t-21602.html

пол или уровень образованности собеседника, не приветствуются самоуверенный тон или излишняя саркастичность, ответ вопросом на вопрос, а также иные раздражающие провокации, направленные на участников форума. Не одобряются голословные бездоказательные утверждения, неконструктивные высказывания, а также любые малосодержательные или не несущие смысловой нагрузки сообщения, именуемые «флудом». Отдельно оговариваются взаимоотношения с троллями, Интернет-хулиганами, которые намеренно размещают грубые или провокационные сообщения в сети, чтобы спровоцировать других участников форума. Их вполне конкретно определяют как сетевых социопатов.

Интересен вопрос санкций к нарушителям. Виртуальный характер общения не предполагает возможность применения «жестких» санкций. Даже нецензурные слова не то что вообще нельзя писать, но они не будут выведены для чтения. Специальная программа их, что называется, «запикает». В зависимости от «тяжести» нарушения, первичного или повторного его характера виновному может быть вынесено приватное замечание, публичное замечание, он может быть временно отлучен от конференции или вообще удален с форума. В особо «тяжких» случаях вообще блокируется сеть провайдера. Показательно, что лишение возможности коммуникации рассматривается как достаточное жесткое наказание.

Интернет как среда социальных взаимодействий дает нам разнообразные примеры самоорганизационных процессов. Они показывают нам, что Интернет предоставил российскому обществу новые формы для выражения общественного мнения и отстаивания своих коллективных интересов. Сегодня с его помощью совместно выращивают цветы и ищут необходимую для переливания группу крови, завтра, возможно, организуют совместную акцию по отстаиванию своих интересов в реальном пространстве социума.

Анализ правил поведения, изложенных на различных форумах, а это форумы общения, тематические форумы автолюбителей и даже заводчиков волнистых попугайчиков, говорит нам, что Интернет-среда живет, в общем-то, по схожим правилам, основанным на стандартных моральных принципах, представления о которых обществом, оказывается, не утеряны, а значит ценностное ядро сохраняется и его вполне возможно выделить.

3.3. Идея национального развития как аттрактор

Уже не первый год в российском обществе и науке разворачивается дискуссия о необходимости ясного формулирования модернистского проекта перспективного развития России. Куда и зачем мы движемся?[381]. Необходимость появления модернизационного социального проекта сегодня связана с вопросом сохранения и развития национального общества и государства, впрочем, эта проблема актуальна не только для России. Со времен Просвещения западная цивилизация разворачивалась по линии реализации его идей в культуре: свобода и равенство, либеральная демократия и гражданское общество, капитализм и прогресс. На этом пути опробовались и отбрасывались или принимались модели функционирования различных социальных институтов, в рамках которых данные идеи реализовывались через конфликты и их разрешение, общественные движения, смену элит. Что мы имеем сегодня? По сути, идейную стагнацию, систему, направленную не на развитие и воплощение идеи, а на самосохранение и экспансионистское внедрение в другие регионы сложившихся образцов. Система не внутренне развивается, а диффузионно расширяется. Мы наблюдаем ситуацию энтропийного роста.

[381] *Клямкин И.* Модернистский проект в России [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2003. № 1. Электрон. версия печатн. публ. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/kliamk.html; Будущее России в зеркале синергетики…

Необходимое любому обществу аттрактивное начало связывается сегодня некоторыми политическими силами с формированием негативной идентичности по отношению к «чужим» ради сплочения «своих». Для Запада таковыми являются общества, на которые не распространяется его контроль. Негативное самоопределение отражает боязнь утраты национальных ресурсов и национальной идентичности. По сути, извечная российская необходимость внутренне сплотиться, догнать и перегнать, иначе обойдут и растопчут – тоже вариант формирования негативной идентичности: сплочение через страх, а не аттракцию. Но данные варианты сплочения через негативную идентификацию направлены только на защиту, а не на развитие, не говоря уж о том, что они и неэффективно работают.

Немецкий исследователь Карл Ахам писал в 1995 г.: «Мы проигрываем войну против невежества и жестокости в отношениях между людьми и, в конечном счёте, в международных отношениях, потому что не можем предложить что-нибудь позитивное. Мы будем то и дело попадать в ловушку бесчеловечности, покуда будем только обороняться и пытаться с помощью критики загнать бесчеловечность в угол, но не сможем заменить её какой-нибудь позитивной силой, социальным проектом, который не ограничивается устранением и отрицанием»[382]. При этом исследователь выражает озабоченность, что гедонистическая культура не способна на осуществление социальных проектов ценой затрат. Прагматизм и технократия способны немногое дать для обеспечения кризисоустойчивого развития общественной жизни. Утрачено понимание «всеобщего блага» и ценностных ориентаций.

Эта утрата характеризует западную цивилизацию с точки зрения аномичного, кризисного состояния входящих в нее обществ. Кризис сегодняшнего дня связан, очевидно, не просто с корректировкой существующей макроэкономической системы, а с ее переструктурированием.

[382] *Ахам К.* Социологизм и проблема ценности…

Сколь бы ни повышали ведущие мировые державы планку государственного долга и ни вбрасывали миллиарды напечатанных денег, это замедляет рост неупорядоченности системы, но не отменяет его. Необратимо изменится «лицо» не только западной цивилизации, но и всего мира. Глобализация и экономические проблемы сделали неизбежным превращение современного общества в общество риска. «Ситуации риска, напротив, несут в себе другую опасность. В них нет ничего само собой разумеющегося… Такого рода подверженность опасности не вызывает социальной сплоченности… В классовом обществе бытие определяет сознание, а в обществе риска, наоборот, сознание … определяет бытие»[383].

Т.е. в современной ситуации отсутствуют четкие координаты, которые притягивали бы к себе индивидуальные жизненные стратегии. В.О. Ключевский называл в прошлом такое время смутным. В смутное время жизнь общества до чрезвычайности усложнялась, писал он, классы выступали со своими требованиями и претензиями и прихоти «польских шаек» или «тушинского вора» могли существенно отразиться на судьбах России. В «смутное» время правила, нормы морали и поведения, пригодные для спокойного этапа, вдруг становятся непригодными, перестают давать верный прогноз, соблюдение старых норм не ведет к успеху. В таких кризисных условиях «модернистский проект» развития общества и государства становится жизненно необходимым, условием сохранения и развития социальной системы.

Почему модернистский проект не может ограничиваться заявленными на всех уровнях власти модернизацией экономики на основе инноваций, укреплением национальной государственности, социально ориентированной политикой? Реализация такого проекта не будет соответствовать поставленным целям, если не совпадут организационные усилия и самоорганизационная составляющая общественного развития, если

[383] *Бек У.* Общество риска. С. 63–64.

провозглашаемые цели не будут резонировать с умонастроениями общества, если по-прежнему власти будет отказано в кредите социального доверия. Как пишет А.Л. Андреев[384], в определенный момент процесса реформирования российского общества власти начинают понимать, что технологиям управления следует быть более мягкими, и сверху спускается проект поиска «национальной идеи». Но ограничения, которые при этом накладываются на возможный вариант подобной идеи, оказываются такими, что выводят так обрисованный желаемый вариант за пределы спектра тех возможных вариантов, что реально предсуществуют в среде и на которые только и может вывести систему процесс самоорганизации. «На будущую национальную идею с самого начала было наложено столько ограничений (например, она не должна быть русской), что если даже «наверху» какой-то вариант и был одобрен, он получился настолько обтекаемым, что, скорее всего, ни в ком не мог бы вызвать живого эмоционального отклика»[385]. Живой эмоциональный отклик означал бы, что идея затронула глубинные архетипы национального сознания, притянула к себе вектор развития всей системы, что является непременным условием ее успешной реализации.

С точки зрения социосинергетики, можно потратить огромные усилия и средства, создать что-то наподобие «морального кодекса коммунизма» и потерпеть полное фиаско в силу полного непопадания в вектор развития самоорганизационных процессов, наличествующих в среде. Но с другой стороны, малое резонансное воздействие, инициирование аттрактивности, предзаданной средой, может привести систему к когерентному взаимодействию всех элементов. Вопрос в том, как нащупать структуры общественного сознания, на которые следует оказать это резонансное воздействие. К каким идеям общество подготовлено и может вокруг них аккумулироваться, предоставив для созидания свою совокупную жизненную

[384] *Андреев А.Л.* Самоорганизация социокультурной среды и трансформация политической системы: российские реформы с точки зрения синергетики // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. 2000. № 6. С. 77–85.
[385] Там же. С. 80.

энергию, при каких условиях модернистский проект будет поддержан обществом – вот вопросы, на которые хотелось бы получить ответ.

История знает прецеденты идей, которые аккумулировали бы национальную энергию в единое целое, и далеко не все из них были моральны, и не все кумиры, властители дум были интеллектуальной и моральной элитой своего общества, феномены А. Гитлера и И. Сталина в этом ряду.

Благодаря работам М. Вебера хорошо изучен вопрос о роли «духа протестантизма» в складывании западного капитализма. Конечно, можно говорить, что успешная экономическая деятельность представителей третьего сословия требовала своего «оправдания», легитимации в религиозной по духу культуре именно религиозными средствами. Эта насущная необходимость сопровождалась затяжным кризисом римско-католической церкви, духовным и организационным, появлением различного рода религиозных течений «нового благочестия», в которых основной акцент делался не на внешних, обрядовых формах выражения религиозности, а на внутренних индивидуальных устремлениях человека к богу. В заключительном звене этой логической цепочки причинно-следственных связей появляется Мартин Лютер с его тезисом «оправдания верой», устанавливающим прямую связь между человеком и Богом без посредничества церковного клира, и, что еще важнее для «духа протестантизма», Жан Кальвин с его догматом «о предопределении», в котором успешная экономическая деятельность становится знаком богоизбранности. Труд из наказания за первородный грех превращается в случае его выгодности, экономической успешности, сопровождаемой обогащением, в знак спасения души. Так были сняты культурные барьеры для предпринимательства и конкуренции – залогов капиталистического роста. Но в этой цепочке причинно-следственных закономерностей есть один уязвимый момент. Замечательное наблюдение по этому поводу сделала

В.Г. Федотова[386]. М. Веберу отличия западного капитализма от не западного представлялись принципиальными, он настойчиво показывал «нормальность» (т.е. некую «универсальность» – Н.М.) не западного мира и уникальность западного. Протестантизм как таковой не ставил перед собой мирских задач. Но нашлись социальные силы, в среде которых эти идеи резонировали с их практическими интересами и были использованы для приведения к согласию внутренней духовной и внешней практической жизни. Если рассматривать западный протестантский духовный опыт как «уникальный», а не универсальный, то он становится флуктуацией, повлиявшей на режим функционирования системы.

Н.А. Бердяев доказывал неотвратимость русского коммунизма: «Русская душа не склонна к скептицизму, ей менее всего соответствует скептический либерализм. Народная душа легче всего могла перейти от целостной веры к другой целостной вере, к другой ортодоксии, охватывающей всю жизнь»[387]. Доказательство вполне в духе социосинергетических подходов. Идеи марксизма в большевистско-ленинской интерпретации резонировали в определенных социальных слоях общества, нижних слоях деревни, не справившихся со столыпинскими преобразованиями, большей части пролетарских слоев города и даже части интеллигенции, ждавшей духовного обновления в горниле революционного огня. Эти идеи принципиально по-иному позиционировали социальные статусы и роли представителей низших сословий, «из грязи в князи», из униженных – в хозяев своей страны, своей земли и всего, что на ней находится, так что идеи подкреплялись еще и существенным материальным аспектом. Благодаря мощному резонансному взаимодействию большевикам удалось аккумулировать достаточный людской и материальный потенциал, чтобы справиться с гражданской войной и интервенцией и приступить к

[386] См.: *Федотова В.Г.* Хорошее общество… С. 67.
[387] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма… С. 115.

строительству социализма в отдельно взятой стране, что классики марксизма, в общем-то, не предполагали.

«Майн кампф» Адольфа Гитлера – библия национал-социализма. Все, кто ее читал, признают, что она крикливая, напыщенная, изобилует длиннотами, неясностями. Лион Фейхтвангер насчитал несколько тысяч грамматических ошибок в ее первом издании. Спрашивается, как она и ее автор, этакий гофмановский Крошка Цахес, буквально зомбировали миллионы немцев, приведя эту древнюю, с выдающимися культурными достижениями, с мощной интеллектуальной традицией нацию к одному из самых страшных преступлений в истории нашей цивилизации? Как можно было серьезно читать, например, такой пассаж: «Черноволосый еврейский юноша часами поджидает с сатанинской радостью в глазах ничего не подозревающих арийских девушек, которых он опозорит своей кровью и таким образом обокрадет нацию... Любыми средствами, находящимися в его распоряжении, он стремится уничтожить расовые особенности немцев... Евреи даже привели негров на берега Рейна с определенной четкой целью в голове – уничтожить ненавистные белые расы путем «гибридизации», столкнув их с культурных и политических высот, чтобы самим вскарабкаться на освободившееся место»[388].

Понять это невозможно, если не учитывать национальные особенности немцев и специфику исторического момента. О немцах, так же как и о русских, бытует множество стереотипов, и, учитывая их живучесть во времени, не безосновательных. Немцы стремятся упорядочить все и вся вокруг себя, они законопослушны, принципиальны и склонны к перфекционизму. И вот нацию с такими особенностями менталитета подвергают серьезному испытанию, ее делают персональным и, по сути единственным, виновником Первой мировой войны, заставляют расплачиваться за это по принципу «проигравший платит за все». Об

[388] *Гитлер А.* Майн кампф. (Моя борьба). Ашхабад, 1992. С. 287.

истинных причинах этого масштабного мирового конфликта писалось много, исследователи обнаруживают наличие противоречий между державами Антанты и Тройственного союза, региональных противоречий между Францией и Германией, Австро-Венгрией и Россией и др., выделяя из них наиболее актуальные на тот исторический момент. В любом случае подчеркивается, что война стала неизбежной, поскольку на момент ее начала рассматривалась «продолжением политики, но только другими средствами». Однако по Версальскому договору 1919 г. за эту коллективную ошибку расплачиваться заставили именно Германию. В ст. 231 мирного договора на нее была возложена историческая ответственность за развязывание войны, кроме того, она несла огромные территориальные потери, численность германской армии была ограничена 100 тысячами человек, отменена и запрещена к введению всеобщая воинская повинность, а также Германия была лишена права создавать военную авиацию, танковые части и подводный флот. Германский военно-морской флот подлежал ограничению, а Генеральный штаб и Военная академия распускались. Репарации были столь велики, что окончательно долги по ним, по информации газеты The Daily Mail, были погашены только в 2010 г.[389] Но самым болезненным для немцев, и в этом сходятся все исследователи вопроса, был факт признания их единственными виновниками войны. Оскорбленное национальное самолюбие стало источником реваншистских настроений. И вот выходит работа Адольфа Гитлера, в которой он провозглашает расовое превосходство арийской нации и ее грядущую роль предводителя человечества. Кроме того, он объясняет поражение в Первой мировой войне расовыми причинами, снимая ответственность и, соответственно, чувство вины с истинных арийцев. Он предлагает построить национальный государственный капитализм, ориентированный на самообеспечение и освобождение от иностранного капитала, что сулит обретение независимости

[389] Германия расплатится за Первую мировую войну в 2010 году [Электронный ресурс] // Мир. 03.12.2009. Электрон. дан. М., 2009. URL: http://lenta.ru/news/2009/12/03/reparations/

от тех, кто «обидел» немцев Версальским договором; с конфискацией состояний, нажитых на военных поставках в годы войны, состояний тех, кто разделяет ответственность за этот национальный позор. Принципиальность проявлена, порядок установлен, чувство перфекционизма удовлетворено и, перефразируя И. Гете, немцы опять усложнили все себе и другим.

И еще один пример, связанный с возвращением Крыма в состав Российской Федерации. Безусловный аттрактор для российского общества. Поддержка самого факта присоединения, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), составляет 91% россиян[390]. Но поскольку само это событие обладает потенциалом аттрактивности, то оно притягивает к себе траекторию развития системы, обеспечивая снижение уровня энтропии в общем. В нашем случае – социальной аномии. Резко пошли вверх значения индексов, много лет рассчитываемых Левада-центром: положения дел в стране, одобрения Президента и премьера, одобрения правительства и даже губернаторов, хотя, казалось бы, какое отношение последние имеют к этому событию[391]. О небывалом сплочении российского общества вокруг Кремля пишут и западные исследовательские центры на основе собственных данных. Ведущий американский исследовательский центр Pew Research в своем докладе «Россия: общественная поддержка присоединения Путиным Крыма» (Russia: Public Backs Putin, Crimea's Secession)[392] отмечает небывалое сплочение россиян вокруг своего Президента. Большинство россиян одобряют деятельность В.В. Путина по внешнеполитическим вопросам (83%), их взгляд на свою страну стал более позитивным. 51% граждан России имеют в 2014 г. очень благоприятное мнение о своей стране по сравнению с

---

[390] Совместный всероссийский мегаопрос ВЦИОМ и ФОМ проведён 15─17 марта 2014 г. Методом телефонного интервью опрошено 48590 человек в 83 субъектах РФ. Статистическая погрешность не превышает 1% (http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114746).

[391] Индексы [Электронный ресурс] // Левада-центр. Электрон. дан. М., 2014. URL: http://www.levada.ru/indeksy

[392] Chapter 3. Rassia: Public Backs Putin, Crimea´s Secession // Pew Research Global Attitudes Project. Электрон. дан. New York, 2014. URL: http://www.pewglobal.org/2014/05/08/chapter-3-russia-public-backs-putin-crimeas-secession/

29% в 2013 г. Выросли положительные оценки российской армии (78% !) и даже уверенность в том, что правительство уважает личные свободы своих людей.

Обратим внимание на следующие моменты:

– если озвученная идея, подкрепленная действиями социальной группы ее носителя, обладает потенциалом аттрактивности, то она будет влиять на уровень энтропии-аномии как носителей признаков структурной аномии, так и рефлексивной;

– если аттрактор влияет на снижение уровня энтропии-аномии, то это проявляется во всех сферах общественной жизни. И рост уверенности в том, что правительство уважает права личности, а губернаторы стали эффективней действовать, – тому пример.

Это очень важные наблюдения для ответа на вопрос, как можно влиять на уровень рефлексивной аномии. Аттракторы, обладающие мощным негэнтропийным потенциалом, обеспечивают притяжение векторов всех элементов системы, в нашем случае социальных групп. Присоединение Крыма к России было названо в работе «безусловным аттрактором», поскольку идея присоединения и то, как произошло вхождение, этим мощным потенциалом обладают. Идея присоединения резонировала с широко распространенным в российском обществе мнением, что Крым никогда не был украинской территорией и отошел к Украине в силу какого-то случайного и нелепого решения, когда-то принятого Н.С. Хрущевым, а потому несправедливо! И то, что Крым как украинская территория – факт, узаконенный множеством международных договоров, подписи под которыми ставила и российская сторона, на фоне этой глобально допущенной когда-то несправедливости – вопрос второстепенной важности. По данным, прозвучавшим в докладе Pew Research, девять из десяти россиян считают референдум в Крыму свободным и справедливым. Это свидетельствует, что архетип сознания о том, что Крым – наш, был живуч у носителей и

структурной аномии, и рефлексивной. И второй момент: вхождение Крыма в состав России – это самый бескровный территориальный передел, который когда-либо имел место в мире. И это главный признак его легитимности.

Важно понимать, что в случае, если какие-то иные шаги российских властей на международной арене приведут к человеческим жертвам, в поддержке этих действий откажут носители рефлексивной аномии, поскольку личность для них важнее коллективных интересов и целей. Если ответные санкции Российской Федерации на действия Евросоюза приведут к значительному удорожанию жизни россиян, в поддержке могут отказать носители структурной аномии, поскольку их уровень жизни и так невысок. Потенциал аттрактивности может быть мощным, но он в любом случае не бесконечен.

Идеи, которые способны аккумулировать жизненную силу нации, к сожалению, не обязаны быть моральными, гуманными или прогрессивными в традиционном понимании, но они обязаны быть аттрактором, соответствующим самоорганизационным процессам социума. Впрочем, как показывает все тот же исторический опыт, идеи неморальные и негуманные заводят ситуацию в тупик, а систему – к переструктурированию. Н.А. Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма» охарактеризовал К. Маркса как замечательного социолога, но плохого психолога и антрополога[393]. В марксизме содержится блестящий социологический анализ процесса дегуманизации человека при капитализме, обличается капитализм за обобществление человеческой жизни, за дегуманизацию. Но коренная двусмысленность, первая попытка построения коммунистического общества на основах марксизма обернулась дегуманизацией человеческой жизни так же, как при капиталистическом строе, который критиковал Маркс. Человек рассматривался здесь как функция экономики, кирпичик для строительства нового общества, общество – первофеномен, человек – эпифеномен.

[393] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма... С. 148.

«Коммунизм в своей материалистически-атеистической форме целиком подчиняет человека потоку времени, человек лишь переходящий момент дробимого времени, и каждый момент является лишь средством для последующего момента», – писал Н.А. Бердяев[394]. Не время сосредотачивается в человеке, но человек – лишь песчинка в потоке времени и даже средство формирования этого потока. «В русский коммунизм вошли не традиции русского гуманизма, имевшего христианские истоки, а русского антигуманизма, связанного с русским государственным абсолютизмом, всегда рассматривавшим человека как средство»[395], – добавляет он.

Итак, идея обладает свойством аттрактивности, т.е. притягательности для траектории развития системы. Это ярко проявляется на примере религиозных идей. В основании любой религии лежит вера в чудо, в то, что не поддается логическому анализу, опровергает, сметает собою все законы и причинно-следственные связи. Но если многочисленные адепты данной религиозной идеи верят в возможность чуда, оно может и произойти. Проблема в том, что у идеи для того, чтобы она реализовала свои аттрактивные свойства, должна быть социальная структура как ее носитель. Это может быть религиозная секта, как в протестантстве, революционно настроенная толпа или иная локальная зона повышенной социальной упорядоченности. Идею надо «посадить на почву». Социальный аттрактор – это именно зона локализации социальных элементов в среде, а определенные идеи, цели, ценности и нормы являются ее негэнтропийным потенциалом, укрепляющим и поддерживающим самоорганизационный порядок в аттрактивной структуре. Отсюда делаем гипотетический вывод: если сформулировать задачу, оказать резонансное влияние на «модель мира» россиян и тем самым, сплотить общество, придать динамизм его развитию, то, во-первых, необходимо сформулировать комплекс идей, «модернистский проект», обладающий негэнтропийным потенциалом, органичным среде, т.е.

[394] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма... С. 149.
[395] Там же. С. 149.

особенностям национального характера, месту и времени, и во-вторых, необходима социальная группа, которая посадит эти идеи на почву, т.е. сама внутри будет когерентно связана комплексом этих идей.

Простой пример: пока социальная общность, именуемая самым общим словом «власть», призывает к правовому поведению россиян, будучи внутри не спаянна этой идеей, о чем свидетельствует коррупция и произвол, она не сможет «притянуть» к ней траекторию развития системы. И наоборот, чисто гипотетически, если бы власть принудила к исполнению норм аппарат чиновничества и силовые ведомства с очевидностью для общества, а не только на словах, это могло бы стать аттрактивной структурой, притянувшей к себе процессы самоорганизации на микроуровне, т.е. в поведении отдельных личностей. Сам консенсусный характер взаимоотношений по линии власть – общество, к которому тяготеют россияне, предполагает, что общество готово договариваться с властью при условии выполнения своих обязательств каждой из сторон. Только в этом случае их выполнит и другая сторона. И такая же свойственная россиянам «консенсусная» модель законопослушания подразумевает, что, во-первых, нормы закона обязательны для всех, и только в этом случае они их готовы соблюдать, а во-вторых, что эти нормы прошли моральную легитимацию, т.е. соответствуют их представлениям о социальной справедливости. Можно, конечно, сетовать на несформированность правосознания россиян в духе принятия идеи безоговорочного верховенства закона, а можно выстраивать управленческие стратегии и выдвигать сплачивающие общество идеи, учитывая состояние массового сознания в наличный момент.

Вместе с тем не до конца доказанной выглядит распространенная точка зрения о том, что для россиян «свобода» значит «воля» – черта нашей ментальности, под которой понимают специфическое ощущение отсутствия внешнего контроля и регламентации, возможность «быть самому себе хозяином». Это противоречит такой особенности россиян, установленной по

методике Г. Хофстеда, как «высокое избегание неопределенности»[396]. Стрессовое состояние общества, вызываемое неопределенностью, корректируется наличием и соблюдением четких норм, правил, законов. «В ситуации социальной аномии, неработающей судебной системы и даже просто отсутствия понятных «правил игры» при вот уже в течение двадцати лет непрерывно меняющихся внешних условиях существования наши сограждане буквально жаждут определенности и порядка (в смысле установления и соблюдения четких «правил игры», а не диктатуры) и не хотят жить дальше в условиях неопределенности и непредсказуемости»[397], – делают вывод авторы доклада о готовности российского общества к модернизации. Россияне осознанно боятся какого-либо возрождения авторитарных-тоталитарных порядков и подсознательно тяготеют к четким правилам игры, равнообязательным для всех.

Консенсусный характер взаимоотношений по линии власть – общество означает, что если люди увидят реальные действия власти по разрешению важнейших общественных проблем, поддержка ей будет оказана. Общественная система, создающая условия для охраны здоровья, обеспечивающая рабочие места и достойное вознаграждение за труд, признающая семью и семейные ценности как базовые ценности общества, проводящая социальную политику, направленную на поддержание семьи, не будет восприниматься людьми как враждебная их интересам.

Это достаточно новая тенденция для нашей интеллектуальной традиции, на мой взгляд, – спрашивать о том, что необходимо обществу, у него самого, и прислушаться не только к осмысленным и вербализированным установкам и желаниям, но и попытаться заглянуть глубже, вплоть до содержания коллективного бессознательного. До сих пор власть живет иллюзией, что ей сверху видно, что необходимо народу, а мессиански настроенная интеллигенция полагает, что только она способна

[396] Готово ли российское общество к модернизации... С. 147.
[397] Там же. С. 151.

сформулировать идеалы и ценности за народ. При этом, пишет К. Касьянова, «неприятие народом и государственной идеологии, и концепций, вырабатываемых интеллигенцией, поскольку и первая, и последние игнорируют обстоятельство первостепенной важности, обуславливающие восприятие народом любой идеологии или учения, – *они не затрагивают иерархии ценностей* (здесь и далее курсив автора – Н.М.), скрытой в коллективных представлениях, связанных с «социальными архетипами», а потому на них не отзываются *нравственные чувства* носителей этих архетипов»[398].

К. Касьянова полагает, что в условиях «напора новых элементов», в динамично развивающейся ситуации сегодняшнего дня выработанных культурой механизмов саморегулирования недостаточно, необходимо вмешательство разума в этот процесс, т.е. сознательная разработка ценностно-нормативного каркаса. Но нам как нации свойственна «социальная боязнь» всяческих идеологий, полагает В. Федотова[399], что является наследием тоталитарного прошлого, и это делает нас неспособными к конструированию социальной реальности. Как мы видим, с точки зрения исследователей, складывается порочный круг. Нам необходимы ценностно-нормативные основы жизни, чтобы в опоре на них ускорить созидательную деятельность социума, но, во-первых, наше национальное сознание сопротивляется всякому морализаторству, видя за этим прикрытие интересов властных группировок, к такому сопротивлению его подталкивает весь социокультурный и исторический опыт. А во-вторых, опять-таки, у нас нет социальных групп, авторитетных для общества, которые были бы проводниками такого идеала в жизнь.

Так при каких условиях модернистский проект будет поддержан обществом?

---

[398] *Касьянова К.* О русском национальном характере… С. 99.
[399] *Федотова В.Г.* Хорошее общество... С. 83.

Во-первых, в нем должна быть заложена идея, притягательная для него как целого, чем большим потенциалом аттрактивности она будет обладать, тем большую энергию масс аккумулирует. Причем в современных условиях индивидуализации жизненных стратегий, рефлексивности социальных акторов с равной долей участия в модернистском проекте все слои общества представлены быть не могут. Но по свойствам аттрактивных структур, если идея будет таковой, произойдет «выпадение на аттрактор», произойдет самодостраивание всей системы под нее.

Во-вторых, если представить себе теоретическую модель исследования, подразумевающую обнаружение условий социокультурного характера, при которых часть общества, поддерживающая и участвующая в модернизации страны, будет расширяться за счет тех, кто пока не поддерживает или не участвует в модернизации страны, то гипотеза исследования могла бы выглядеть следующим образом. Представителей российского общества различных социальных и профессиональных групп тем легче будет втянуть организационными усилиями в процесс модернизации, в том числе по инициативе власти, чем больше представителей общества будут носителями следующих признаков:

1) уверенности, что если выигрывает целое, выигрываю Я лично (целое – страна, коллектив и пр.);

2) уверенности, что социальная деятельность осуществляется в обществе по четким правилам, не имеющим исключений (таких как коррупционная составляющая, телефонное право, двойные стандарты);

3) чувства безопасности (правовая защищенность, надежность гарантий сохранения здоровья и медицинской помощи).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа не имеет своей задачей выявить все факторы, влияющие на развитие общества, но касается одного из важнейших – ценностно-нормативного содержания «модели мира» человека, определяющего степень его согласия с окружающей социальной средой и тем самым влияющего на целостность самой социальной системы. Согласованное же взаимодействие элементов системы является фактором ее эффективного развития.

Диссертационная работа посвящена проблеме социальной аномии. Теория социальной аномии обладает большим гносеологическим потенциалом, но требует своего развития, доработки категориального аппарата в связи с изменениями, происходящими в социальной системе в целом, и изменениями самих акторов. Важнейшим качеством современных социальных акторов, определяющим возрастающую значимость их субъективности для поведения системы, является рефлексивность. То, что социальные акторы думают о реальности, является важнейшим преобразующим ее фактором. Рост рефлексивности – процесс, идущий симметрично ценностному сдвигу, изменению совокупности значимых ценностных установок личности. Предлагается развить теорию социальной аномии, чтобы она отражала эти происходящие изменения.

В работе вводится понятие «рефлексивной аномии», порождаемой фактором увеличения значимости субъективного, индивидуального, случайного для социальных процессов, происходящих на макроуровне системы. Возникновение в нелинейно развивающемся социуме рефлексивной аномии, которая противопоставляется аномии структурной в формулировках Э. Дюркгейма и Р. Мертона, соответствующей относительно простому обществу, не отменяет последнюю, а наслаивается на нее. Две формы аномии

по-разному представлены в сознании и поведении представителей социальных общностей и групп, прошедших различную раннюю социализацию и неравномерно вовлеченных в процесс вторичной когниционной модернизации. Само их сосуществование делает социальную ситуацию более сложной и менее предсказуемой. Особенно это характерно для обществ переходного типа. Соединение в одном обществе аномии структурной, являющейся прямым линейным ответом социальных акторов на проблемы социальной системы, и аномии рефлексивной – нелинейным субъективно окрашенным откликом социальных акторов, возникающим в процессе взаимодействия с социальной средой, дают основание считать аномию современного общества сложной.

Использование синергетического подхода к изучению сложной аномии позволяет вписать ее в общий жизненный цикл сложных систем как проявление социоэнтропийного роста, который в случае достижения точки бифуркации ведет всю систему к смене режима функционирования, слому прежних основ социального порядка и складыванию новых. Аномия как проявление социоэнтропийного роста системы выражается в снижении способности использовать ценностно-нормативную составляющую культуры для воспроизводства общественных отношений, разрушении капитала социального доверия, атомизации системы. В то время как именно культура является совокупным «антиэнтропийным механизмом».

Признавая принципиальную непредсказуемость поведения системы в точке бифуркации, социосинергетика, тем не менее, утверждает предзаданность спектра возможных вариантов этого выбора. Варианты развития событий определяются внутренними свойствами самой среды, но выбор одного из них может быть связан с незначительной флуктуацией в системе. Последнее утверждение оставляет нам некоторый горизонт прогноза, но он будет носить только вероятностный характер и не

распространяется на флуктуации, а потому не может предсказать выбор поведения системы в точке бифуркации.

Возможность оказывать резонансное влияние на процессы, протекающие в системе, которую сохраняет за нами социосинергетика, – еще один важный момент. Траектория развития системы определяется ее самоорганизационным выбором, но управлять ею можно косвенным путем, путем влияния на создание потенциальных аттракторов, органичных среде, которые могут актуализироваться, став притягательными для системы в целом. Такими аттракторами могут быть ценности, идеи, верования.

Социосинергетика не случайно сложилась в момент перехода от анализа строения и функционирования социокультурных систем к объяснению процессов их развития. Именно потому, что она как методология ориентирована скорее на познание социальных процессов, чем структур. Важнейшим методологическим положением синергетики является утверждение, что существует целый класс явлений, которые возникают от совместного действия нескольких различных факторов в условиях, когда каждый фактор в отдельности такого эффекта не дает. Для социологии это означает появление методологической базы исследования процессов самоорганизации, поддержания и распада структур в социальной системе с учетом факторов протекания обменных процессов с окружающей средой. Аномия трактуется в исследовании как нелинейный процесс, протекающий в постоянно становящемся обществе.

В диссертационной работе вводится понятие ценностно-нормативных конфигураций. Именно они создают порядок из хаоса социальных коммуникаций. Под ценностно-нормативными конфигурациями подразумевается характер взаимодействия ценностей и норм: ценности, соотносимые с глубинными смыслами человеческого существования и нормы как модели поведения, соотносимые с ценностями. Не просто набор ценностей и норм, а именно конфигурации их сочленений и отношений

имеют значение, только тогда по принципу синергии возникает некоторое интегративное качество, не содержащееся в отдельных элементах, оказывающее особенно значимое влияние на социальное поведение индивидов. Согласованное взаимодействие ценностных установок и социальных практик придает динамизм развитию общественной системы, в то время как рассогласованное тормозит преобразования даже при наличии иных ресурсов.

В ответ на вопрос, возможно ли когнитивное обоснование ценностно-нормативных оснований солидарного общественного существования и их легитимация в общественном сознании, в диссертационном исследовании устанавливается, что в социологии допускается такая возможность, поскольку весь мир значений, которым мы руководствуемся, является результатом отражения действительности человеческим сознанием. Ценности и нормы должны репрезентировать группы, обладающие социальным капиталом, и их существование следует подкрепить системой социального контроля. Культурные элементы необходимо укоренять в массовом общественном сознании целенаправленно, в первую очередь в рамках института образования, через осознанную политику средств массовой информации.

Теоретические подходы к изучению социальной аномии были применены в данном исследовании к аномии российского общества. Феномен социальной аномии, с одной стороны, характерен для любого общества «быстрых перемен», но с другой, именно в российском социуме в силу произошедшего в 90-х гг. XX в. слома советской социально-экономической и политической системы и рождения принципиально новой, это состояние приняло в нем особенно глубокий затяжной характер. Это ведет к трансформации структур общественного сознания, может угрожать целостности системы и препятствует проведению направленных реформ по модернизации страны.

В результате анализа существующих моделей российской аномии установлено, что они либо являются преимущественно описательными, либо разрабатывают какую-то одну из составляющих будущих комплексных моделей. Например, ищут индикаторы аномии и способы их измерения, разрабатывают отдельные категории: социальное самочувствие, социальное благополучие и пр. Работа в этом направлении ведется, что еще раз свидетельствует об актуальности тематики.

Существующие модели аномии российского социума не учитывают такую специфическую его черту, как неравномерность развития, которую В.А. Ядов определяет как анклавизацию страны. В России соседствуют регионы с высоким уровнем вторичной модернизации, информационно-когниционной, и регионы, не завершившие первичную модернизацию, переход к индустриальному обществу. Очевидная разница в уровне жизни соседних регионов и основных социальных классов в одних и тех же регионах, что является важнейшей предпосылкой структурной аномии, усугубляется в нашем обществе эффектами рефлексивной аномии в столичных и регионах с высоким уровнем вторичной модернизации. Это делает аномию российского общества сложной, что необходимо учитывать в организации управленческих воздействий на общество. В обществах, уже завершивших обе стадии модернизации, рефлексивность социума уравновешивается не только развитой системой формального контроля, но и добровольным консенсусом общественных сил с властными структурами. В российском обществе наличие структурных факторов, порождающих аномию – высокий уровень бедности, социальная поляризация населения, утрата социального капитала, ценностно-нормативный вакуум и др. – усугубляется возникновением аномии рефлексивной, при которой основным критерием при выборе моделей поведения становится собственная субъективность, что делает социальную ситуацию еще более непредсказуемой в развитии. Сохранение анклавов с ярко выраженными

структурными проблемами – высокий уровень бедности, неэффективность региональных и местных властей, межнациональная напряженность – может стать той зоной локальной упорядоченности, которая, как аттрактивная структура, притянет к себе вектор развития системы, дестабилизируя ее функционирование в целом.

В итоге прерывистой исторической судьбы российского общества и политических и социально-экономических просчетов настоящего момента мы получаем:

1) высокий уровень отчуждения общества от власти, что сказывается в том числе на недостаточной эффективности направленных преобразований в обществе;

2) недовольство в российском обществе сегодня связано не с тем, как осуществлялись реформы постсоветских преобразований, а с тем, к какому результату они привели: проблемы с законностью и правопорядком, коррупция, отсутствие социальной справедливости, высокий уровень поляризации в обществе по доходу;

3) опасность аномии в российском обществе связана с тем, что ее проявления загнаны внутрь из-за неразвитой структуры возможностей и традиций открыто и безопасно выражать свою общественную позицию. Общество не столько активно выражает свой протест против сложившегося социального порядка, сколько приспосабливается к нему, в том числе с помощью неправовых социальных практик. В результате, аномия – это то, что может разрушить систему изнутри;

4) на индивидуальном уровне аномия проявляется в «кризисе правосознания», апатии, страхах, тревогах, дисперсии социальной идентичности;

5) в российском обществе наличествует дефицит капитала «социального доверия», нет общностей и групп, представители которых воплощали бы морально-нравственный идеал социума;

6) затянувшаяся ситуация социальной аномии деформирует структуры общественного сознания, делая аномию частью модели мира человека, что придает ей особую устойчивость.

Вместе с тем прямой связи между русским национальным характером (из-за специфики привлекаемого для анализа материала речь в данном случае идет об этнических русских – Н.М.) и склонностью к проявлениям социальной аномии в ходе исследования, несмотря на имеющиеся в отношении россиян стереотипы, не выявлено. Наоборот, как показывают социально-психологические и социокультурные методы исследования, русская культура требует от человека подавления внутренних импульсов в угоду коллективным ценностям, у россиян высокая степень избегания неопределенности, требующая регламентации различных сторон общественной жизни. Поэтому причины глубокой аномии российского общества прежде всего социальные и исторические. Большое значение для формирования культурного каркаса имеют условия, в которых проходит ранняя социализация, в том числе те условия, которые создает макроуровень системы.

Для ответа на вопросы о том, насколько сильно деформировано общественное сознание россиян и насколько необратимым является рассогласование ценностно-нормативных оснований солидарного общественного существования, был проведен вторичный анализ данных на основе методического приема построения индексов. Данный методический прием нацелен на изучение аномии не как состояния, а именно как процесса. В качестве основных признаков аномии были выбраны правовое бескультурье как нерефлексивное отношение к праву, нечеткое проведение границ между правовым и неправовым поведением в сознании и социальной практике, и нравственный релятивизм – представление об относительности и условности нравственных норм.

Проведенный анализ показал, что россияне по-прежнему достаточно четко представляют себе, что такое нравственное и безнравственное поведение, во всех возрастных группах от восемнадцати и старше. Несоблюдение нравственных норм в социальной практике провоцируется апатией как состоянием разочарованности в условиях социального существования. И напротив, рост социального оптимизма ведет к снижению нравственного релятивизма.

А вот неправовые практики социальных коммуникаций в российском обществе закрепились столь прочно, что перестают рефлексироваться как таковые и «оправдываются» массовым сознанием. Правовое бескультурье и нравственный релятивизм имеют возрастную специфику, но в гораздо большей степени они связаны с социальной ситуацией.

Аномию как рассогласование ценностно-нормативных оснований общественной жизни нельзя считать необратимым процессом в российском обществе, поскольку россияне в целом понимают и принимают необходимость существования норм и правил, носящих договорной характер, для обеспечения безопасности и благополучия социального существования. Но возможно в силу незрелости своего правосознания, возможно в силу негативного исторического опыта, возможно в силу специфики ментальности, а скорее, по всем трем основаниям сразу, российское общество пока готово только к консенсусному соблюдению норм общественной жизни, т.е. при одном непременном условии: если они будут соблюдаться всеми без исключения. Особенно оно желает видеть правовое поведение со стороны тех, кто эти правовые нормы формулирует и отслеживает их исполнение.

В ситуации «слабых связей» особую значимость приобретают формализованные, институционализированные механизмы социального контроля, которые в условиях эффективной политической власти могут

уравновесить рост свободы социальных акторов, а в случае неэффективности, напротив, усугубить.

Главный вывод, который можно сделать по результатам проделанного в работе вторичного анализа данных: аномию как рассогласование ценностно-нормативных оснований российской общественной жизни нельзя считать процессом необратимым, можно и нужно конструировать социальные условия, при которых будет происходить «выздоравливание» социума.

В связи с ускорением социальной динамики аномию следует рассматривать не столько как категорию состояния социальной системы, сколько происходящего в нем процесса, с помощью которого общество в целом или отдельные его общности и группы, проявляя свою способность к самоорганизации, реагируют на происходящие социальные изменения и адаптируются к ним. Как только мы заявляем, что аномия – это процесс, сразу возникает вопрос, можно ли им управлять.

Безусловно, снижать уровень аномии, рассогласования ценностно-нормативных оснований общественной жизни можно, влияя на факторы, ее провоцирующие: добиваться торжества законности и правопорядка, отказаться от коррупции как способа организации власти и управления с очевидностью для общества, а не только на словах, добиться того, чтобы работающие люди не были бедными, материальные блага распределялись в обществе более равномерно, должна реально гарантироваться и обеспечиваться сохранность здоровья наших граждан. Это борьба со структурной аномией. И даже сложная система способна линейно реагировать на воздействия, особенно вдали от точек бифуркации.

Второй способ влиять на аномию, который ни в коем случае не отменяет первый, а только дополняет его, – это инициирование аттракторов, таких как ценности, идеи, модернистский проект, о котором сейчас так много говорят. При каких условиях он будет поддержан обществом? Во-первых, в

нем должна быть заложена идея, притягательная для общества как целого, чем большим потенциалом аттрактивности она будет обладать, тем большую энергию масс аккумулирует. Причем в современных условиях индивидуализации жизненных стратегий, рефлексивности социальных акторов, с равной долей участия в модернистском проекте все слои общества представлены быть не могут. Но по свойствам аттрактивных структур, если идея будет таковой, произойдет «выпадение на аттрактор», произойдет самодостраивание всей системы под нее.

Во-вторых, представителей российского общества различных социальных и профессиональных групп тем легче будет приобщить к этому модернистскому проекту, чем больше представителей общества будут носителями следующих признаков: уверенности, что если выигрывает целое, выигрываю «Я» лично; уверенности, что социальная деятельность осуществляется в обществе по четким правилам, не имеющим исключений; чувства личной безопасности.

Принимать управленческие решения необходимо не только целерациональным выбором, но и считаясь с ментальными особенностями национальной общности. Опора при их принятии не на актуальные на данный момент идеи, смыслы, а на анахронизмы, может породить только отчуждение. Проведенное исследование показало, что черты национального характера являются устойчивыми образованиями и медленно изменяются во времени, но меняются их проявления в поведении. Последнее зависит от того социально-исторического контекста, в котором существует каждое поколение этноса.

Большое значение имеют приоритеты, иерархия ценностей, конфигурация ценностно-нормативных оснований общества. Данные образования могут меняться достаточно быстро как ответ на изменение социальной реальности, как способ адаптации нации как целого к культурно-историческим реалиям своего времени. Особенно быстро сопряжения

ценностей и норм меняются на поколенческих разломах в обществах «быстрых перемен». Те ценности найдут поддержку в социальной среде, которые обладают потенциалом аттрактивности, а для этого им следует опираться на архетипы, существующие в массовом сознании; быть «чувствительными» к самоорганизационным процессам, происходящим в социальной среде, они должны быть адекватными историческому моменту. Ценности долговечны, но их актуальность, иерархия – ситуативны. То есть главным условием успешных управленческих воздействий, в том числе выдвижения неких, сплачивающих общество идей, является знание объекта, которым собираешься управлять.

Массовое игнорирование норм при понимании их наличия – классическое описание состояния аномии со времен Э. Дюркгейма. Общественный порядок, против которого протестует доступными средствами российский социум, выражается прежде всего в двойственности стандартов по обязательности соблюдения норм властью и обществом, в разлитом в обществе чувстве незащищенности, небезопасности жизни, в кажущемся равнодушии социума в лице его институтов к личности в ее отдельной представленности. Переживание личностью своей невостребованности провоцирует аномичное состояние общества. Затянувшаяся на десятилетия ситуация социальной аномии угрожает существованию нашего общества как целостного.

Идея, положенная в основание управленческого проекта, с точки зрения синергетики может обладать потенциалом аттрактивности, а может и не обладать. В последнем случае она не притянет к себе вектор развития системы в целом, не направит разлитые в обществе волевые процессы в одно русло. Строить национальную политику только вокруг идеи «государственного патриотизма» неэффективно, поскольку в мирное время она не резонирует с социальными архетипами национального сознания. Национальную политику, как показывает изучение общественного мнения,

необходимо строить вокруг идеи «правового государства», где перед законом все равны без корпоративных привилегий, вокруг убеждения, что природные богатства России принадлежат всему обществу и доходы от них следует направлять прежде всего на заботу о здоровье граждан и создание рабочих мест. Гипертрофия социальных проектов, так же как и оборонных, подрывает экономический потенциал государства. Национальная идея может строиться на понимании, что наша страна – это наше общее богатство, которое никогда не позволит нам остаться голодными и холодными, при разумном его использовании.

Российскому обществу необходимо ценностное и смысловое обоснование социальной деятельности. Наше социальное поведение в большей степени объясняется не индивидуально-психологическими качествами каждого, а тем набором социальных ролей, которые мы играем, на то мы и личности. Каждая социальная страта должна подразумевать не только место в социальной структуре общества, ролевой набор и имиджевую составляющую, но и обоснование своей значимости для функционирования системы как целого. Нам нужны обоснованные критерии успешности, значимости социальных видов деятельности помимо богатства. Никто на последнее не посягает, но демонстрация богатства – это культурная модель аристократического общества, а отнюдь не демократического. Поощряя с помощью СМИ данную модель поведения, мы подрываем собственные общественные устои. Изменить эту ситуацию никакими распоряжениями невозможно, кроме как осознанной корпоративной политикой средств массовой информации.

Большой проблемой современного российского общества является невыявленность в нем социальной общности, которая пользовалась бы однозначным авторитетом среди сограждан, могла бы стать носителем и выразителем необходимых общественных ценностей, проводником их в среду, т.е. стать социальным аттрактором, зоной локальной упорядоченности

в среде, которая могла бы определять структуру порядка в ней. Традиционно эту роль оставляли за интеллигенцией. Но критерием интеллигенции, опять-таки в силу сформировавшейся традиции, считалась более высокая образованность, а следовательно, предполагаемая способность к глубине проникновения в суть вещей, постижению истины. На настоящий момент, возможно, более значимой социальной силой становятся социальные группы и отдельные представители общества, демонстрирующие высокую активность деятельности необходимой для общества как целого: благотворительность, волонтерство, экологические движения. Развитие этих элементов самоорганизации свидетельствует о формировании горизонтальных интеграционных связей, характерных для сетевого общества, при слабости связей вертикальных, соответствующих обществам иерархического типа. Подобные движения пока еще вызывают сильное опасение у организационных структур в силу неподконтрольности, нелинейности своего поведения. Но они, как никакие другие элементы общественной системы, обнаруживают те самые русла, по которым она способна развиваться. То, что в российском обществе есть эти силы, позитивные, социально значимые, необходимо сделать очевидным для всех, тогда они станут теми самыми положительными аттрактивными структурами. Организационные усилия следует направить на то, чтобы с помощью средств массовой информации делать наличие этих ресурсов очевидным, подчеркивать их положительный социальный смысл. Акцент на важности творчества, новаторства, волонтерства, благотворительности, экологического мышления следует сделать осознанной политикой СМИ.

Без проведения национальной политики, которая строилась бы не на морализаторстве и лозунгах, а с учетом глубинных архетипов национального сознания и актуального настоящему моменту его состояния, России не решить неотложные проблемы, стоящие перед обществом: слабость политической культуры, зависимость от мировых цен на углеводороды,

сокращение населения и плохое здравоохранение, высокий уровень преступности и коррупции.

Вопрос в том, не поздно ли начинать какой-либо управленческий проект с россиянами? Не будем лукавить, коррумпированные чиновники и злоупотребляющие властью представители силовых структур, пьющие родители и употребляющие наркотики дети – это мы с вами, а не кто-то чужой. На вопрос деградирует ли народ, или всегда был такой, я ответила бы: ни то ни другое. Мы то, что сами о себе думаем. Выбора на самом деле нет, кроме как исходить из убеждения, что оздоровление общества возможно. Иначе мы разъедемся по миру или растворимся. Нас не так много, нас ассимилируют, «переварят», как уже не раз бывало в истории с представителями иных культур. Ничего нельзя сказать без любви, без любви не имеет смысла что-либо говорить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аверинцев С. С. Попытки объясниться: Беседы о культуре. М.: Правда, 1988. 48 с.

2. Александер Дж. Парадоксы гражданского общества // Социология: теория, методы, маркетинг. 1999. № 1. С. 27–41.

3. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Изд. Консалтинговая группа «Праксис», 2013. 640.

4. Александровский Ю.А. Социальные катаклизмы и психическое здоровье // СОЦИС. 2010. № 4. С. 99–104

5. Андреев А.Л. Самоорганизация социокультурной среды и трансформация политической системы: российские реформы с точки зрения синергетики // Вестник Московского университета. Серия № 7 Философия. 2000. № 6. С. 77–85.

6. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М.: ИФ РАН, 1999. 200 с.

7. Ахам К. Социологизм и проблема ценности. [Электронный ресурс] // Socioline.ru. Электрон. дан. М., 2009. URL: http://socioline.ru/node/1056.

8. Ахиезер А.С. Насколько мы разные? // Неприкосновенный запас. 2002. № 6. С. 68–73.

9. Ахиезер А.С., Козлова Н.Н., Матвеева С.Я. Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: ИФ РАН, 1994. 250 с.

10. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // СОЦИС. 2010. № 1. С. 109–115.

11. Баразгова Е.С. Американская социология (традиции и современность). Курс лекций. Екатеринбург: «Деловая книга», Бишкек: «Одиссей», 1997. 176 с.

12. Бауман З. Мыслить социологически / перевод с англ. С.П. Баньковской, А. Ф. Филиппова; Под ред. А. Ф. Филиппова. М.: Аспект Пресс, 1996. 256 с.

13. Бауман З. Текучая современность / перевод с англ. под. ред. Ю.В. Асочакова. СПб: Питер, 2008. 238 с.

14. Бауман, З. Индивидуализированное общество / перевод с англ. под. ред. В.Л. Иноземцева М.: Логос, 2005. 390 с.

15. Бевзенко Л.Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. Киев.: ИС НАН Украины, 2002. 437 с.

16. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну // перевод с нем. В. Седельника, Н. Федоровой; Послеслов. А. Филиппова М.: Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.

17. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA- PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. 224 с.

18. Биченко И.Г. Ценностные ориентации студентов российских вузов в условиях социальной аномии : автореф. дис. … канд. социолд наук. М., 2009. 21 с.

19. Блау П.М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль: тексты (под. ред. В.И. Добренькова) М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 8–30.

20. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / перевод с фр. Н. В. Суслова. Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000. 96 с.

21. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / перевод с фр. Н. В. Суслова. М.: У-Фактория, 2006, 199 с.

22. Бойков В.Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 27–34.

23. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетическая как философия истории // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 109–120.

24. Буданов В.Г. Ритмокаскады истории и прогноз развития социально-психологических архетипов России до 2050 года [Электронный ресурс] // Синергетика : сайт С.П. Курдюмова. Электрон. дан. М, 2013. URL: http://spkurdyumov.narod.ru/budanovvl.htm.

25. Будущее России в зеркале синергетики / Г. Г. Малинецкий, и др., Центр «Стратегии динамического развития» им. С.П. Курдюмова. М. : Эдиториал УРСС, 2006 . 272 с.

26. Бузский М.П. Современные концепции социальной синергетики. [Электронный ресурс] // Синергетика : сайт С.П. Курдюмова. Электрон. дан. М., 2010. URL: http://spkurdyumov.narod.ru/Rags10.htm#Glob21//.

27. Бурдье П. Начала. Choses dites / перевод с фр. Н.А. Шматко М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

28. Вардомацкий А.П. Сдвиг в ценностном измерении? // Социологические исследования. 1993. № 4. С. 46–55.

29. Васильева Л.Н. Наследие И. Р. Пригожина и социальные науки // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 28–37.

30. Васильева Н. Пути и формы достижения ноосферной цивилизованности // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 123–130.

31. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб.: Изд-во Лань, 1999. 480 с.

32. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

33. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Западно-европейская социология XIX-начала XX веков. М.: Издательство Международного университета Бизнеса и Управления, 1996. С. 491–507.

34. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.

35. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–135.

36. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т. М.: Терра-Канон-Пресс-Ц, 2000.

37. Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенческий подход) // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 96–105.

38. Гавров С.Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М.: МГУКИ, 2002. 146 с.

39. Гартман Н. Этика / перевод с нем. А. Б. Глаголева; под ред. Ю.С. Медведева, Д. В. Скляднева; Вступ. ст. Ю. В. Перова, В. Ю. Перова. СПб.: Фонд «Университет:, Владимир Даль, 2002. 707 с.

40. Геращенко Д.Г. Правовая аномия в российском обществе: структурно-деятельностное измерение : автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.04 / [Юж. федер. ун-т]. Ростов н/Д., 2011. 33 с.

41. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // «Thesis». 1994. № 5. С. 107–134.

42. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / перевод с англ. М. Л. Коробочкина М.: Весь мир, 2004. 120 с.

43. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации / перевод с англ. И Тюрина. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005. 528 с.

44. Гильдебрандт Д. Этика / перевод с нем. А.И. Смирнова. СПб.: Алетейя, 2001. 569 с.

45. Головаха Е.И., Панина Н.А. Постсоветская аномия: особенности выхода из состояния аномической деморализованности в России и на Украине // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 5–10.

46. Головаха Е.И., Панина Н.В. Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС). Конструирование и применение социологического теста в массовых опросах. Киев: ИС НАН, 1997. 64 с.

47. Головаха Е.И., Панина Н.В. Интегральный индекс социального самочувствия населения Украины до и после «оранжевой революции» // Вестник общественного мнения. 2005. № 6. С. 11–16.

48. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие. История, теория и современная практика. Киев: Абрис, 1994. 168 с.

49. Горянов В.П. Групповая солидарность и ценностные ориентации // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 60–67.

50. Готово ли российское общество к модернизации : Аналитический доклад / Рук . М.К. Горшков. М.: Ин -т социологии РАН, Пред -во Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2010. 179 с.

51. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник. 2012 : сб. научных трудов / ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. С. 97–167.

52. Григорьев С.И. В поисках смысла жизни и справедливости: студенчество России на пороге XXI века. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1995. 188 с.

53. Давыдова Н.М., Седова Н.Н. Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // СОЦИС. 2004. № 3. С. 40–50.

54. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): аналитический доклад / рук . М.К. Горшков. М.: Ин-т социологии РАН, Пред-во Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2011. 304 с.

55. Де Бройль Л. По тропам науки / перевод с фр. С.Ф. Шушурина ; Послесловие и общая ред. И.В. Кузнецова. М.: Изд. Иностранная литература. 1862. 408 с.

56. Делокаров К.Х. Глобализация и теория хаоса // Синергетика : сайт С.П. Курдюмова. Электрон. дан. М., 2010. URL: http://spkurdyumov.ru/globalization/globalizaciya-i-teoriya-xaosa/

57. Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М.: Издательство политической литературы, 1967, 351 с.

58. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX-начала XX веков. Перевод с фр. А. Б. Гофмана; Примеч. В. В. Сапова. М.: Канон, 1996. С. 256–309.

59. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / перевод с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.

60. Егоров В.К. Культура как двигатель и тормоз глобализации [Электронный ресурс] // Синергетика : сайт С.П. Курдюмова. Электрон. дан. М., 2010. URL: http://spkurdyumov.narod.ru/D41Egorov.htm

61. Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. М.: Политиздат, 1986. 221 с.

62. Здравомыслов А.Г. Тройственная интерпретация культуры и границы социологического знания. // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 3–18.

63. Зиммель Г. Как возможно общество? // Социологический журнал. 1992. № 2. С. 102–114.

64. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. 96 с.

65. Ильин В.В. Аксиология. М.: Издательство МГУ, 2005. 213 с.

66. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6–32.

67. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / перевод с англ. М. Коробочкин. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

68. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2000. 430 с.

69. История России в вопросах и ответах: учебное пособие / составитель С.А. Кислицин. Ростов н/Д: Издательство «Феникс», 2001. С. 342.

70. Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Политические исследования. 1994. № 1. С. 68–93.

71. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: понятие, причины, проявления // Великоросс. 2012. № 2(4). С. 4–13.

72. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. 264 с.

73. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 560 с.

74. Клямкин И. Модернистский проект в России [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2003. № 1. Электрон. версия печатн. публ. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/kliamk.html

75. Клямкин И., Кутковец Т. Самоидентификация россиян в начале XXI века // Новые известия. 2002. № 170–171.

76. Князева Е., Туробов А. Единая наука о единой природе // Новый мир. 2000. № 3. С.161–178.

77. Князева Е.Н, Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. №12. С. 3–20.

78. Князева Е.Н. Случайность, которая творит мир (новые представления о самоорганизации в природе и обществе) // Знание, философия и жизнь. 1991. № 7. С. 3–31.

79. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука. 1994. 236 с.

80. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Интуиция как самодостраивание // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 110–122.

81. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 38–51.

82. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Квантовые правила нелинейного синтеза коэволюционирующих структур // Философия, наука, цивилизация. М.: Эдиториал Урсс, 1999. С. 222–230.

83. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.

84. Кравченко С.А. Влияние нелинейной социокультурной динамики на риски: вызовы социологическому знанию // Коммуникология. 2013. Том 1. № 1. С. 59–72.

85. Кравченко С.А. Играизация общества: блага и проблемы // Сборник научно-популярных статей победителей конкурса РФФИ 2007 года. Выпуск 11 ; под ред. члена-корреспондента РАН В.И. Конова. М.: Октопус Природа, 2008. С. 270–276.

86. Кравченко С.А. Нормальная аномия: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.

87. Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2012. 306 с.

88. Кривошеев В.В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 57–67.

89. Кривошеев В.В. Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 93–97.

90. Крупский М.А. Феномен социальной аномии в условиях современного общества : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.11 / [Моск. гос. техн. ун-т им. Н.Э. Баумана]. М., 2013. 25 с.

91. Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3–17.

92. Лебедева Н.М. Базовые ценности русской культуры на рубеже XXI века // Психологический журнал 2000. Т. 21. № 3. С. 73–87.

93. Лебедева Н.М. Ценностный компонент в характеристике русского национального характера и его влияние на экономическое развитие России // Мир психологии. 2009. № 3. С. 58–68.

94. Левада Ю. Ищем человека: социологические очерки, 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. 384 с.

95. Левада Ю.А. От мнений к пониманию: социологические очерки, 1993-2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 576 с.

96. Левада, Ю. А. Сочинения: проблема человека. Москва: Издатель Карпов Е.В., 2011. 526 с.

97. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 270 с.

98. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.

99. Лотце Р.Г. Микрокосм. Мысли о естественной и бытовой истории человечества. Опыт антропологии: Душа / перевод с нем. 2-е изд. М.: Либроком, 2012. 162 с.

100. Лукман Т. Некоторые проблемы современных плюралистических обществ // Социальные процессы на рубеже веков: феноменологическая перспектива: научные труды. М. Издательство «МГИМО-Университет», 2000. С. 4–14.

101. Лыткина Е. И. Аномия: новый подход к операционализации классического понятия // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4 кн. / отв. ред.: Е.Г. Ясин. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. С. 152–161.

102. Лыткина Е.И. Аномия – безнормность или отсутствие моральных норм? К вопросу об эмпирических возможностях концепции // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / отв. ред.: Е.Г. Ясин. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015.

103. Малинецкий Г., Потапов А. Джокеры, русла или поиски третей парадигмы // Знание – сила. 1998. № 3. С. 19–34.

104. Малинецкий Г.Г. Новая реальность и будущее глазами синергетики. [Электронный ресурс] // Прогнозы и стратегии. 2009. № 1. Электрон. версия печатн. публ. URL: http://gsf.inesnet.ru/?p=101

105. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / перевод с англ. Е.Я. Додина М.: ИНИОН, 2000. 164 с.

106. Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / перевод с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М.: «Издательство АСТ», 1994. 526 с.

107. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). Перевод с фр. Е.А. Самарской. М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.

108. Мид Дж. Г. Избранное: сб. переводов / сост. и переводчик В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко, М: РАН ИНИОН, 2009. 290 с.

109. Мид М. Культура и мир детства / перевод с англ. и коммент. Ю.А. Асеева ; сост. и предисл. И. С. Кона. М.: Наука, 1988. 429 с.

110. Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 45–50.

111. Моисеев В.Д. Центральные идеи и философские основы кибернетики М.: Мысль, 1965. 326 с.

112. Морозова Н.М. Аномия в семье. [Электронный ресурс] // POLIT.SPB.RU. Электрон. дан. М., 2010. URL: http://www.polit.spb.ru.

113. Мошкин С.В., Руденко В.Н. За кулисами свободы: ориентиры нового поколения // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 82–89.

114. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (Синергетика – психология – прогнозирование). М.: Мир, 2004. 367 с.

115. Никонов *А.В.* Социальная адаптация в условиях аномии общества: дис. … канд. филос. наук : 09.00.11. М., 1998. 159 с.

116. Нисбет Р.А. Возвращение «Священного» // Социологический журнал. 1999. № 1–2. С. 77–95.

117. О чем мечтают россияне (размышления социологов): аналитический доклад / рук . М.К. Горшков. М.: Ин-т социологии РАН, Пред-во Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2012. 182 с.

118. Ортега-и-Гассет Х. Восстание Масс. // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. Пер. с исп. Сост. , предисл. и общ. ред. А. М. Руткевич. М.: Весь Мир, 1997. С. 43–163.

119. Пантич Д. Конфликты ценностей в странах транзиции // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 25–36.

120. Панфилова А.О. Социальные индикаторы аномии в трансформирующемся российском обществе : автореф. дис. … кан. соц. наук: 22.00.04 / [Дальневост. гос. техн. ун-т]. Владивосток, 2007. 29 с.

121. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

122. Парсонс Т. Система современных обществ / перевод с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

123. Петухов В.В. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. 95 с.

124. Плетнев А.В. Динамика выхода современного российского общества из состояния аномии : автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.04 / [СПб. гос. ун-т]. СПб., 2012. 27 с.

125. Покровский Н.Е. Проблема аномии в современном обществе. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 1995. 139 с.

126. Покровский Н.Е. Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, аномия, глобализация [Электронный ресурс]

// Социологический форум. Электрон. текст. дан. М., 2000. URL: www.sociology.ru/forum/

127. Покровский Н.Е., Иванченко Г.В. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки. М.: Университетская книга, Логос, 2008. 408 с.

128. Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007 402 с.

129. Пригожин И. Постижение реальности // Природа. 1998. № 6. С. 4–11.

130. Пригожин И. Природа, наука и новая рациональность // В поисках нового мировидения: И.Пригожин, Е. и Н.Рерихи. М.: Знание, 1991. С. 32–41.

131. Пригожин И., Николис Г. Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации / перевод с англ. В. Ф. Пастушенко ; под ред. Ю. А. Чизмаджева. М.: Мир, 1979. 512 с.

132. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / перевод с англ. Ю.А. Данилова ; общая ред. и послеслов. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

133. Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России : сб. материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», 22-25 октября 2012 г. / Ин-т социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан. Уфа: АН РБ, Гилем. 472 с.

134. Риккерт Г. О системе ценностей // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. М.: Книгоиздательство «Мусагет», 1914. Т. 1, вып. 1. С. 45–79.

135. Римашевская Н.М. Некоторые проблемы социального реформирования в России // Проблемы прогнозирования. 2006. № 2. С. 3–17.

136. Рогозин Д. Как правильно задавать вопросы о социально-демографических характеристиках респондента // Социальная реальность. 2006. № 9. С. 97–105.

137. Рогозин Д. Тестирование вопросов социального самочувствия // Социальная реальность. 2007. № 2. С. 97–113.

138. Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственность. М.: Изд-во РАГС, 2000. 140 с.

139. Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009. 160 с.

140. Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. 640 с.

141. Руднев М.Г. Базовые ценности населения: сравнение россиян с жителями других европейских стран: автореф. дис. … кан. соц. наук: 22.00.04 / [Ин-т социологии РАН]. М., 2009. 29 с.

142. Сазонов А.А. Методологические и методические вопросы построения социологической теории ценностей // Социальная политика и социология. 2010. № 12. С. 166–171.

143. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм: перевод с фр. А. Санина // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сарт Ж.П. Сумерки богов. М.: «Политиздат», 1989. С. 319–344.

144. Седов Е.А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С.92–101.

145. Седов Е.А. Информационные критерии упорядоченности и сложности организации структуры систем // Системная концепция информационных процессов. М., 1988. № 3.

146. Смелзер Н. Социология / перевод с англ. З.П. Вольской; науч. ред. В.А. Ядов. М.: Феникс, 1994. 688 с.

147. Сурина И.А. Ценностные ориентации как предмет социологического исследования: учеб.-метод. пособие / Ин-т молодежи, каф. социол. М.: ИМ Голос, 1996. 130 с.

148. Тоффлер Э. Шок будущего / перевод с англ. ; науч. ред. , авт. предисл. П.С. Гуревич. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.

149. Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М.: Новый хронограф, 2011. 536 с.

150. Тощенко Ж.Т. Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005. 333 с.

151. Тугаринов В.П. О ценностях жизни и культуре. Л. 1960. 155 с.

152. Удальцова М.В. Транзитивное общество и его проблемы // Проблемы социальных взаимодействий в транзитивном обществе. Новосибирск: Изд-во НГАЭиУ, 1999. С. 3–10.

153. Урри Дж. Мобильности / перевод с англ. А.В. Лазарев. М.: Праксис, 2012. 576.

154. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.

155. Фрумкина Р.М. Аномия // Знание – сила. 1996. № 9 С. 69–79.

156. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / перевод с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ад Маргинем, 1999. 480 с.

157. Фукуяма Ф. Великий разрыв / пер с англ. под общ. ред. А.В. Александровой. М: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 474 с.

158. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию / перевод с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.

159. Фукуяма Ф. Социальный капитал : перевод с англ. А. Захарова // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л.Харрисона, С.Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002.С. 129-148

160. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? / перевод с нем. М.Л. Хорькова. М.: Издательство «Весь Мир», 2002. 144 с.

161. Хакен Г. Синергетика / перевод с англ. В.И. Емельянова. М.: Мир, 1980. 406 с.

162. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / перевод с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.

163. Хомяков Д.А. Православие Самодержавие, Народность. Монреаль: Изд. Братства преп. Иова Почаевского, 1983. 231 с.

164. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.

165. Шелер М. Формы знания и общество: сущность и понятие социологии культуры // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 122–160.

166. Шестаков С.А. Социальная аномия в России как базовый фактор возрастания девиации // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : материалы Всероссийской научно-практической конференции (18–19 ноября 2004 г.). Тюмень: ТГИМЭУП, 2005. С. 139–144.

167. Штомпка П. Социология социальных изменений / перевод с англ. под ред. В.А. Ядова; Ин-т «Открытое общество». М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

168. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / перевод с польск. С.М. Червонной М.: Логос, 2005. 664 с.

169. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций / перевод с англ. А.В. Гордона ; под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект-Пресс, 1999. 416 с.

170. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267.

171. Юлдашев Л.Г. Теории ценности в социологии: вчера и сегодня // Социологические исследования. М., 2001. № 8. С. 146–151.

172. Ядов В.А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. 2002. № 2. С. 349–363.

173. Ядов В.А. Современное состояние мировой социологии : лекция [Электронный ресурс] // Полит.ру. Электрон. дан. М., 2007. URL: http://polit.ru/article/2007/10/26/sociolog.

174. Яницкий О.Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155–164.

175. Abramson P.R., Inglehart R. Value Change in Global Perspective. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995.

176. Archer M.S. Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, 351 p.

177. Archer M.S. Making Our Way Through The World: Human Reflexivity and Social Mobility. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 352 p.

178. Archer M.S. Structure, Agency and Internal Conversation. Cambridge: Cambridge University Press. 2003.

179. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Cambridge: Polity Press, 1994. 304 p.

180. Beck U. Living in and Coping with World Risk Society: The Cosmopolitan Turn // Deutschland Perspektiven. 2012. № 10. P. 1-11.

181. Bjerregaard, B., Cochran, J.K. Want Amid Plenty: Developing and Testing a Cross-National Measure of Anomie // International Journal of Conflict and Violence. 2008. Vol. 2, № 2. P. 182–193.

182. Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power // Sociological Theory. 1989. Vol. 7, №. 1. P. 14–25.

183. Burkatzki E. Is the Market Eroding Moral Norms? A Micro-Analytical Validation of Some Ideas of Anomie Theory // International Journal of Conflict and Violence. 2008. Vol. 2, № 2. P. 268–287.

184. Byles J. A. Alienation and social control: A Study of Adolescents in a Suburban Community. St.Louis, 1968.

185. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture Volume 1: The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Wiley Blackwell, 2010.

186. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // American J. of Sociology. 1988. № 94. P. 95–121.

187. Dean D.G. Alienation: Its meaning and measurement // American Sociological Review. 1961. № 26(4). P. 753–758.

188. Debord G. Comments on the Society of the Spectacle. London: Verso, 1990. 158 p.

189. Eisenstadt Sh., Schluchter W. Paths to Early Modernities – A Comparative View // Daedalus. 1998. Vol. 127, № 3. P. 1–18.

190. Giddens A. Central problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London: Macmillan, 1979.

191. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. 402 p.

192. Habermas J. Knowledge and Human Interest. London: Heinemann Educational Books, 1972. 332 p.

193. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge: The MIT-press, 1991.

194. Homann K., Gereke U. Ethik der Globalisierung: Zur Rolle der multinationalen Unternehmen in der Etablierung moralischer Standarts. Munchen, 1999.

195. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton: Princeton University Press, 1990. 504 p.

196. Inkeles A., Smith D.H. Becoming Modern. Cambridge: Mass, Harvard University Press, 1974.

197. Levi-Strauss C. Rasaahistoria. Warszawa: PWN, 1961. P. 153–154.

198. Lutkina E. Anomie and Anomia: an Approach towards the Measurement of Social Well-Being and Deviance : доклад [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. Электрон. текст. дан. М., 2010. URL: http://publications.hse.ru/chapters/96832132

199. Lyng S. Edgework: The Sociology of Risk-Taking. New York: Taylor & Francis Group, 2005.

200. Messner S.F., Rosenfeld R. The Present and Future of Institutional Anomie Theory // Taking Stock: the Status of Criminological Theory, vol. 15 / ed. F.T. Cullen, J.P. Wright, K.R. Blevins. New Brunswick: Transaction, 2006. P. 127–148.

201. Messner S.F., Thome H., Rosenfeld R. Institutions, Anomie, and Violent Crime: Clarifying and Elaborating Institutional-Anomie Theory // International Journal of Conflict and Violence. 2008. Vol. 2, № 2. P. 163–181.

202. Mier D.L., Bell W. Anomia and differential access to life goals // American Sociological Review. 1959. № 24. P. 189–202.

203. Minagawa Y. The Social Consequences of the Fall of Communism: A Sociological Analysis of the Health Crisis in Eastern Europe / The University of Texas at Austin. Austin: 2013. 127 p.

204. Nye J. The Paradox of American Power. Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone. New York: Oxford University Press, 2002.

205. Seeman M.A Prolegomenon on Empirical Research Regarding Anomie // Shoham S. Anomie and Alienation Revisited. Tel Aviv: Ramon Publishing Co.,, 1982. P. 121–138.

206. Srole L. Social Integration and Certain Corollaries // American Sociological Review. 1956. № 21. P. 709–716.

207. Swader C. S., Kosals L. Y. Post-socialist anomie through the lens of economic modernization and the formalization of social control // Working papers by NRU Higher School of Economics. Sociology. 2013. №. 17. P. 2-32.

208. Sztompka P. Society in Action: The Theory of Social Becoming. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

209. Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003. 172 p.

210. Van Dijk, J. The Network Society. London, SAGE Publications Ltd. 2006. 304 p.

211. XVII ISA World Congress of Sociology. Gothenburg, Sweden. 11–17 July, 2010 : Book of Abstracts. San Diego, 2010. 619 p.

212. XVIII ISA World Congress of Sociology. Yokohama, Japan. 13–19 July, 2014 : Book of Abstracts. San Diego, 2014. 1182 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1 – Считаете ли Вы, что подарки, деньги врачам, преподавателям школ и вузов, работникам ЖЭКов и т.д. являются столь же опасным и вредным явлением для общества как и коррупция чиновников?

15.10.2004	Всего	Возрастная группа				
		18–24	25–34	35–44	45–59	>60
Да, это столь же опасно, потому что коррупция как раз и начинается с мелких взяток	55,0	51,00	46,00	56,00	54,00	62,00
Нет, это явление другого порядка, когда люди либо вынуждены прибегать к этому, либо делают это от чистого сердца	39,0	44,00	48,00	39,00	38,00	32,00
Затрудняюсь ответить	6,0	5,00	6,00	5,00	8,00	6,00

Таблица 2 – Считаете ли Вы, что подарки, деньги врачам, преподавателям школ и вузов, работникам ЖЭКов и т.д. являются столь же опасным и вредным явлением для общества как и коррупция чиновников?

30.05.2006	Всего	Возрастная группа				
		18–24	25–34	35–44	45–59	>60
Да, это столь же опасно, потому что коррупция как раз и начинается с мелких взяток	61,00	50,00	60,00	62,00	66,00	60,00
Нет, это явление другого порядка, когда люди либо вынуждены прибегать к этому, либо делают это от чистого сердца	30,00	41,00	32,00	31,00	26,00	26,00
Затрудняюсь ответить	9,00	7,00	8,00	7,00	7,00	14,00

Таблица 3 – Считаете ли Вы, что подарки, деньги врачам, преподавателям школ и вузов, работникам ЖЭКов и т.д. являются столь же опасным и вредным явлением для общества как и коррупция чиновников?

07.09.2008	Всего	Возрастная группа				
		18–24	25–34	35–44	45–59	>60
Да, это столь же опасно, потому что коррупция как раз и начинается с мелких взяток	53,00	44,00	48,00	48,00	56,00	62,00
Нет, это явление другого порядка, когда люди либо вынуждены прибегать к этому, либо делают это от чистого сердца	38,00	45,00	43,00	43,00	34,00	28,00
Затрудняюсь ответить	9,00	11,00	8,00	9,00	10,00	09,00

Таблица 4 – Существуют разные точки зрения, как нужно относиться к тому, соблюдают люди общепринятые морально-нравственные нормы или нет. С какой из ниже перечисленных точек зрения Вы скорее согласны?

21.06.2005	Все опрошенные	Возрастная группа				
		18–24	25–34	35–44	45–59	>60
Сегодня мы живем в другом мире, чем раньше, и многие моральные нормы сегодня уже устарели	47,00	62,00	50,00	52,00	43,00	36,00
Основные моральные нормы не подвержены влиянию времени, они всегда актуальны и современны	48,00	30,00	45,00	45,00	53,00	58,00
Затрудняюсь ответить	5,00	7,00	5,00	4,00	4,00	7,00

Таблица 5 – Существуют разные точки зрения, как нужно относиться к тому, соблюдают люди общепринятые морально-нравственные нормы или нет. С какой из ниже перечисленных точек зрения Вы скорее согласны?

04.02.2007	Все опрошенные	Возрастная группа				
		18-24	25-34	35-44	45-59	>60
Сегодня мы живем в другом мире, чем раньше, и многие моральные нормы сегодня уже устарели	35,00	55,00	42,00	38,00	26,00	22,00
Основные моральные нормы не подвержены влиянию времени, они всегда актуальны и современны	60,00	39,00	52,00	58,00	69,00	71,00
Затрудняюсь ответить	5,00	6,00	6,00	3,00	5,00	6,00

Таблица 6. Существуют разные точки зрения, как нужно относиться к тому, соблюдают люди общепринятые морально-нравственные нормы или нет. С какой из ниже перечисленных точек зрения Вы скорее согласны?

29.04.2012	Все опрошенные	Возрастная группа				
		18–24	25–34	35–44	45–59	>60
Сегодня мы живем в другом мире, чем раньше, и многие моральные нормы сегодня уже устарели	29,00	40,00	35,00	38,00	28,00	17,00
Основные моральные нормы не подвержены влиянию времени, они всегда актуальны и современны	68,00	54,00	60,00	58,00	69,00	81,00
Затрудняюсь ответить	4,00	6,00	5,00	3,00	3,00	2,00

Таблица 7 – Существуют разные точки зрения, как нужно относиться к тому, соблюдают люди общепринятые морально-нравственные нормы или нет. С какой из ниже перечисленных точек зрения Вы скорее согласны?

21.06.2005	Все опрошенные	Возрастная группа				
		18–24	25–34	35–44	45–59	>60
Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы	40,00	62,00	46,00	45,00	30,00	27,00
Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные принципы и нормы	52,00	30,00	46,00	47,00	62,00	65,00
Затрудняюсь ответить	8,00	8,00	8,00	8,00	7,00	8,00

Таблица 8 – Существуют разные точки зрения, как нужно относиться к тому, соблюдают люди общепринятые морально-нравственные нормы или нет. С какой из ниже перечисленных точек зрения Вы скорее согласны?

04.02.2007	Все опрошенные	Возрастная группа				
		18–24	25–34	35–44	45–59	>60
Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы	35,00	56,00	48,00	42,00	23,00	16,00
Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные принципы и нормы	55,00	33,00	41,00	48,00	67,00	73,00
Затрудняюсь ответить	11,00	11,00	10,00	10,00	11,00	11,00

Таблица 9 – Существуют разные точки зрения, как нужно относиться к тому, соблюдают люди общепринятые морально-нравственные нормы или нет. С какой из ниже перечисленных точек зрения Вы скорее согласны?

29.04.2012	Все опрошенные	Возрастная группа				
		18–24	25–34	35–44	45–59	>60
Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы	32,00	53,00	40,00	32,00	30,00	11,00
Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные принципы и нормы	55,00	33,00	45,00	53,00	57,00	77,00
Затрудняюсь ответить	14,00	14,00	15,00	15,00	13,00	12,00

Таблица 10 – Существуют разные точки зрения, как нужно относиться к тому, соблюдают люди общепринятые морально-нравственные нормы или нет. С какой из ниже перечисленных точек зрения Вы скорее согласны?

21.06.2005	Все опрошенные	Возрастная группа				
		18–24	25–34	35–44	45–59	>60
Мораль и нравственность – это сфера частной жизни человека, и государство не должно в нее вмешиваться	16,00	29,00	28,00	31,00	22,00	22,00
Поддержание благоприятного морально-нравственного климата в обществе невозможно без участия государства	66,00	63,00	64,00	63,00	70,00	68,00
Затрудняюсь ответить	8,00	8,00	8,00	5,00	8,00	10,00

Таблица 11 – Существуют разные точки зрения, как нужно относиться к тому, соблюдают люди общепринятые морально-нравственные нормы или нет. С какой из ниже перечисленных точек зрения Вы скорее согласны?

04.02.2007	Все опрошенные	Возрастная группа				
		18–24	25–34	35–44	45–59	>60
Мораль и нравственность – это сфера частной жизни человека, и государство не должно в нее вмешиваться	18,00	28,00	19,00	20,00	15,00	10,00
Поддержание благоприятного морально-нравственного климата в обществе невозможно без участия государства	76,00	63,00	75,00	74,00	80,00	82,00
Затрудняюсь ответить	6,00	9,00	6,00	6,00	5,00	8,00

Таблица 12 – Существуют разные точки зрения, как нужно относиться к тому, соблюдают люди общепринятые морально-нравственные нормы или нет. С какой из ниже перечисленных точек зрения Вы скорее согласны?

29.04.2012	Все опрошенные	Возрастная группа				
		18–24	25–34	35–44	45–59	>60
Мораль и нравственность – это сфера частной жизни человека, и государство не должно в нее вмешиваться	19,00	27,00	22,00	19,00	18,00	11,00
Поддержание благоприятного морально-нравственного климата в обществе невозможно без участия государства	75,00	64,00	71,00	71,00	78,00	85,00
Затрудняюсь ответить	6,00	9,00	7,00	9,00	5,00	4,00

Таблица 13 – В какой мере Вы удовлетворены тем, что происходит сейчас в стране в области морали и нравственности?

12.07.2008	Всего	Возрастная группа				
		18-24	25-34	35-44	45-59	>60
Вполне удовлетворен	6,00	16,00	8,00	5,00	2,00	3,00
В основном удовлетворен	16,00	25,00	24,00	17,00	12,00	8,00
Не вполне удовлетворен	35,00	31,00	36,00	39,00	37,00	32,00
Совершенно не удовлетворен	31,00	18,00	22,00	28,00	38,00	43,00
Затрудняюсь ответить	12,00	10,00	10,00	11,00	11,00	14,00

Таблица 14 – Что в первую очередь волнует среди нравственных проблем общества?

12.07.2008	Всего	Возрастная группа				
		18–24	25–34	35–44	45–59	>60
Алкоголизм и наркомания	15,00	15,00	13,00	15,00	12,00	19,00
Бездуховность, безнравственность, сексуальная распущенность	15,00	15,00	14,00	19,00	16,00	12,00
Беззаконие, безнаказанность, вседозволенность	7,00	4,00	5,00	7,00	7,00	7,00
Бездушие безразличие	5,00	4,00	5,00	5,00	6,00	5,00
В СМИ пропагандируют насилие секс, пошлость, бескультурье	19,00	11,00	20,00	18,00	18,00	24,00
Коррупция, воровство, взяточничество	4,00	2,00	5,00	5.00	2,00	4,00
Все думают только о деньгах	4,00	4,00	6,00	2,00	3,00	5,00
Грубость, хамство	5,00	7,00	4,00	6,00	6,00	4,00
Деградация молодежи	21,00	15,00	16,00	20,00	24,00	22,00
Жестокость	2,00	2,00	2,00	1,00	2,00	1,00
Бескультурье	6,00	8,00	6,00	4,00	7,00	3,00
Много мата	3,00	4,00	1,00	2,00	4,00	4,00
Насилие процветает	4,00	4,00	6,00	3,00	3,00	3,00
Нет уважения к старшим	4,00	3,00	5,00	3,00	4,00	4,00
Нет уважения друг к другу	4,00	8,00	5,00	3,00	4,00	4,00
Лень	0	0	0	0	0	0
Расизм	1,00	0	0,1	0,1	0,1	0
Другое	2,00	3,00	3,00	1,00	2,00	3,00
Затрудняюсь ответить	13,00	20,00	14,00	15,00	15,00	11,00
Нет ответа	1,00	1,00	2,00	3,00	1,00	1,00